

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ, ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ, ЛИТЕРАТУР, ФОЛЬКЛОРА БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУР

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ДЕЛИМИТАТИВНОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

*Е.В. Алимбиева
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Несмотря на наличие большого количества исследований в области аспектологии, вопрос о категориальном содержании способов глагольного действия (СГД) и средствах их выражения в языках с различной структурно-типологической организацией по-прежнему считается одним из сложных вопросов в языкознании. Актуальность исследования обусловлена необходимостью детального сопоставительного анализа средств выражения универсальных языковых категорий, указывающих на характер протекания действия, в частности, категории делимитативности.

Цель исследования – выявить средства выражения способов глагольного действия со значением делимитативности в русском и немецком языках.

Материал и методы. Материалом для исследования послужила глагольная лексика Большого немецко-русского словаря в трех томах под общим руководством О.И. Москальской, а также контекстно реализованные глагольные лексемы со значением делимитативности в переводе на немецкий язык, полученные в результате сплошной выборки из произведений русской художественной литературы таких авторов, как Б.Л. Васильев, М.М. Зощенко, В.М. Шукшин. Перевод всех произведений выполнен немецкими переводчиками Н. Gutsche, M. Wernicke, E. Thiele, M. Erb. Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы: сравнительно-сопоставительный, компонентный, контекстуально-ситуативный анализ, элементы количественных подсчетов.

Результаты и их обсуждение. Термин «способ глагольного действия», или «Aktionsart», несмотря на довольно широкое использование в русистике и германистике, до сих пор не находит однозначного толкования своей сущности. Вслед за А.В. Бондарко, Ю.С. Масловым, Б.М. Балиным, Н.С. Авиловой, М.А. Шелякиным, Е.В. Петрухиной, И.-Э.С. Рахманкуловой, У. Швалль и рядом других ученых в данном исследовании акционсарты рассматриваются нами в рамках функционально-семантического поля аспектуальности как особенности акциональных значений отдельных групп глаголов, которые выражают тип протекания и распределения действия по отношению к пределу своего осуществления во времени и выделяются на основе общности следующих лексико-семантических характеристик протекания действия: 1) начинательность; 2) финальность; 3) ограниченность временным пределом; 4) одновременность/последовательность действия; 5) степень интенсивности (эффективности); 6) дискретность; 7) дистрибутивность.

Делимитативные (ограничительный, длительно-ограничительный) способы глагольного действия, представляющие собой объект нашего исследования, в сопоставляемых русском и немецком языках относятся к группе временных СГД и обозначают деятельность или процесс, ограниченные определенным промежутком времени, но не доведенные до результата [1, 96].

Согласно функциональному подходу, акциональные характеристики протекания глагольного действия в сопоставляемых языках могут выражаться средствами различных языковых уровней, а также их взаимодействием. Анализ собранного материала позволил установить, что делимитативность глагольного действия в русском и немецком языках реализуется глагольными и неглагольными средствами.

Делимитативы представляют собой высокопродуктивный тип словообразовательной модификации в русском языке и менее продуктивный тип в немецком языке, что, на наш взгляд, объясняется наличием в немецком языке меньшего количества аффиксальных средств и выражаемых ими значений по сравнению с русским языком.

Ядерными средствами выражения ограничительных СГД в русском языке являются приставки *по-, про-, пере-*: *помолчать, поработать, поразмышлять, просидеть, проговорить, переночевать, переждать*. Немецкие префиксы *ab-, an-, über-, durch-* относятся к периферийным средствам выражения делимитативности: *abwarten, abwettern, anblättern, überlegen, übernachten, durchtanzen, durchwachen*. Доминирующим средством выражения делимитативности глагольного действия в немецком языке являются неглагольные средства, а именно наречия и адвербиальные сочетания (*kurzdauernd, eine Weile, einen Augenblick, ein bisschen, einen Atemzug lang* и др.), глагольно-именные аналитические структуры (*eine Atempause einlegen, dem lieben Gott den Tag abstehlen, die Nacht aufsitzen* и др.), предлоги в сочетании с существительным (*bis in den hellen Morgen hinein arbeiten, zu Atem kommen* и др.), которые в русском языке носят вспомогательный характер и занимают периферию поля средств выражения делимитативности:

1. *Некоторое время* профессор наблюдал за ним [2, 29]. / Der Professor beobachtete ihn *eine Weile* [3, 253].

2. «Волнуется, – понял профессор. – Ничего, *поволнуйся* [2, 30]. / Er ist aufgeregt, sagte sich der Professor. Na, *soll er ruhig ein bisschen aufgeregt sein* [3, 254].

3. Они *минуту* молчали [2, 31]. / Sie schwiegen *eine Weile* [3, 255].

В процессе исследования нам также встретились случаи (7% от общего количества проанализированных глагольных единиц), когда значение делимитативности русского глагола не получило выражение в языке перевода, что, на наш взгляд, может быть обусловлено также и тем, что на ограниченность действия определенным промежутком времени указывает контекст:

1. Капа догнала его, о чем-то *потолковала*, долго махала вслед [4, 491]. / Kara lief ihm hinterher, *redete auf ihn ein und winkte ihm lange nach* [5, 311].

2. Я сама *проплакала* 45 лет из-за мужского деспотизма [6, 105]. / Ich *hatte selbst fünfundvierzig Jahre lang unter männlichem Despotismus zu leiden* [7, 181].

Заключение. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что делимитативность глагольного действия является языковой универсалией, представленной в разноструктурных русском и немецком языках. В обоих языках для выражения ограничительных СГД используются глагольные и неглагольные средства, представленные аналогичными структурно-семантическими типами.

1. Петрухина, Е.В. Русский глагол: категория вида и времени (в контексте современных лингвистических учений) / Е. В. Петрухина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 208 с.
2. Шукшин, В.М. Полное собрание рассказов в одном томе / В. М. Шукшин. – М.: ЛитРес, 2012. – 1130 с.
3. Schukschin, W. Erzählungen / W. Schukschin. – Berlin: Volk und Welt-Verlag, 1984. – 330 S.
4. Васильев, Б.Л. Завтра была война: Повести и рассказы / Б. Л. Васильев. – М.: Советские писатели, 1986. – 512 с.
5. Wassiljew, B. Und morgen war Krieg: Ausgewählte Erzählungen / B. Wassiljew. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1987. – 360 S.
6. Зошенко М.М. Собрание сочинений в 7 томах / М. М. Зошенко. – М.: Время, 2008. – Т. 7: Перед восходом солнца. – 117 с.
7. Sostschenko, M. Schlüssel des Glücks / M. Sostschenko. – Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1980. – 205 S.

СПЕЦЫФІКА МАСТАЦКАЙ РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ МАРАЛЬНА-ДУХОЎНЫХ АСНОЎ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ХАРАКТАРУ Ў ДРАМАТУРГІІ У. КАРАТКЕВІЧА

Т.У. Аляксеева
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава

Пытанне нацыянальнага характару з’яўляецца актуальным у сучасным літаратурна-наўстве. Гэта звязана з праблемамі нацыянальнай самасвядомасці і самавызначэння.

Мэта нашай працы – раскрыць спецыфіку мастацкай рэпрэзентацыі маральна-духоўных асноў нацыянальнага характару ў драматургіі У. Караткевіча.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для аналізу паслужыла драматургічная спадчына У. Караткевіча. Метадалагічную базу даследавання складаюць асноўныя прыёмы дэскрыптыўнага і герменеўтычнага навуковых падыходаў, што дазваляюць выявіць асаблівасці нацыянальнага характару беларусаў на аснове аналізу драматургічных тэкстаў, ахарактарызаваць яго станоўчыя і негатыўныя складнікі, разгледзець аўтарскі светапогляд.

Вынікі і іх абмеркаванне. Адметнасць беларускага нацыянальнага характару абумоўлена гістарычным лёсам этнасу, агульнымі маральнымі каштоўнасцямі, імкненнем да праўды і незалежнасці.

Характар – гэта спалучэнне ўсіх устойлівых псіхічных уласцівасцей чалавека, яго індывідуальных рыс, што праяўляюцца ў паводзінах, учынках.

Нацыянальны характар – сукупнасць пэўных рыс пераважнай часткі аднаго народа, якія вылучаюць яго з шэрагу іншых. Ён залежыць ад геаграфічных, палітычных, эканамічных, рэлігійных абставін. Пераважаюць такія рысы беларускага нацыянальнага характару, як талерантнасць, дабрыня, патрыятызм, сумленнасць, спагада, няпомслівасць, павага да сваіх каранёў, продкаў, гасціннасць, працалюбства, імкненне да волі і праўды, уменне жартаваць.

Сярод асноўных спосабаў стварэння У. Караткевічам характару вылучаюцца: аўтарская характарыстыка, ўзаемахарактарыстыкі персанажаў, псіхалагізм, партрэтная характарыстыка (жэсты, міміка, інтанацыя), мова персанажаў.

Драматург з’яўляецца добрым псіхалагам, па-майстэрску перадае ўсе адценні чалавечай душы, раскрывае ваганні дзеючых асоб, паказвае складаны шлях персанажаў да прыняцця правільнага рашэння. Шмат увагі надае пісьменнік апісанню вачэй герояў.

Мова персанажаў драматурга індывідуалізаваная, насычана шматлікімі афарызмамі, малымі жанрамі вуснай народнай творчасці. Вядома, што фальклор – адзін з важных сродкаў самавыяўлення народа, адбітку яго памкненняў, мараў наконт будучыні.

Уладзімір Караткевіч да гісторыі ішоў ад фальклору: паданняў, легендаў, песень. Сам аўтар добра спяваў, ведаў шмат беларускіх песень. Менавіта песні дапамагаюць перадаць самае душэўнае, значнае, тлумачаць матывацыю паводзінаў персанажаў. Таму лагічна, што так многа песень уведзена ў сюжэтную канву твораў (“Мяцеліца”, “Купалінка”, “Ой, рана на Івана”, “Плач Адама”, калыханкі і іншыя).

Чараўніцы ў п’есе “Калыска чатырох чараўніц” вядуць размову наконт таго, што ўсё з цягам часу знікае, аднак *“застанецца чалавек, у далоні якога хлеб”* [1, 167], а таксама песня.

Вядома, што беларусы ўсе свае мерапрыемствы суправаджаюць танцамі, жартамі. Кастусь Каліноўскі з аднайменнай п’есы кажа: *“Жартуйце, хлопцы, жартуйце... Каб не вершы, не жарты – эта ж проста нам усім перавешацца трэба было б...”* [1, 59].

Граф Адлерберг, камендант горада, у гераічнай драме “Млын на Сініх Вірах” характарызуе беларусаў: *“Яны лепшыя, чым мы. Просты, вялікі, чыстасардэчны народ. Я захапляюся іхнімі саматужнымі вырабамі, у іх вялікая будучыня, хоць няма, пакуль што, свайго Гётэ. Яны шчырыя, гасцінныя, мужныя людзі”* [1, 265].

У. Караткевіч паказвае сапраўдных патрыётаў, якія вялі беларусаў да змагання за шчасце і волю. Сярод іх і знакамітыя гістарычныя асобы (К. Каліноўскі, Я. Купала), і звычайныя простыя людзі. Кіраўнік паўстання 1863 – 1864 гг. у п’есе “Кастусь Каліноўскі” заклікае: *“Духам не трэба падаць, браты... Мы жывыя. І пакуль мы жывыя – агонь не згасне”* [1, 35]. Герой пастаянна адзначае, што любіць Беларусь, што *“ўсю радасць, усю шматкаляровасць свету складае адзін колер, белы”* [1, 78], які і стасуецца ў яго з родным краем і яго насельнікамі.

Загадчык музея Дзюбка (“Млын на сініх Вірах”) таксама разважае пра беларусаў. На яго думку, *“гэта не проста белыя валасы, блакітныя вочы, сем коп лапцей, “Лявоніха” і паўстанне Мурашкі... Гэта найвялікшая таямніца на зямлі, – таямніца народа”* [1, 278].

Некалькі разоў пры апісанні сваёй гераіні Тэклі (“Млын на сініх Вірах”), якая атруціла немцаў, У. Караткевіч называе яе вялікай, параўноўвае з драпежнай птушкай. Гэты вобраз гіпербалізуецца. Сцвярджаецца і неўміручасць беларусаў: *“Нас у багне тапілі – мы заставаліся жыць, нас прыгняталі пад варожай пятой – мы жылі і паўставалі, у нас адбіралі мову – мы спявалі нашыя песні, на нас ішлі навалаю – мы адказвалі Піленамі, Крутагор’ем і Грунвальдам...”* [1, 293].

Вобраз Пракажонага (“Маці ўрагану”) атаясамліваецца з беларусам, які канстатуе: *“У мяне ж і хаты няма. У мяне нара. Я ад мовы адвыкнуў. Няма ў мяне суседзяў, каб па-свойму з імі пагаварыць. Суседзі ў мяне – совы ды ваўкі. З імі па-беларуску не пагаворыш... Я не адзін такі. Усе браты і сёстры, увесь мой народ такі”* [1, 190]. Але У. Караткевіч паказвае, што беларускі народ трывалы, яго не зламіць.

У п’есе “Званы Віцебска” драматург раскрывае такія рысы нацыянальнага характару беларусаў, як цярдлівасць, пакорлівасць, аднак не без межаў. Беларусы – міралюбівы народ, самі *“нікуды не лезуць”* [1, 94]. Яскрава пра гэта сведчаць словы завадатара паўстання 1623 года

Сцяпана Пасіёры: “Але ёсць мера і ў нашым цярпенні. Часам нават вельмі невялічкая. Калі такія ацвержэнні вуні робяцца там, дзе людзі не звыклі да пакут і ярма. А мы, віцьбічы, не звыклі” [1, 92]. Пацвярджае гэта і Дзюбка (“Млын на Сініх Вірах”): “А калі прыходзіць вораг – я ў вачах майго народа бачу татарскае вераломства – з дрэнню няхай іншыя будуць высакароднымі... Мы добрыя, жаласлівыя, вельмі ціхмяны, гасцінны народ, але няхай паспрабуюць прыціснуць нас, задраць за жывое – з пекла дастанем” [1, 278].

Трапна гучаць у п’есах драматурга народныя выслоўі, прыказкі: “Хто музыкам плаціць – ягонья й скокі. Чыя сіла – таго і халуі” [1, 155], “Тварык бяленькі, ды на вуме мяленька” [1, 22], “За ўсё ў жыцці трэба плаціць” [1, 186], “Смеламу і лёс чуб падстаўляе” [1, 163], “У сваёй нары і тхор не смярдзіць” [1, 217], “Галоўку чэша, а за коску – скуб!” [1, 288], “Здраду прымаюць, а здрадніка вешаюць” [1, 294], “За саплівым сватам не находзішся з платам” [1, 180], “Не табе ведаць, каб з бядой не абедаць” [1, 180], “Кума пытала, а пасля язык кусала. Мени ведаеш, сваток, мени балбочаш... [1, 180], “Можна жыць без жонкі і дзяцей, нават без бацькоў. Але немагчыма жыць без Радзімы...” [1, 186] і іншыя.

Нацыянальны характар не раскрываецца аўтарам выключна станоўчым. Сярод адмоўных рыс вызначаюцца нерашучасць, здрадніцтва, эгаізм.

Заклучэнне. Уладзімір Караткевіч у сваіх п’есах паказвае яркіх прадстаўнікоў народа, раскрывае праяўленне нацыянальнага характару ў перыяд паўстанняў, партызанскай барацьбы, змагання за незалежнасць, сваю рэлігію. Драматург засяроджвае ўвагу на такіх рысах беларускага народа, як гераізм, патрыятызм, узаемадапамога, працалюбства, гасціннасць, перавага грамадскіх інтарэсаў над асабістымі, наяўнасць гумару, захаванне традыцый продкаў.

1. Караткевіч, У. Старыя беларускія хронікі: п’есы / У. Караткевіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1988. – 304 с.

СУЧАСНЫ БЕЛАРУСКІ ПУБЛІЦЫСТЫЧНЫ ДЫСКУРС І ПРАБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ МОВЫ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ГАЗЕТЫ “ЗВЯЗДА”)

Ю.М. Бабіч
Віцебск, ВДУ імя П.М. Маішэрава

Актуальнасць даследавання абумоўлена неабходнасцю захавання высокай культуры пісьмовага маўлення ў сродках масавай інфармацыі, паколькі медыярэсурсы аказваюць надзвычай вялікі ўплыў на фарміраванне моўнага густу і вербальнай эстэтыкі асобы.

У сучасным грамадстве сродкі масавай інфармацыі адыгрываюць вельмі важную ролю. Сёння электроннае ці друкаванае перыядычнае выданне не толькі рэтрансліруе навіны ці нешта паведамляе, але выступае істотным маральна-выхаваўчым фактарам, які фарміруе ў супольнасці ўяўленне пра навакольны свет і стварае своеасаблівую эстэтычную парадыгму. Таму вельмі важна, каб мова СМІ, у першую чаргу тых, што карыстаюцца найбольшай папулярнасцю, маюць вялікія наклады, адпавядала ўсім патрабаванням літаратурных нормаў, бо гэта спрыяе выхаванню ў чытача добрага моўнага густу, вучыць яго правільна выказаць свае думкі, што ўрэшце павышае агульную культуру чалавека. Таму аналіз публіцыстычнага дыскурсу паранейшаму застаецца адной з прыярытэтных задач сучаснай айчынай лінгвістыкі.

Мэта артыкула – выяўленне асаблівасцяў сучаснага публіцыстычнага дыскурсу з пункту гледжання культуры мовы.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для правядзення даследавання паслужылі публікацыі ў штодзённым дзяржаўным выданні – газеце “Звязда” за 2017 год і студзень 2018-га. У якасці асноўных у працы выкарыстаны лінгвастыстычны метады і метады кампанентнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Праблема культуры мовы ўвесь час знаходзіцца ў цэнтры ўвагі лінгвістаў. На пачатку XXI стагоддзя беларуская лексіка стала імкліва папаўняцца пазычанымі з іншых моў словамі, пераважна англіцызмамі, істотна пашырыліся ва ўжыванні многія раней некадыфікаваныя адзінкі, некаторыя з іх трывала замацаваліся ў штодзённай камунікацыі (*размыт-неўка, кішэнік, аўто, файны* і інш.). Гэта натуральныя для кожнай мовы працэсы, якія самым непасрэдным чынам уплываюць на агульную культуру маўлення. І перыядычныя выданні павінны ў поўнай меры адпавядаць усім патрабаванням літаратурных нормаў.

Багаты матэрыял для аналізу асаблівасцяў публіцыстычнага дыскурсу ў плане захавання культуры мовы дае газета “Звязда”. Гэта адзінае штодзённае беларускамоўнае выданне, папу-

лярнае сярод розных узроставаў і сацыяльных груп насельніцтва. Таму і ўвага да стылю і мовы названага медыярэсурса таксама асабліва.

Аналіз публіцыстычнага дыскурсу “Звязды” за апошнія некалькі месяцаў выявіў шэраг недахопаў, якія не фіксаваліся ў выданні раней, прынамсі, не мелі такой рэгулярнай формы. Так, у прыватнасці, істотна пашырыліся на старонках газеты дзеепрыметнікі з суфіксамі *-уч-* (*-юч-*), *-ач-* (*-яч-*), *-ем-* (*-эм-*), што неўласціва нашай літаратурнай мове. Прыкладзём колькі прыкладаў: *Мы прадалі 50 аб’ектаў невыкарыстоўваемай камунальнай уласнасці* (29.12.17); *Галоўны сюрпрыз надыходзячага года... гледачы атрымаюць ад нейкага загадкавага персанажа ў фінале праграмы* (29.12.17); *Людзі нават у палявых умовах супрацьпастаўлялі хвілінны настрой пастаянна пануючаму вакол жаху. А вось у пасляваенны перыяд “класічнай” стала карціна танцуючых адна з адной на грамадскіх пляцоўках дзяўчат і жанчын – занадта шмат мужчын загінула* (6.01.18); *Выкарыстанне стабальнай шкалы з шырокімі дыферэнцыруючымі здольнасцямі спрашчае сістэму конкурснага адбору абітурыентаў...* (10.01.18); *Праз некалькі дзён пасля застолля з’яўляецца анярэзваючы боль...* (10.01.18). Праф. П. Сцяцко цалкам слушна заўважае, што “гэтая чужая мадэль была перанесеная ў беларускую мову ў савецкі час з усесаюзнага стандарту – расійскае мовы, дзе такія ўтварэнні з *-ац-* (*-яц-*), *-уц-* (*-юц-*), *-ем-*, *-им* пад былым моцным уздзеяннем стараславянскае мовы набылі шырокае выкарыстанне ў кніжных стылях” [1, 48]. Супраць ужывання падобных формаў у беларускай мове неаднаразова выступалі нашы славуць пісьменнікі – Якуб Колас, Кузьма Чорны, Кандрат Крапіва і інш. Да прыкладу, Колас пісаў, маючы на ўвазе такія ўтварэнні: “Без усякай патрэбы і радыё, і беларускія газеты засмечваюць мову неўласцівымі ёй формамі, якія не бытуюць у беларускай мове”. Дарэчы будзе прыгадаць і меркаванне Кузьмы Чорнага, які прызнаваўся: “Я выкараняю са сваёй мовы гэтакія формы і магу без іх выказаць беларускаю моваю, што хачу”. А вядомы навуковец і пісьменнік Анатоль Клышка прафесійна прааналізаваў і паказаў усю абсурднасць у нашай мове дзеепрыметнікаў з суфіксам *-уч-* (*-юч-*), прысвяціўшы гэтаму адмысловы артыкул з характарыстычнай назвай [2]. Можна прывесці і меркаванні іншых знакавых асобаў беларускай культуры – выдатных знаўцаў роднага слова. Дзеепрыметнікі на *-ўчы-* (*-ючы-*) неўласцівыя мове твораў, скажам, ні Васіля Быкава, ні Івана Мележа. Паводле назіранняў Алеся Каўруса, ні ў аповесці “Сотнікаў”, ні ў рамане “Людзі на балоце” не зафіксаваныя выпадкі ўжывання падобных формаў. “Але ці дае гэта падставу засумнявацца хоць на момант у інфармацыйна-мастацкай дакладнасці і змястоўнасці мовы названых пісьменнікаў?” – задае рытарычнае пытанне вядомы навуковец [3, 104].

Некаторыя ўжыванні на старонках газеты проста бянтэжаць удумлівага чытача, які мае добрае моўнае чутцё, адпаведны моўны густ. Наўрад ці можна пагадзіцца з выкарыстаннем неўласцівых нашай мове формаў у загаловах, разумеючы, наколькі важную ролю назвы артыкулаў адыгрываюць у публіцыстычным дыскурсе: *Разам з асілкамі, рыцарамі і... танцуючым батонам* (загалавак, 12.09.17); *Адыходзячы год трапіў у тройку самых цёплых* (загалавак, 21.12.17). І ўжо зусім недарэчным выглядае ўвядзенне ў кантэкст субстантываванага назоўніка з нехарактэрным суфіксам *-ючы-*: *Ажыццяўляецца сацыяльная праграма для падтрымкі працуючых* (29.12.17). Зразумела, што ў гэтым выпадку варта было выкарыстаць словаформу *працаўнікоў*. Зрэшты, для журналіста ці карэктара, які прафесійна валодае мовай, знайсці правільны варыянт нескладана.

Заклучэнне. Такім чынам, прааналізаваны матэрыял дазваляе сцвярджаць, што апошнім часам на старонках газеты “Звязда” істотна пашырылася практыка выкарыстання дзеепрыметнікаў з неўласцівымі беларускай мове суфіксамі. Гэта досыць небяспечная тэндэнцыя, улічваючы, што мова згаданага выдання ўвесь час лічылася ўзорнай, на ёй вучыліся многія пакаленні чытачоў. І якраз актуалізацыя нацыянальна-культурнага кампанента ў звяздоўскім публіцыстычным дыскурсе забяспечвала выданню шырокую чытацкую аўдыторыю. Трэба спадзявацца, што прааналізаваныя ў нашым матэрыяле лексіка-граматычныя недахопы маюць часовы характар і мова папулярнага перыядычнага выдання па-ранейшаму будзе станоўча ўплываць на фарміраванне вербальнай культуры нашага грамадства.

1. Сцяцко, П. Культура мовы / П. Сцяцко. – Мінск, 2002.
2. Клышка, А. Пра лямант – “уючых” і “лямантуючых” / А. Клышка // Польша. 1964. – №7. – С. 162–170.
3. Каўрус, А. Да свайго слова. Пытанні культуры мовы / А. Каўрус. – Мінск, 2011.

АПАВЯДАЛЬНІЦКІЯ СТРАТЭГІІ Ў РАМАНЕ “ПАНТОФЛЯ МНЕМАЗІНЫ” Л. РУБЛЕЎСКАЙ

*В.Ю. Бароўка
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

Людміла Рублеўская – адна з самых паспяховых і папулярных сучасных беларускамоўных пісьменніц. Сакрэт гэтага ў многім заключаецца ў яе апавядальніцкім майстэрстве, у апеляцыі праз праблематыку і прадуманае эстэтычнае ўвасабленне праблематыкі да шырокай чытацкай аўдыторыі. Апавядальніцкія стратэгіі пісьменніцы накіраваны на асэнсаванне айчынай гісторыі, чалавечага лёсу, узроўняў чалавечай трываласці, на нязмушанае выхаванне чытацкіх густаў. Асэнсаванне апавядальніцкіх стратэгіяў сучасных беларускіх аўтараў найперш актуальнае ў нацыянальным літаратуразнаўстве для даследавання эстэтычнай ідэнтыфікацыі айчыннага прыгожага пісьменства, для вызначэння праспектыўных шляхоў яго рэпрэзентацыі ў культурна-камунікацыйнай прасторы XXI стагоддзя.

Мэта дадзенай работы заключаецца ў выяўленні прыёмаў і функцый нарматыўных стратэгіяў Людмілы Рублеўскай у яе новым рамане “Пантофля Мнемазіны” (2017).

Матэрыял і метады. Матэрыялам для аналізу абраны раман пісьменніцы “Пантофля Мнемазіны”, галоўным чынам сюжэтно-кампазіцыйныя асаблівасці твора. У дадзенай працы выкарыстаны элементы канкрэтна-гістарычнага, феноменалагічнага, структурна-тыпалагічнага і дэскрыптыўнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Сучасная літаратура вымушана канкурыраваць з рознымі сродкамі масавай камуніцыі, найперш з такімі, як кіно, відэа, інтэрнет. У выніку літаратурацэнтрнасць прыкметна стала саступаць свае пазіцыі ў культурнай свядомасці грамадства. Пісьменнікі ў такіх умовах імкнуцца вярнуць літаратуры чытача, сцвердзіць права мастацтва слова на паўнаважнасць існаванне ў сістэме культуры і масавых камунікацый. Сусветнаведомы сербскі прэзідэнт Міларад Павіч у “Рамане як дзяржаве” заўважыў, што сучаснаму аўтару жыццёва патрэбна новая тэхналогія напісання твора, што яму наўпрост, напрыклад, неабходна развіваць тэхніку нелінейнага апавядання: “Трэба стварыць такі твор, якім можна карыстацца як інтэрактыўнай прозай. Гэта патрабуе абсалютна іншай, новай тэхнікі напісання рамана або апавядання, – тэхнікі, якая загадзя прадугледжвае і забяспечвае розныя хады пры чытанні твора” [1, 20], бо “мы маем справу не з крызісам самога рамана, а з крызісам чытання рамана. Такага рамана, які нагадвае вуліцу з аднабаковым рухам. Гэта значыць з крызісам графічнага аблічча рамана. З крызісам – кнігі” [1, 35]. Асноўная ідэя М. Павіча зводзілася да высновы пра аб’ектыўную запатрабаванасць істотнага абнаўлення паэтыкі раманавай формы праз рэфармаванне найперш апавядання.

“Пантофля Мнемазіны” – твор пра чалавека і яго магчымасці, дзе пісьменніца паспрабавала інтэрактывізаваць апавед, пераасэнсаваць традыцыйныя прыёмы мастацкага адлюстравання свету і чалавека. Раман звычайна атэстуюць як буйную прэзідэнтскую форму, напоўненую шматтэмнасцю, шматгеройнасцю, выкарыстаннем розных мастацкіх сродкаў і прыёмаў. Істотная рыса “Пантофлі Мнемазіны” – металітаратурны план, дзе прыгожае пісьменства рэпрэзентавана феноменам дыялога пісьменніцкай і чытацкай свядомасці. Л. Рублеўская мадэрнізавала сістэму апавядання ў рамане. У “Пантофлі Мнемазіны” разгортваюцца тры пераплеценныя паміж сабой гісторыі: гісторыя стварэння рамана, гісторыя Вірынеі (Ірыны) Корвус і гісторыя выбітнага доктара Люцыяна Корвуса. Гэтыя гісторыі працываюцца адна праз другую, уваходзяць адна ў адну, адначасова яны адносна аўтаномныя. Сама гісторыя напісання рамана пра доктара Корвуса падаецца апавядальніцай у канцы твора. Пры гэтым сама апавядальніца падкрэслівае, што ў пісьменніцкай працы гістарычныя і біяграфічныя факты – гэта ўсяго толькі штуршок, імпульс для творчай дзейнасці, якая грунтуецца на аўтарскай канцэпцыі жыцця і прызначэння чалавека, на вымысле ў імя жыццёвай пераканаўчасці, дзеля грунтоўнага інтэлектуальнага і эмацыянальнага ўздзеяння на чытача, карэляцыі яго маральных устаноў. Па прызнанні аўтара як героя рамана, пісьменнік – чалавек дэспатычны, ён абсалютна вольна абыходзіцца з персанажамі і жыццёвымі фактамі. Для стварэння рамана аўтару найперш неабходна “фактуркі зараз нагрэбсці” [2, 160]. Багатая “фактурка” гісторыі барацьбіта за праўду і справядлівасць Люцыяна Корвуса дастаткова поўна пададзена ў запісах рэпрэсаванага геалага, гераіня-пісьменніцай карэктуюцца, бо ў геалага Корвус адназначна прадставаў ахвярай жорсткіх

абставін: “І я разумела, што напісаць менавіта так, як вычытала ва ўспамінах геолога, я не змагу. Гісторыя майго героя будзе іншай.

Так, балючай і трагічнай. Але іншай.

І можа быць, хтосьці з тых, хто яе прачытае, аднойчы адмовіцца выбіраць між ролямі ката, здрадніка і ахвяры.

Таму, што застанеца чалавекам. Проста чалавекам на сваёй зямлі. Ну, неяк так...” [2, 164]. Письменніца іранічна разважае сама з сабой пра тэхналогіі мастацкага адлюстравання і дэкларуе: “Хопіць пафасу? Альбо яшчэ падкінуць? Я магу. Вось толькі не магу забыцца на забытых” [2, 164].

Гісторыя Ірыны Корвус угрунтавана на адкрыцці мінулага, уласнага радаводу, на спасціжэнні складанага свету чалавечых узаемадчынненняў. Ірына – дызайнер і ў дадатак мэдэратар сайта фанфікшан “Пад знакам Урабораса”, бо “ў фанфікшэне сумленней, чым на звычайным сайце пачынаючых літаратараў, які ў геніях, бы ў каросце” [3, 35]. Назва адкрытага Ірынай сайта шматзначная: Ураборас – змяя, што згарнула ў пярэдняе і кусае сябе за хвост, Ураборас сімвалізуе цыклічнасць быцця, рэпрэзентуе вечнасць і бясконцасць праз разбурэнне і стварэнне, праз жыццё і смерць. Назва сайта акцэнтуюць множнасць варыянтаў лёсу аўтараў-пачаткоўцаў, а ў межах сюжэтнага ланцуга – абсалютна нечаканыя павароты чалавечых лёсаў. Змешчаныя на сайце матэрыялы пра Ордэн рыцараў захавальнікаў памяці становяцца аб’ектам абмеркавання чытачоў. Высвятляецца, што іх слухныя заўвагі ўплываюць на выкладанне аўтарам фанфіка гісторыі Люцыяна Корвуса і яго знаёмых, карэктуюць наратыўную стратэгію. Каментары да тэкстаў аўтара, што абраў нік “Grjaznyj ubljudok”, ускосна характарызуюць і чытачоў беларускамоўнай літаратуры ў сённяшні дзень, сярод якіх ёсць выпадковыя і недалёкія людзі тыпу Трандуіла, рамантычная аматарка фантастыкі Fljor Delakur, аматар праўдападобнасці Тор Магутны, тэндэнцыйна настроены Racional, перакананы, што пра глабальныя рэчы можна чытаць толькі на “проза.ру”, а сюды “прыходзяць па рамантыку, чувак, ну ці паржаць” [3, 56].

Мэдэратар сайта Ірына Корвус – асоба літаратурацэнтрычная, бытавыя сітуацыі яна любіць суадносіць з літаратурнымі сітуацыямі. Так, пра свой намер знайсці сляды знікнуўшага мужа з гумарам зазначае: “Сюжэтаў, калі дзяўчына ідзе па слядах свайго зніклага прынца, хапае” [3, 29]. У рамане шырока выкарыстоўваюцца рэмінісцэнцыі і алюзіі як літаратурнага, так сацыяльнага і бытавога плана на падзеі мінулага і цяперашняга часу. Письменніца дасціпна высмейвае некаторыя бытавыя і літаратурныя штампы, у прыватнасці, штамп пра письменнікаў-ўсяведа: першае ўражанне ад модна апранутай Ірынай у письменніцы-апавядальніцы было негатыўным, бо па письменніцкіх мерках маладая асоба выглядала тыповай прыгожай дурніцай. Назва рамана – “Пантофля Мнемзіны” – яскравая маніфестацыя письменнікага стылю Л. Рублеўскай, угрунтавана на дарэчным выкарыстанні іранічнай метафары. Ірына Корвус як бы паміж іншым заўважае: “Багіня памяці Мнемзіна носіць пантофлі са свінцовымі абцасамі. Ступае мякка, на дыбках, а націсне пяткай – і струшчыць усё” [3, 29]. Л. Рублеўская ў працэсе мастацкага даследавання магчымасцей асобы аб’яднала ў творы элементы дэтэктыўнага, гістарычнага, сацыяльна-бытавога і фантастычнага раманаў.

Заклучэнне. Эксперыментальныя для беларускай прозы апавядальніцкія стратэгіі ў рамане Л. Рублеўскай “Пантофля Мнемзіны” заснаваны на ўліку сучасных умоў існавання літаратуры ў сацыякультурнай прасторы, класічных уяўленняў пра слоўнае мастацтва як чалавеканазнаўства, разуменні яго герменеўтычнай функцыі як дамінантнай.

1. Павич, М. Роман как держава / М. Павич. – М., 2004.
2. Рублеўская, Л. Пантофля Мнемзіны: раман / Л. Рублеўская // Дзеяслоў. – 2017. – № 5 (90). – С. 99–164.
3. Рублеўская, Л. Пантофля Мнемзіны: раман / Л. Рублеўская // Дзеяслоў. – 2017. – № 4 (89). – С. 5–81.

СЕТЕВАЯ ПОЭЗИЯ КАК ОБЩЕНИЕ ОСОБОГО РОДА: «АВТОР-ТЕКСТ-ЧИТАТЕЛЬ-ТЕКСТ»

*Ю.В. Бартош
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В последнее время, благодаря возможностям всемирной сети, доступным стал не только поиск информации, но и ее свободная публикация. В частности, это касается поэтических текстов, которые, с одной стороны, нашли новое место бытования, а с другой – претерпели значи-

тельные изменения под влиянием Интернета. Сокращение дистанции между коммуникантами, возможность миновать бумажный вариант, «внедрение» сетевого языка в поэтическую сферу изменили отношение к поэзии как таковой и, наряду с другими факторами, способствовали формированию специфического поэтического дискурса, что особенно заметно на различного рода поэтических площадках, созданных в Интернете. Наиболее популярной среди них является «Стихи.ру» – «портал, предоставляющий авторам возможность свободной публикации произведений» [3].

Цель нашего исследования – выявление особенностей поэтического дискурса на базе произведений, размещенных на сайте «Стихи.ру».

Материал и методы. Материалом послужили сетевые поэтические тексты, опубликованные на сайте «Стихи.ру». При работе были использованы общенаучные методы исследования: анализ, сопоставление, систематизация.

Результаты и их обсуждение. Сетевой поэтический дискурс весьма специфичен: взаимодействие «автор-текст-читатель» трансформируется в «автор-текст-читатель-текст», то есть поэтический дискурс в сетевом пространстве видоизменяется, он представлен не как «процесс и результат эстетической речевой деятельности творящего и воспринимающего сознания» [2, 6], а как процесс и сопроцесс. Читатель участвует в создании произведения (поскольку дистанция в интернете между читателем и автором минимальна), уточняя авторский замысел, предлагая свой вариант понимания темы и идеи в комментариях и даже редактирование отдельных частей стихотворения. Перед нами предстает коммуникативный сгусток, в котором переплетены отражённая автором действительность, ее интерпретация читателем и множество вторичных отражений действительности, представленных в рецензиях. Благодаря возможности уточнить эстетическое намерение автора, происходит перераспределение ролей: поэтический замысел отходит на второй план, вперед же выдвигается разнообразие читательского восприятия, текст может редактироваться с учетом читательских комментариев, а смыслы читателей, представленные в рецензиях, наслаиваются на авторский, таким образом, появляется множество прочтений под разным углом зрения.

Поэтому утверждение В.И. Карасик о том, что «с позиций дискурсивного осмысления поэзия представляет собой общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» [1, 327], особенно актуально для Интернет-поэзии, где, под влиянием Интернет-пространства, общение перерастает в сотворчество не только на уровне перцепции, но и на речетворческом. В сетевой поэзии автор и лирический герой максимально приближены, и герой этот обращается к читателю (либо максимально приближенному к читателю другому герою – словно читатель примеряет личность/роль адресата на себя), создавая ощущение беседы: «*я не мог не прочесть письмо точно так, / как ты не смогла его не написать. / ты всё ещё веришь в людей, это я дурак, -/не верю ни в бога, ни в чёрта, ни в чудеса*» («двухсотый», Родственник Феллини); «*это такой эпиграмм, когда ты стоишь у окна / и хочешь ногой коснуться самого черного дна. /вдыхаешь холодный воздух, жадно гоняешь боль, / с ней ведь как будто бы легче. С ней ты еще живой*» (Екатерина Ливанская, «Шесть сердец»); «*Сопки, конечно, тебя будут ждать. / Ты же так хочешь к ним. / Твой Аттила в щепки разнес / Мой жестяной Рим*» (Сапай Ким, «Молчу») и др. Стихотворениям может быть присуща и некоторая «оптативность»/ «императивность», когда автор побуждает потенциального читателя произвести ряд действий, дабы воссоздать атмосферу/обстановку/чувства, побудившие сетевого поэта на написание стихотворения (например, в «placebo» у Эллингтона:

*Я не люблю писать, обращаясь к конкретным людям/драмам,
но сейчас, похоже, без кого-то не отпустить.
Эй, человек с другой стороны экрана,
давай вместе слушать placebo
и грустить).*

Написание произведений под никами также накладывает отпечаток на творчество: условная анонимность, возможность спрятаться за маской освобождает от ответственности за написанное, информация может быть искажена либо подана в несколько ином ракурсе, что не может не быть отмечено как недостаток виртуальных публикаций. Что не менее важно, автор может использовать несколько ников, создавая клонов (несколько страниц одного автора), у каждого из которых может быть своя легенда, вымышленная судьба, пол, предпочтения, черты характера и образ мышления. Они зачастую не совпадают с чертами реального автора, что дает

основание говорить о *виртуальном авторе*, а также утверждать, что сетевой псевдоним существенно отличается от традиционного понимания (он шире и многограннее, более похож на новую личность). *Из этого следует, что традиционное изучение литературных текстов, когда творчество поэта/писателя рассматривается в тесной связи с его мировоззрением, взглядами и биографическими сведениями, не может быть применимо к виртуальному автору*, когда, по сути, мы видим «чистое» стихотворение с минимальными сведениями об авторе – иногда не известен ни пол, ни возраст. Например, авторы с никами *Цена молока*, *Шестиструнная осень*, *Идеальная ошибка* очень редко используют глаголы в прошедшем времени в сочетании с местоимением *я*, поэтому, не изучая их творчество полностью, пол определить не представляется возможным. «Нулевые» сведения об авторе накладывают отпечаток на восприятие поэтического текста и дают больше свободы в интерпретации образов.

Заключение. Таким образом, традиционные подходы к изучению поэтических текстов не всегда могут быть применены к сетевой поэзии, в которой не просматривается связь с мировоззрением поэта и его биографией, а сами тексты более свободны в восприятии и интерпретации. Сетевые поэтические тексты ориентированы на диалог с читателем, восприятие которого неотделимо от текста.

1. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с. – С. 327.
2. Монглиева, Н.В. Семантическое пространство поэтического дискурса: автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.19 / Н.В. Монглиева. – Челябинск, 2004. – 168 с.
3. Стихи.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru>. – Дата доступа: 09.10.2017.

THE STRUCTURAL AND LINGUISTIC PECULIARITIES OF ENGLISH FILM CRITICISM

O. Belskaya, M. Kiselyova
Vitebsk, Vitebsk State University

Popular film criticism is the evaluation of what a film is doing, narratively, thematically and formally. It typically takes the form of published reviews and essays that are meant to inform readers with an interest in the art form. Furthermore, film criticism attempts to explore why films are or are not working.

Material and methods. In the frames of our research we analyzed the structural peculiarities of professional critical article in comparison to descriptive review by amateurs. For this purpose we selected 25 articles by critics of leading print issues and 15 compositions written by amateurs. We picked out 2 films of the same genre of sci-fi but of two different tendencies to reach more objective evaluation. They are “Arrival” with the emphasis on drama and “Rogue One: A Star Wars Story” which represents space opera. The proficient basis for our research is formed by the articles of acknowledged critics of Time, The Film Stage, Variety, The Guardians, The Telegraph, Empire, Time Out London, The Verge, The Rolling Stones, BBC, Game Radar+, Screen International, The Playlist and Total Film. the following methods were used: analysis, classification, the induction and deduction methods, the dialectical method, the system analysis method, the quantitative and qualitative analysis method, generalization, the structural-functional method, the comparative method.

Results and their discussion. Serious film criticism, whether essays written for magazines, journals, books, or class assignments, attempts to analyze films, rather than merely review them or provide simple descriptions of what happens. An analysis requires some reflective thought about the film, and usually benefits from multiple viewings and outside research [1, 225].

We can distinguish an analytical essay from a review or a screening report, which tends to be short (3–5 pages) and to explore a single idea, often focused on a particular sequence. It might concentrate on description of a technique. By contrast, an analytical film essay for a class or publication typically runs 5–15 double-spaced pages. As an analysis, it moves across the film, considering several scenes or perhaps the whole film. It tries to illuminate patterns of form, of technique, or theme. It includes descriptions, but the descriptions are typically more detailed and extensive.

The analytical essay also puts forth the writer’s opinion, but here the opinion doesn’t usually address the ultimate worth of the film, as it might in a film review. When you analyze a film, you’re defending your view of the ways some aspects of the movie work together.

The analytical essay is an argumentative piece. There you develop an idea you have about the film by supplying good reasons for taking that idea seriously. We experience a film scene by scene, but if we want to understand how the various scenes work together, it's helpful to have a sense of the film's overall shape.

The examination of the content and language of the studied articles shows that there at least two styles of representing author's point of view on a particular cinematographic piece of work: descriptive or so-called review-type articles and academic-type or analytical essays. The descriptive writing refers to a review in its classical definition, while academic writing represents analytical essays.

The correlation distributes in the following way:

Academic – 19,

Descriptive – 6.

So, we can come to the conclusion that professional critics tend to write analytical pieces with representation of academic features like examination of film movement belonging, actors contribution not only to the plot development but to the tone and general impression, camera movements, music, etc. more than plain description of on-screen action or characters.

The primary purpose of the descriptive writing is to describe a person, place or thing in such a way that a picture is formed in the reader's mind. The structure of a descriptive essay is more flexible than in some of the other rhetorical modes. The introduction of a description essay should set up the tone and point of the essay. The thesis should convey the writer's overall impression of the person, place, or object described in the body paragraphs.

The organization of the essay may best follow spatial order, an arrangement of ideas according to physical characteristics or appearance [2, 40].

With the descriptive writing you are not developing an argument; you are merely setting the background within which an argument can be developed. You are representing the situation as it stands, without presenting any analysis or discussion.

Descriptive writing is relatively simple. There is also the trap that it can be easy to use many, many words from your word limit, simply providing description. In providing only description, you are presenting but not transforming information; you are reporting ideas but not taking them forward in any way.

If to refer this concept to the field of visual narrative we can formulate some structural and linguistic features and principles allowed for this type of reviewing:

Structure:

- Lead-in sentence to state the topic and capture attention
- Introduction identifies the title, type of film and maybe the setting
- Introduction should include signposts the rest of the review
- General impression
- Brief plot summary: only main events and a few details for interest
- May include a summary of theme
- May include a discussion of the actors (description, performance)
- Evaluation of sound, costumes, special effects
- No spoilers
- Personal recommendations with reasons

Language:

- Includes opinion and subjective language (exhilarated, disappointed)
- Present or past tense to retell the story (used consistently)
- Chronological linking words for retelling events (later, then...)
- Thinking, feeling, observing verbs (anticipated, thrilled)

Depending on what the writer describes, the organization could move from top to bottom, left to right, near to far, warm to cold, frightening to inviting, and so on.

Furthermore, we examined the structure of the pieces of writing and single out the most common models and features.

First of all we should admit that according to the length required by standard argumentative essay only a few (precisely 4) have to do with it. An average number of words is approximately 650-850. The longest analysed article belongs to critical essay by content and size contains 1467 and 1470 ("Rogue One: A Star Wars Story" in The Verge and Variety correspondingly), the shortest one is of

433 words (“Arrival” in Time Out London) and can be referred to the group of reviews according to its size but to an academic essay by its content.

In addition, we considered amateur reviews from the same angle. This point shows that the average volume of such pieces of work is approximately 470–570 words, the longest belongs to Arrival with 970 words and the shortest to Rogue One with 253 words. As for the structural side of these reviews, 13 out of 15 follow typical pattern:

- 1) Introduction
- 2) Plot summary
- 3) General impression
- 4) Personal recommendations

We cannot but admit a controversial situation. The genre of space opera with “Rogue One: A Star Wars Story” 9 times out of 13 was analysed in an extremely profound with lore of a particular kind applied by critics, while the articles dedicated to quite serious work of “Arrival” are of a descriptive character (precisely 4/11). The reviews of amateurs are opposite. “Rogue One” got perfunctory and subjective comments in contrast to “Arrival” which underwent the attempts of analysis.

Conclusion. We came to the conclusion that most professional critics tend to create critical essays with scholarly complex analysis of several points. Most articles are concentrated on techniques, character analysis or its symptomatical meaning including the role and the place among films of the same genre and also its influence on or by contemporary social, political and historical background.

1. Jacobs, P. Ch. Film Theory and Approaches to Criticism, or, What did that movie mean? / Ch. P. Jacobs // Introduction to Film Course / Ch. P. Jacobs – North Dakota: University of North Dakota, 2013.
2. Writing Academic Reviews / The Academic Skill Center – Peterborough: Trent University, 2010.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ГЛАВНАЯ КАТЕГОРИЯ СИНТАКСИСА: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

*А.А. Боровик
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Синтаксис один из сложнейших разделов грамматики. При определении объекта синтаксиса в последнее время наблюдается разделение мнений ученых-грамматистов по отношению общих и частных аспектов этой очень важной части науки о языке. Однако большая часть исследователей сходится во мнении, что ключевой единицей синтаксической структуры является предложение. Разумеется, такой подход подразумевает некое единство в терминологическом определении данной грамматической категории. Но наши наблюдения показывают, что, к сожалению, сегодня не существует универсальной трактовки термина «предложение», как, в прочем, не существует и единого подхода или всеобъемлющей концепции, удовлетворяющей всех грамматистов: в литературе представлено более 200 различных дефиниции.

Цель нашего исследования заключается в изучении и систематизации определений понятия «предложение», представленных в различных научных направлениях лингвистики.

Материал и методы. В качестве практического материала исследования методом сплошной выборки были отобраны 30 определений понятия «предложение» из учебных и научных источников. Для интерпретации результатов работы были использованы методы понятийного и компонентного анализа, а также общенаучный метод систематизации.

Результаты и их обсуждение. Следует понимать, что определенная «размытость» изучаемого термина неминуемо отражается и на дидактическом уровне: выбранный подход к пониманию категории предложения определяет стратегии изучения всего синтаксиса. В результате в фокус учебного внимания могут не попасть отдельные функции синтаксических структур, их прагматические, стилистические характеристики и т.д.

Имеющиеся сложности в определении предложения чаще всего обусловлены объективными причинами его многоаспектности. Это определяет наличие множества подходов и стремление к более углубленному изучению предложения и его структуры. Поэтому, логично, что в настоящее время наука рассматривает предложение как комплекс взаимосвязанных систем, то есть его предлагается анализировать как многоступенчатое явление. Ученые выделяют различные аспекты, по которым можно исследовать структуру, свойства и функции предложения.

Большинство из них связано с формальной структурой предложения, с его семантикой или функциями. Но существуют и другие не менее важные подходы. Детальный анализ выбранных нами дефиниций термина «предложение» позволяет систематизировать их отдельные группы:

1. Среди самых важных попыток определить предложение можно выделить традиционную теорию, исходя из которой предложение – это набор слов, связанных по смыслу и выражающих какое-либо суждение [1]. Представители данного направления полагают, что предложение тождественно логическому суждению. Однако этот подход нельзя признать адекватным, так как не всякое предложение выражает суждение, а некоторые предложения, наоборот, могут выражать два или более суждений. Таким образом, мы приходим к выводу, что предложение может соотноситься с логическим суждением, но не тождественно ему.

2. Приверженцы коммуникативного подхода полагают, что главным свойством предложения является его способность передавать информацию, то есть выступать в качестве средства коммуникации. Предполагается, что в каждом предложении должен быть коммуникативный центр – то, что является самой главной информацией в высказывании. Также необходимо провести актуальное членение предложения – выделить тему и рему в контексте высказывания. В теме содержится исходная, уже известная информация, ориентируясь на которую говорящий строит высказывание. Рема – это какие-либо соображения, комментарии, суждения по поводу темы. Такое членение иллюстрирует коммуникативное назначение предложения в речи.

3. Кроме коммуникативного значения, каждое предложение имеет свою функцию. Исходя из дынных различий предложений, мы можем говорить о функциональном аспекте их изучения. Другими словами, предложения классифицируются по цели высказывания. Выделяют повествовательные предложения, целью которых является сообщение какой-либо информации, вопросительные предложения, служащие для постановки вопросов собеседнику, и побудительные предложения, выражающие приказ или просьбу.

4. Также можно выделить определения, согласно которым предложение – это группа слов, содержащая тему и какой-либо комментарий на эту тему, то есть в предложении должна быть старая и новая информация. Несостоятельность этого подхода заключается в том, что далеко не во всех предложениях ярко выражена структура «тема-комментарий» [2].

5. Некоторые лингвисты подходят к определению предложения с точки зрения психологии. Такие ученые, как А.А. Потебня и Д.Н. Овсяннико-Куликовский считали, что в предложении обязательно должен иметься глагол в личной форме, а само предложение они рассматривали как психологическое суждение, выраженное в словах [3].

6. Наконец, существует грамматическое или формально-грамматическое направление в определении понятия «предложение». Его представители рассматривают предложение как вид словосочетаний, к которым является возможным применить синтаксические правила. Исходя из этого подхода, в предложении обязательно должны иметься грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое. Из этого суждения и вытекает главный недостаток подхода. Не во всех предложениях присутствуют подлежащее и сказуемое. Ярким примером служат неполные и эллиптические предложения, а также предложения, выражающие различные эмоции.

Заключение. Таким образом, ни один из описанных выше подходов не дает точную и безоговорочную трактовку предложения. Наиболее полными можно считать коммуникативный и функциональный подходы, однако, и они не способны в полном объеме представить содержание термина «предложение». Такое положение дел позволяет сделать вывод об объективной необходимости в учебной и научно-исследовательской деятельности представлять несколько подходов в изучении, как предложения, так и иных синтаксических структур.

1. Виноградов, В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения / В.В. Виноградов // Вопросы грамматического строя. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 482 с.
2. Иванова, И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова [и др.]. – М.: Высш. школа, 1981. – 285 с.
3. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – 2-е изд. – Харьков: Тип. А. Дарре, 1892. – 228 с.

ON GLOBAL AND LOCAL COHERENCE IN DISCOURSE

Г.Ш. Бочкова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

A number of scientists divide all categories based on connectivity into two main groups – structural (cohesion) and content (coherence). However, they emphasize the conventionality of this division [11, 81]. The global, dominant component in discourse is coherence, which refers to a semantic connection of sentences, while the indicators of structural cohesion in the text may not always be manifested, for example, the text may be incomplete, but still, having a semantic unity, will refer to the text.

The aim of the research is to consider two levels of coherence and ways to achieve coherence in discourse.

Material and methods. In the course of the research we analyzed excerpts from “A Christmas Carol” by Charles Dickens. As major methods we applied descriptive, comparative and hermeneutic approaches.

Results and their discussion. Coherence is wider than cohesion since it covers not only the formal grammatical aspects of utterances, but also the semantic-pragmatic (including thematic and functional) aspects of the semantic and interactive coherence of the discourse both local and global.

Many linguists, including T. van Dyke, note that it is the macrostructure, which refers to the global value attributed to the discourse. We can give an example of the global (thematic) coherence of news discourse: If we say that the text of the news deals with the U.S. attack on Libya, we correlate the message with the entire text as a whole – *U.S. planes flew to Lybia. They bombed the harbor of Benghazi* – to such macroposition or theme as: *The U. S. attacked Lybia*, for we know that the attack can be carried out with the help of aircraft, that the aircraft can fly and drop bombs and dropping bombs is one of the ways of attacking. Unlike local coherence, global coherence is of a more general nature, and characterizes a discourse as a whole.

Local coherence is local cohesion of sentences performed by thematic-rhematic coherence of the discourse and cohesion. If every sentence reported only the known, and there were no new information, the communication would be senseless. But the utterance, as a rule, can not contain only new information. Most English sentences (94%) have a progressive structure (first the theme, then the rheme), and only a minority (6%) – the regressive structure. Let's consider an excerpt from the novel “A Christmas Carol” by Charles Dickens.

Scrooge! He was a tight-fisted hand at the grind-stone, a squeezing, wrenching, grasping, scraping, clutching, covetous, old sinner! Hard and sharp as flint, from which no steel had ever struck out generous fire; secret, and self-contained, and solitary as an oyster. The cold within him froze his old features, nipped his pointed nose, shrivelled his cheek, stiffened his gait; made his eyes red, his thin lips blue; and spoke out shrewdly in his grating voice. A frosty rime was on his head, and on his eyebrows, and his wiry chin. He carried his own low temperature always about with him; he iced his office in the dog-days; and didn't thaw it one degree at Christmas. What is the relationship between the components of this text?

First of all, thanks to a common thought: in all the sentences they are talking about Scrooge. Yet, if you look closely at the first sentence, from the point of view of the theory of actual division, it is divided into 3 parts: *He was* (first movement, a theme known from the preceding context), *a tight-fisted hand at the grind-stone* (the second part, a rheme, which carries new information) and *a squeezing, wrenching, grasping, scraping, clutching, covetous, old sinner!* (the third part is again a rheme characterizing the subject). The writer describes the main character, whose name appears at the beginning of the description. Each subsequent sentence contains new information: physical description, character, world outlook. All the sentences have one common theme, which connects different sentences, and rhemes. Within each sentence the thought is also moving from theme to rheme. The idea is moving in parallel, which is characteristic of the description when the attributes of an object, phenomenon, setting are listed, etc., when something is matched, contrasted, compared, when thought moves in parallel.

There is another type of communication in which thought flows smoothly from one sentence to another, gives rise to a third, and closely connects the sentences as links in a chain. Let's consider another excerpt:

The door of Scrooge's counting-house was open that he might keep his eye upon his clerk, who in a dismal little cell beyond, a sort of tank, was copying letters. Scrooge had a very small fire, but the clerk's fire was so very much smaller that it looked like one coal.

The first part of the first sentence that is *the door of Scrooge's counting-house was open* is a theme about the door to the office, but the second part – *that he might keep his eye upon his clerk* – is new information as Dickens introduces a clerk in the narrative. The next part of this sentence – *who in a dismal little cell beyond, a sort of tank, was copying letters* is rhematic and carries additional information about the room and the occupation of the young man. New information about the room is introduced in this part of the first sentence: *a sort of tank*. In the second sentence, the narrative is about Scrooge and the clerk already familiar to us. Now new is the information about the fireplace.

Thus, the movement of thought from sentence to sentence takes place due to the fact that the rheme of the preceding sentence becomes the theme of the subsequent, which discloses new information. This type of movement is characteristic of logical, consistently developing speech, which can be called a chain.

Conclusion. Global coherence is the relation of each particular utterance to the overall discourse plan (strategy, scripts, and cognitive schemes in the minds of interlocutors). Global coherence is planning of one's verbal behavior and its correlation with the situation. Unlike local coherence, global coherence is of a more general nature, and characterizes discourse as a whole.

1. Тураева, З.Я. Лингвистика текста : текст: структура и семантика / З.Я. Тураева. – Москва: Просвещение, 2006. – 127 с.

СТЕРЕОТИПНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В БЕЛОРУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

А.С. Булыня
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Для того чтобы максимально ускорить и упростить чтение и понимание газетного текста, в языке газетных сообщений употребляются слова и выражения, повторяющиеся из номера в номер. Они составляют своего рода терминологию газетного стиля. Современная белорусская пресса широко использует речевые стандарты различных групп (штампы, клише, универсальные слова и др.).

Цель данной работы – изучить стереотипные заимствования в белорусской периодической печати начала XXI века.

Материал и методы. В качестве материала исследования рассматриваются стереотипные заимствования, функционирующие на страницах белорусских газет начала XXI века («Витебские вести», «Витьбичи», «Аргументы и факты в Беларуси», «Комсомольская правда в Беларуси», «Советская Белоруссия»). В процессе исследования использовались следующие методы: метод наблюдения, эвристический метод, метод стилистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Ограниченность газетной площади письменных средств массовой информации делает особенно актуальной проблему языковой экономии. Конкретно речь идет о необходимости максимального насыщения каналов коммуникативной связи компактно выраженной информацией. Для этого используются коммуникативные стереотипы – готовые речевые формулы.

Стереотипные заимствования составляют отдельную группу коммуникативных стереотипов. Это только что введенные в национальный речевой оборот варваризмы [1, с. 193]. Они обозначают современные понятия, активно функционируют в принимающем их языке и в языке-источнике и употребляются некритически (*таблоид, тиар, бестселлер*): *Имидж – все! (СБ)*

Употребление иноязычной лексики в печати обусловлено такой газетной тенденцией, как компрессия речи: чаще всего в русском языке можно передать значение заимствований не одним словом, а только при помощи описательных конструкций (*нюсмейкер, инсайдер, картридер*). Так же использование заимствований в прессе можно объяснить желанием авторов привлечь внимание к статье, «зацепить» читателя. Заимствованные слова наполняют публицистический текст определенной долей экспрессивности, создают «эффект новизны». И все-таки

использование стереотипных заимствований не носит массового характера, так как значение некоторых из них иногда затрудняет восприятие газетной статьи, оставляет читателям некую недосказанность.

По структуре стереотипные заимствования – это слова, которые с точки зрения экспрессивности и стилистической принадлежности могут быть разными, но в основном пополняют пласт нейтральной лексики.

По происхождению это, в основном, лексические единицы английского происхождения и их производные (англо-американизмы). Исследователи единодушны в признании двух основных причин этого явления: развитие техники, происходящее в основном в англоязычных странах и, как следствие, заимствование названий для новых реалий, и престиж всего англо-американского [2, с. 364].

Как правило, прежде чем перейти в разряд общеупотребительной лексики, заимствования проходят адаптацию. В связи с тем, что грамматические и фонетические системы разных языков не совпадают, при переходе в русский язык иностранные слова подвергаются нивелировке, приспособляясь к нормам и законам принимающей языковой системы.

Наибольшее количество стереотипных заимствований приходит из областей техники, экономики, политики и сферы торговли (сайт, менеджер, конъюнктура, фаст-фуд). Активность употребления иноязычной лексики обусловлена актуальностью обозначаемых ими понятий: *Стоимость февральских фьючерсов на нефть марки Brent во время торгов 12 января опускалась до 48,64 доллара за баррель (АиФ)*.

В языке газет популярны стереотипные заимствования, служащие для названия лиц (шоумен, фильммейкер спичрайтер, имиджмейкер, шопер): *Мачо могут плакать. Но больше шутят (СБ). Не менее важна для рекрутера и ваша целевая аудитория (ВВ)*.

Широко распространены в печати стереотипные заимствования на -ция (глобализация, интеграция,): *Причина пересмотра тестов – поэтапная модернизация школьной программы (СБ)*.

Заключение. Использование стереотипных заимствований в современной прессе вызвано различными причинами: языковыми, социальными, психологическими, эстетическими.

подавляющее большинство заимствований – англицизмы. Стереотипные заимствования зачастую встречаются в текстах политической и экономической направленности для названия новых реалий жизни, но вместе с тем активно проникают в сферу быта, потребления.

1. Клюев, Е.В. Речевая коммуникация / Е.В.Клюев. – М.: Приор, 1998. – 224 с.
2. Крысин, Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Клюев. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

ВИТЕБСКАЯ ИНВЕНТАРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1618 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

*Л.М. Вардомацкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Историческое языкознание в определенном смысле можно назвать историческим лингвистическим народоведением, которое открывает новые перспективы более полного исследования формирования и развития этнических общностей. Известно, что территория современной Беларуси формировалась в сложных исторических условиях, часто становилась объектом борьбы различных политических центров и конфессиональных ориентаций. Часто трагические исторические процессы, необходимость совместных поисков выходов из сложных ситуаций в конечном итоге привели к формированию особой, белорусской толерантности в межэтнических отношениях. До настоящего времени этот феномен еще не получил сколько-нибудь широкого изучения в современных гуманитарных науках и, прежде всего, в языкознании. А между тем большинством исследователей без сомнения признается тот факт, что именно в языковых формах закрепились знания человека как об окружающем мире, так и о самом себе.

Актуальность такого исследования очевидна, поскольку сегодня, в эпоху формирования белорусского национального самосознания и исследования генетической общности белорусов в семье славянских народов, понимание исторических корней нации является необходимым условием успешного развития народа.

Цель исследования – показать возможности языкознания в понимании и объяснении особенностей становления белорусской нации, белорусского языка и белорусской народной психологии, зафиксированных в языковых формах.

Материал и методы. Материалом исследования послужил текст «Инвентаря имущества архиепископии Полоцкой», составленного 10 января 1618 года по поручению архиепископа И. Кунцевича. Анализ языкового материала проводился сравнительно-историческим методом с использованием метода исторической лингвистической реконструкции.

Результаты и их обсуждение. Как известно, после подписания Люблинской унии (1596 год) территория современной Беларуси оказалась в сложной языковой ситуации. Статут Великого княжества литовского предполагал использование в документоведении «русского языка». Однако с конца XVI века происходит все более активная переориентация на латиницу и на распространение в качестве официального польского языка, в том числе и на восточных окраинах Речи Посполитой – в Витебске, Орше, Могилеве. Практически с этого времени в живой речи населения региона происходят новые процессы: с одной стороны, сохраняются и продолжают развиваться восточнославянские языковые формы, с другой, – в язык активно внедряются новые общественно-политические реалии. Язык памятников письменности этих территорий, написанных как кириллицей, так и латиницей, позволяет вскрыть столкновение языковых стихий и формирование новых явлений развития языка.

К сожалению, оригинальные тексты, отражающие особенности языка северо-востока современной Беларуси, практически не сохранились. У нас есть возможность говорить лишь о некоторых из них благодаря позднейшим копиям, представленным в изданиях Д.И. Довгялло и А.П. Сапуновым. Одна из них, «Инвентарь имущества архиепископии Полоцкой» за 1618 год, опубликована А.П. Сапуновым в 1903 году в сборнике «Витебская старина».

Вступивший в должность архиепископа Полоцкого И. Кунцевич, поручил провести инвентаризацию всех церковных владений, в том числе и жителей Витебска. В этом инвентарном списке приведены дома и имена домовладельцев, живущих на землях, принадлежащих архиепископии. В итоге общий объем приведенных в документе именованных жителей города достаточно обширен и дает возможность исследователям делать достаточно валидные выводы. Представленные в инвентаре имена собственные дают возможность для исторического исследования региональной антропоники. Нас в данном случае интересуют особенности орфографии приведенных имен собственных, поскольку их написание в определенной мере отражают те языковые особенности, которые к этому времени складывались в языке витебского региона. Отметим некоторые из них.

1. Общей фонетической закономерностью восточнославянских языков является последовательное отверждение исконно мягких шипящих [ж'] и [ш']. Но в белорусских диалектах такое отверждение распространилось и на исконно мягкий [ч']. Это явление представлено в написаниях имен собственных в интересующем нас документе: *Жолтековский, Жолтякъ, жона, Чоботаръ, Томашь*.

2. Отверждению подвергается и исконный мягкий [р'], что впоследствии получило в белорусском языке название «зацвярдзелы зычны». Однако этот процесс к началу XVII века близок к завершению только в конце слова: *Чоботаръ, Гончаръ, Бобръ*. В двух случаях в конце слова отмечаем [р'] - *Золотаръ, пономаръ*.

Наоборот, отверждение [р'] в середине слова представлено только в двух случаях – *Пурышка, Крывопускъ*. Во всех других написаниях имен собственных в тексте инвентаря в середине слова [р']: *Туриновский, Циринский, Кирило, Орешко, Лавринъ*.

Приведенные примеры свидетельствуют, что процесс отверждения исконно мягкого [р'] на территории полоцкого-витебского региона, в отличие от западных областей нынешней Беларуси, еще активен и не близок к завершению.

3. Развитие аканья – фонетический процесс XIII-XVII веков, наиболее характерный старорусским и особенно старобелорусским говорам. Предполагается, что к XVII веку этот процесс завершатся. Однако в изучаемом нами памятнике письменности определяются особенности, вероятно, характеризующие живую речь региона. Так, одним из признаков развития аканья является путаница в обозначении на письме исконных гласных [o] и [a], которая проявляется весьма активно: *Озарко, Довидъ, Кровецъ, Совостей*. Особенно активно этот процесс проявляется в начале слова: *Олексей Овакимовичъ, Ониско, Отрохимъ, Олеско, Олейникъ*.

Заключение. Орфографические особенности имен собственных, представленные в тексте анализируемого документа, как и другие документы, написанные в городе Витебске в это время, свидетельствуют о том, что на пограничных с «Московской Русью» территориях к началу XVII века, сохраняя древнерусские (древневосточнославянские) качества, складывается новая, особая языковая ситуация. Живая речь населения этого региона в наименьшей степени, по сравнению с другими территориями современной Беларуси, подверглась западнославянскому влиянию. Здесь развивались толерантные языковые процессы, что и привело в итоге к формированию самостоятельных черт фонетики, лексики и грамматики белорусского языка.

1. Сапунов, А.П. Витебская старина / А.П. Сапунов. – Витебск, 1883. – С. 344.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИКА (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЗИГМАРА ГАБРИЭЛЯ)

*М.В. Василькова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Публичная речь – это особый жанровый вид текста, чей статус и языковые особенности (синтаксис, лексика, стилистика) относятся к дискуссионной сфере современной генристики. Среди спорных вопросов данного вида открытой коммуникации на первый план выносятся проблемы соотнесения публичной речи с устной и письменной коммуникацией (В.В. Дементьев, О.А. Лаптева), жанровостилистической кодифицированности (Е.А. Земской, Е.Н. Ширяева), реализации функций прагмалингвистического воздействия (Г.С. Атакьян, Е.Е. Корнилова) и др. Последний из указанных аспектов вызывает особый интерес, так как может быть исследован при изучении лингвистических особенностей речевой деятельности. Иными словами, прагматические аспекты коммуникативного воздействия языковой личности, в том числе и манипулятивного (как скрытого, так и открытого) устанавливаются в процессе описания речевого портрета. Такой подход был положен нами при определении цели настоящей работы, заключающейся в установлении лингвостилистических особенностях речевого портрета современного немецкого политика.

Материал и методы. Практическим материалом исследования послужили тексты публичных выступлений Зигмара Габриэля, руководителя Социал-демократической партии Германии (SPD) и одновременно федерального министра иностранных дел, отобранные из открытых Интернет-источников. Всего анализу было подвергнуто 25 контекстов, общим объемом более 100 000 значимых печатных знаков. В процессе работы были использованы метод сплошной выборки практического материала, лингвостилистический анализ текста, частично – качественный контент-анализ.

Результаты и их обсуждение. Публичная речь, как особая сфера коммуникации, представляет собой текст выступления на общественно-значимую тематику. В научной литературе публичную речь чаще всего относят к устной сфере коммуникации. Однако мы считаем, что публичное выступление может быть выражено и в письменной форме. В первую очередь речь идет, конечно, о передаче (записи) устного высказывания, но сюда, с нашей точки зрения, следует также отнести и публичные открытые обращения, переданные по каналам массовой коммуникации. Письменный текст публичного обращения в этом случае, разумеется, не передает всех суперсегментных языковых единиц речевой выразительности, что в прочем, не делает его воздействующее значение менее значимым. В представленной работе мы остановимся на анализе устной публичной речи политических деятелей Германии, зафиксированной в письменном тексте.

Проанализировав политическую речь лидера Социал-демократической партии Германии (SPD) Зигмара Габриэля, возглавившего в начале 2017 года Министерство иностранных дел ФРГ можно утверждать, что для его речи характерна избыточная эмоциональность, которая часто проявляется на открытом уровне:

– Ich danke Staatssekretär Stephan Steinlein für seine Arbeit und seine Verdienste und freue mich sehr auf die Zusammenarbeit mit Walter Lindner und Rainer Sontowski (Я благодарю государственного секретаря Штефана Штайнлайна за его деятельность и заслуги и очень рад совместной работе с Вальтером Линднером и Райнером Сонтовски).

– *Ich freue mich, dass es uns gelungen ist, in der Großen Koalition gemeinsam den richtigen Kandidaten zu benennen» (Я рад, что нам удалось в рамках большой коалиции совместно выдвинуть подходящего кандидата).*

– *Wir brauchen einen Bundespräsidenten, der Vertrauen schafft und Zuversicht weckt, vor allem einen, der das Zeug hat, die Menschen zusammenzubringen und unser Land zusammenzuhalten – all das und mehr ist Frank-Walter Steinmeier» (Нам нужен федеральный президент, который будет пользоваться доверием, придаст уверенности в завтрашнем дне, прежде всего нам нужен такой человек, который сможет объединить людей и страну – всем этим и еще большим потенциалом обладает Франк Вальтер Штайнмайер).*

Результаты исследования показывают, что часто З. Габриэль выражает свои эмоции и с помощью экспрессивной лексики либо апелляции к цифрам:

– *Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmer haben 2017 im Schnitt über 2000 Euro mehr im Geldbeutel als zu Beginn der Legislaturperiode» (У нашего трудового населения в 2017 году было в кошельках на 2 тысячи евро больше, чем в начале срока полномочий действующей власти).*

Не менее частотным следует признать и стилистический прием сравнения:

– *Mit weichgespülten Konsensparteien wie CDU und CSU können wir auf Dauer nicht zusammenarbeiten (С такими партиями-единомышленниками как ХДС и ХСС, которые недооценивают определенные угрозы, мы не можем рассчитывать на длительное сотрудничество).*

– *Die deutsch-türkische Freundschaft ist tiefer als die diplomatischen Spannungen, die wir heute erleben. Deutsche und Türken sind zu eng befreundet, um aus politischen Meinungsverschiedenheiten dauerhaft Hass und Unverständnis entstehen zu lassen» (Немецко-турецкая дружба глубже, чем натянутые дипломатические отношения, которые сегодня существуют. Немцы и турки находятся в настолько тесном контакте, что невозможно длительное время давать повод для возникновения ненависти и недопонимания исходя из разницы во взглядах определенных политиков).*

Кроме того, нельзя не отметить изобилие модальных глагольных конструкций, где доминирующую позицию занимают глаголы *müssen* и *können*, что можно определить как стимулирование адресата к различного рода действиям:

– *Mit der gegenwärtigen Hängepartie muss Schluss sein. Sonst fangen wir die Lethargie bis zur Wahl 2017 nicht mehr ein (С существующим зависшим вопросом должно быть покончено. Иначе мы не избавимся от летаргии вплоть до выборов 2017 года).*

– *Wer bei uns reden will, muss uns nicht nach dem Mund reden, aber er muss unsere Regeln respektieren» (Кто у нас хочет высказаться, тот не должен нам поддакивать, однако он должен уважать наши законы).*

– *So können Alleinerziehende und ihre Kinder dauerhaft auf sicheren Füßen stehen und müssen nicht von Arbeitslosengeld leben, nur weil der andere Elternteil nicht zahlt» (Таким образом, родители, воспитывающие в одиночку детей, а также их дети могут рассчитывать длительное время на поддержку и не зависеть от пособия по безработице, в случае, если второй родитель не оказывает финансовой помощи).*

Закключение. Таким образом, рассмотренный корпус текстов публичных выступлений Зигмара Габриэля показывает, что речевой портрет немецкого политического деятеля имеет ряд лингвостилистических особенностей. К важнейшим из них относятся использование экспрессивно окрашенных лексических единиц, в том числе и модальных глагольных конструкций, а также таких тропов, как сравнение. Кроме того, важным аспектом публичной речевой деятельности немецкоязычного политика следует признать частотную апелляцию к цифровым данным.

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «РОДИНА» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «INSTAGRAM»

М.В. Василькова, С.Ю. Череватый
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Когнитивная деятельность человека реализуется не только в буквенно-звуковой форме, но и позволяет апеллировать образными представлениями в форме картинок, фреймов, моделей и т.д. Конечно, для процесса непосредственной коммуникации данные категории малоприспо-

ны, так как очень индивидуальны, то есть могут вызывать у адресата совершенно иные ассоциативные реакции. Примерами такой формы невербальной коммуникации можно считать различного рода мессенджеры, имеющие функции передачи фотографических изображений, gif-посланий, специальные социальные сети. Однако и их использование чаще всего сопровождается словестными комментариями. Такая система обмена информацией представляется интересной для исследования образных концептуальных представлений. Принимая данный подход как основополагающий, в настоящем исследовании мы ставим перед собой цель – изучить гастрономическую образную составляющую концепта «Родина».

Материал и методы. Материалом исследования послужили гастрономические изображения из русскоязычной версии социальной сети «Instagram» с тегом «Родина». Методом сплошной выборки нами были отобрано 125 изображений за период с 01.10.2017 г. по 31.12.2017 г. Для интерпретации результатов работы мы использовали статистические методы, а также метод сопоставительного, частично – дискурса анализа.

Результаты и их обсуждение. Современная лингвистика знает много концепций, определяющих сущность концепта. В самых распространенных концепт представляется как основная ячейка культуры в ментальном мире человека (Ю.С. Степанов), элемент сознания (Г.Г. Слышкин), квант знаний, отражающий содержание всей человеческой деятельности (В.А. Маслова), знание, структурированное во фрейме (В.Н. Телия), абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия (А. Соломоник), представление о фрагменте мира (М.В. Пименова), максимально абстрагированная идея «культурного предмета» (Е.С. Кубрякова) и др. Однако, несмотря на имеющиеся различия большинство исследователей сходятся во мнении, что 1) концептуальные представления базируются на коммуникативном опыте языковой личности; 2) природа концепта нематериальна; 3) образная составляющая концепта индивидуальна; 4) концепты объективируются в языке.

Поскольку ключевым аспектом нашего исследования является изучение особенности восприятия Родины пользователями упомянутой выше социальной сети, кратко остановимся на интерпретации психолингвистических характеристик концепта. Иными словами, рассмотрим содержательную специфику концепта, включенную в интерпретационную зону его коннотации. В этой связи, не лишним будет процитировать А.А. Залевскую указывающую на «динамический характер концепта и его соподчиненность закономерностям психической жизни человека, так как он аккумулирует в себе множество понятийных и образных ассоциативных признаков» [1, с. 16–17].

Функционирование концепта в социальной сети во многом схоже с медиаконцептом, так как оба ограничены коммуникативной средой, которая «выступает ключевым внешним фактором в многолетнем процессе аккумуляции концептом культурно-значимых коннотаций» [2, с. 281]. Иными словами, именно это коммуникативное окружение позволяет концепту приобретать особую образность. Это отражает практический материал нашего исследования, позволяющий оценить гастрономическую составляющую концепта «Родина».

Интерпретация количественно-качественных показателей собранного практического материала позволила систематизировать его в шесть групп:

1. Самыми многочисленными стали фотографии икры (43 единицы). Думается, что причина доминирования такой гастрономической характеристики Родины связана с национальными особенностями русскоязычных участников социальной сети «Instagram», большинство из которых, разумеется, являются славянами. В славянской культуре икра – это деликатес и, одновременно, показатель материального благосостояния. Интересным представляется и тот факт, что в подавляющем большинстве на изученных фотографиях изображена красная икра (27 единиц), в 14 случаях – черная и только в двух – обе.

2. Еще одну частотную по использованию группу (37 единиц) вошли изображения мясных изделий, среди которых выделяются фотографии соленого сала (12), шашлыка (7). Довольно частотны также ресторанные мясные блюда.

3. Следующая группа изображений включает фотографии, на которых представлен процесс приготовления пищи. Все снимки (19) сделаны на фоне печи, чаще с огнем.

4. Четвертая группа менее многочисленна (14 единиц). В нее входят изображения национальных блюд различных народов и этносов (названия многих блюд можно узнать только из дополнительных тегов или в комментариях: каурма, куырдак, шалпа, лагман, спряженина и др.).

5. Немногочисленную группу (4 фотографии) составляют изображения напитков, чаще алкогольных

б. Отдельно мы сгруппировали фотографии (8 единиц), которые представляются нам как единичные. Среди них есть изображение ресторана, фастфуда, самого приема пищи и др.

Заключение. Таким образом, можно заключить, что гастрономическая составляющая образа концепта «Родина» является довольно значимой для русскоязычных пользователей социальной сети «Instagram» и представлена несколькими составляющими, среди которых доминируют изображения икры и мясных изделий (64%). Частотными также следует признать фотографии, отражающие процесс приготовления пищи (15,2%) и национальные блюда (11,2%).

1. Залевская, А.А. Концепт как достояние индивида / А.А. Залевская // Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. – М. : Гнозис, 2005. – С. 234–244.
2. Лавицкий, А.А. Общеславянские концепты в билингвальном коммуникативном пространстве белорусских газет (на материале витебских изданий) / А.А. Лавицкий // Вест. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 5. – С. 280–285.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

*И.А. Виноградов
Витебск, УО «ВГАБМ»*

Стабильность и порядок при взаимодействии людей в большой степени зависит от устойчивости права, закономерности которого выражаются в языке. Юридический дискурс особенно важен для обеспечения существования норм и правил поведения в обществе, так как точность нормативно-правовых актов определяется тем, как законодатель использует в своей деятельности язык юридического дискурса.

Целью данного исследования является определение особенностей языка юридического дискурса.

Материал и методы. Материалом исследования являются Уголовный кодекс Республики Беларусь, толковые и юридические словари. В ходе исследования применялись следующие общенаучные методы: наблюдение, описание, анализ для определения особенностей языка юридического дискурса.

Результаты и их обсуждение. В Уголовном кодексе Республики Беларусь используются три группы понятий: 1) общеизвестные понятия, отражающие определённые экономические, социальные и иные явления и отношения (*начальник, несовершеннолетний*); 2) специфические правовые понятия, отражающие нормативные потребности правового регулирования (*лже-предпринимательство; приготовление к преступлению*); 3) специальные понятия, относящиеся к предмету нормативного правового регулирования (*геноцид, экоцид, аффект*).

Одни и те же ресурсы используются для словесного обозначения понятий в юридическом дискурсе и в обычной речи: 1) словообразование: *наёмничество, убийство*; 2) переосмысление: *принуждение, истязание*; 3) словосочетание: *служебная халатность, уклонение от отбывания наказания в виде исправительных работ*; 4) заимствование: *террористический акт, дезертирство, шпионаж*.

Согласно Большому юридическому словарю: «Юридические термины – элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [1, с. 782]. Функцией термина является однозначное и точное обозначение специального понятия.

Среди словообразовательных моделей распространены превращение глагола в существительное с абстрактным значением действия (*наказать – наказание, освободить – освобождение*); отрицание (*неосторожность, неповиновение*) и сложение слов (*боеприпасы, военнообязанные*).

Для лексики юридического дискурса характерны следующие черты: 1) однозначность; 2) соответствие нормам языка; 3) стилистическая нейтральность, отсутствие дополнительных эмоциональных, оценочных или стилистических коннотаций; 4) общепризнанность; 5) способность слова образовывать производные слова; 6) краткость, неповторимость и переводимость на другие языки; 7) устойчивый характер; 8) благозвучность лексики; 9) современность слов.

Кроме того для терминов юридического дискурса характерно: системность, (например, с термином *преступление* связаны термины *преступная организация, совокупность преступле-*

ний, преступный приказ, укрывательство преступлений); наличие дефиниций, закрепленных в словарях и кодексах; номинативность термина.

Системность термина – вхождение в систему понятий соответствующей отрасли знаний. Нормативные дефиниции – это краткие определения каких-либо понятий, в которых отражены существенные признаки предметов или явлений. Нормативные дефиниции используются в следующих случаях, если: понятие создано путём переосмысления общеупотребительной лексики специальных или иностранных слов, в том числе юридических терминов; при оформлении понятия используются слова, которые часто употребляются в разговорной речи и вызывают множественные смысловые ассоциации; данное понятие специфично в определенном нормативно-правовом акте; понятие по-разному трактуется в юридической науке и практике.

«Синонимия в юридической терминологии связана не с выражением оттенков смысла, а обусловлена или временем принятия законов, или столкновением исконных и заимствованных терминов» [2]. Устаревая юридическая лексика выходит из употребления, на смену ей приходят новые слова, часто заимствованные из английского языка. Новая юридическая лексика появляется в языке из-за ограниченности лексических ресурсов каждого языка, стремления передавать понятия с помощью минимального количества языковых средств. Примеры синонимов в правовой сфере с параллельным существованием исконного и заимствованного элементов: *выдача преступника – экстрадиция, международные торги – тендер*.

В юридическом дискурсе встречаются термины, в которых главные или заимствованные компоненты восходят к общезыковым синонимам: *прямое/непосредственное действие Уголовного кодекса Республики Беларусь, контроль/надзор*. В юридическом дискурсе также используются антонимичные пары общеупотребительной нейтральной лексики: *экспорт – импорт, временный – постоянный*; синонимичные пары: *организатор – руководитель, ущерб – вред*.

Для синонимов юридического дискурса характерны следующие тенденции экономии языковых средств: 1) уменьшение количества элементов в словосочетании (*минимальный размер оплаты труда / минимальная заработная плата*); 2) преобразование сложного словосочетания в простое (*преступления против порядка несения воинской службы / военные преступления*). Устаревший и новый термин могут существовать одновременно в языке: *доказательство, улики*.

В языке принято говорить о двух видах противоположностей, характерных для антонимов: контрарной, в которой между двумя понятиями возможно промежуточное понятие (*ранний – поздний*) и комплиментарной, при которой отсутствует промежуточный компонент между двумя понятиями (*виновный – невиновный, государство назначения – государство отправления*). Хижняк С. П. сформулировал основное отличие антонимов юридической сферы от других сфер: в юридической сфере «все антонимы отражают только комплиментарную противоположность вследствие отсутствия промежуточных понятий между антонимичными парами» [3, с. 19]. Действия с точки зрения юриспруденции могут быть легитимными или нелегитимными, но не могут быть наполовину легитимными наполовину нелегитимными.

В русском юридическом дискурсе средством выражения комплементарной противоположности является префикс не-: *правомерный – неправомерный, законный – незаконный*. В английском юридическом дискурсе для выражения используются префикс il-: *legitimate – illegitimate*.

Заключение. Уровень официальности, жанр, ситуация общения (устная или письменная) и др. влияют на язык юридического дискурса. Для юридического дискурса характерно широкое использование юридических терминов, нормативных дефиниций. В Уголовном кодексе Республики Беларусь встречаются синонимы: *экономическая несостоятельность / банкротство, ущерб / вред, тайное хищение имущества / кража*.

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – М.: ИНФРА, 1998. – 790 с.
2. Баланаева, О. В. Синонимия и антонимия в сфере юридической лексики / О. В. Баланаева // *Нова філологія*. – 2014. - № 63. – С. 115–122. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/UJRN/Novfil_2014_63_24.
3. Хижняк, С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / С. П. Хижняк; под ред. Л. И. Баранниковой, М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – 134 с.

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ СЕТЕВЫЕ ФАКТОИДЫ: ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л.В. Гальченко
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В массовом информационном пространстве активное распространение получил новый жанровый вид публицистического материала – фактоид. В психологии фактоид рассматривается как широко распространенный и один из наиболее эффективных способов манипуляции общественным сознанием для извлечения политических или экономических выгод. На вопрос, почему фактоиды убедительны, психологи отвечают, что, во-первых, попытки проверить истинность таковых весьма немногочисленны, во-вторых, они зачастую удовлетворяют наши психологические потребности; наконец, они функционируют как форма предубеждения и создают социальную реальность.

С точки зрения лингвистики, фактоид представляет собой особое краткое, чаще заголовочное сообщение, чье содержание не соответствует заявленной информации или контекстуально имеет другое значение. Ключевыми функциями фактоидов являются создание интереса, развлекательная (гедонистическая) и эмоционально-психологическая функции, которые заметно перекликаются с функциями самих СМИ. Логичным представляется рассматривать фактоиды как содержательно зависимые единицы СМИ, так как их реальное смысловое значение раскрывается только во взаимосвязи с публицистическим текстом, к которому они относятся.

Особое сочетание информативного и оценочного планов приводит к возникновению собственно лингвистической специфики использования языковых средств речевой выразительности, среди которых можно выделить три группы: грамматические, лексические и синтаксические. Языковые предпочтения в каждом конкретном случае чаще всего зависят от адресата фактоидного сообщения, однако, их анализ находится в сфере статистических закономерностей, изучение которых предопределило цель настоящего исследования – выявить тенденции в использовании морфологических словоформ в современных немецкоязычных сетевых фактоидах.

Материал и методы. Эмпирическим материалом исследования послужили фактоиды из немецкоязычных информационных Интернет-контентов: Deutsche Tageszeitung, Spiegel Online, FOCUS Online, Deutschland Welt Info за 2017 г. общим объемом 153 единицы. В процессе работы были использованы методы сплошной выборки практического материала, количественного и качественного контент-анализа.

Результаты и их обсуждение. Детальный анализ выбранного практического материала и систематизация полученных результатов позволили определить следующие грамматические особенности рассматриваемых немецкоязычных фактоидов:

1) использование составных словоформ (Internet-Memes sind “mächtiger Faktor” im US-Wahlkampf / Интернет-мемы являются «мощным фактором» в ходе избирательной кампании в США; Hollywoodstar Jesse Eisenberg spendet nach eigenen Worten aus Verantwortung einen Großteil seiner Gagen / Голливудская звезда Джесси Айзенберг жертвует большинство своих гонораров; Donald Trump hat den Ausstieg der USA aus dem pazifischen Freihandelsabkommen TPP bekräftigt / Дональд Трамп подтвердил выход США из зоны свободной торговли);

2) употребление глагольных конструкций в настоящем времени, чаще всего в форме инфинитива или 3-м лице единственного или множественного числа (Die Bewohner von Donbass haben falsche Genetik / У жителей Донбасса неправильная генетическая предрасположенность; Es gibt viele Faktoren der russischen Intervention zur amerikanischen Wahl / Существует много факторов вмешательства России в выборы США; Trump und Putin sind für Deutschland die neuen Hauptfeinde / Трамп и Путин – главные враги для Германии. Формы прошедшего времени глагола (Perfekt и Präteritum) крайне нечастотны в текстах фактоидов. Например: Messi wurde 100 Millionen Euro für Weggehen aus «Barcelona» geboten / Месси предложили 100 миллионов евро за выход из «Барселоны»; Victoria Beckham zierte ihre Kleidung mit den Bildern ihrer Tochter / Виктория Бекхэм украсила свою одежду изображением своей дочери);

3) доминирование модальных глаголов (Die VW-Tochter Audi soll stärker in den Abgasskandal verstrickt sein als bislang bekannt / Дочернее предприятие Фольксвагена Ауди, очевидно, замешано в скандале с выбросом выхлопных газов больше, чем это было известно раньше; Eigentlich wollten James Packer und Mariah Carey Ende 2016 heiraten / На самом деле Джеймс Пакер и Мариа Кэри собирались пожениться в конце 2016 года);

4) употребление предлогов со значением локализации и временных предлогов (In Ägypten wurden zwei Attentat-Versuche auf Präsidenten verhindert / В Египте были предотвращены две попытки покушения на президента; Die Türkei ist wie Deutschland nach 1933 / Состояние Турции как в Германии после 1933 года);

5) доминирование определенного артикля над неопределенным (WikiLeaks enthüllt weitere E-Mails vor der US-Wahl: Das Schweigen der Systempresse / WikiLeaks раскрывает дальнейшие Интернет-сообщения перед выборами в США: Молчание систематической прессы; Nach dem überraschenden Sieg des Republikaners Donald Trump bei der US-Präsidentenwahl ist es in Kalifornien zu Ausschreitungen gekommen / После неожиданной победы республиканца Дональда Трампа на президентских выборах в США в Калифорнии произошла волна беспорядков; Das russische Militär hat nach eigenen Angaben erneut Ziele in Syrien bombardiert / По собственным утверждениям российские военные вновь бомбили сирийские объекты).

Заключение. Таким образом, немецкоязычные сетевые фактоиды обладают целым рядом грамматических особенностей, к важнейшим из которых можно отнести включение в текст составных существительных, приоритет в выборе определенного артикля, активное употребление модальных глаголов (können, müssen, sollen, wollen) и преимущественное использование настоящего времени и т.д.

ТВОРЧЫЯ ФОРМЫ І ПРЫЁМЫ ПЕРААСЭНСАВАННЯ М. БАГДАНОВІЧАМ РУСКАЙ КЛАСІКІ

*К.Ю. Гарбачова, В.Ф. Падстаўленка
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

Максім Багдановіч у айчыннай культуры з'яўляецца сімвалам самаадданага служэння справе беларускага адраджэння. Яго дзейнасць, што прыпала на перыяд станаўлення роднай мовы і літаратуры, спрыяла захаванню культурнай спадчыны і напісанню яе новай старонкі. Зараз свет гэтага пісьменніка ўдала навукова асэнсоўваецца не толькі ў кантэксце нацыянальнай мастацкай традыцыі, але творчасць Багдановіча разглядаецца сучаснымі літаратуразнаўцамі і праз яе карэляцыю з рускай культурай.

Максім Багдановіч многаму навучыўся ў класікаў рускай літаратуры: Антона Чэхава, Фёдора Дастаеўскага, Максіма Горкага, Валерыя Брусава і іншых. Яны былі для маладога аўтара прыкладам тонкага ўспрымання прыгожага ў прыродзе, каханні, мастацтве. І гэта ўзбуджала ўласны пошук Багдановічам прыгожага на сваёй беларускай глебе сродкамі заняўдбанай і зняважанай “адукаваным грамадствам” роднай мовы.

Мэта артыкула: выявіць ступень значнасці творчага ўплыву рускай класічнай прозы на аўтарскі стыль М. Багдановіча.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання ў артыкуле з'яўляецца “малая проза” названага беларускага пісьменніка, а таксама адпаведныя жанравыя прыклады з сістэмы рускай класічнай прозы (творы М. Горкага, Ф. Дастаеўскага, А. Чэхава, В. Брусава). Асноўнымі для навуковага аналізу абраны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, структурна-тыпалагічнага і дэскрыптыўнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Творчасць Максіма Горкага аказала істотны ўплыў на сусветны літаратурны працэс у цэлым, спрыяла ўздыму ідэйна-эстэтычных прынцыпаў і беларускай літаратуры. Рускі класік садзейнічаў выпрацоўцы жыццёвых ідэалаў і Максіма Багдановіча, увогуле пакінуў прыкметны след у жыцці і памяці паэта, заняў пачэснае месца ў кантэксце яго літаратурных прыхільнасцяў.

Сустрэчы Багдановіча з Горкім узмацнілі цікавасць пачаткоўца да літаратуры, далі магчымасць яму ўсвядоміць наяўнасць уласнага таленту, абраць жыццёвы шлях.

Думаецца, трансфармаваныя рэшткі горкаўскага літаратурнага вопыту адбіліся і ў апавяданні Максіма Багдановіча “Шаман” (1914). Гэта ўзор інтэлектуальна-філасофскай прозы, дзе на першы план выведзена ключавая для ўсёй спадчыны беларускага аўтара праблема красы і мастацтва. Пісьменнік грунтоўна даследаваў пытанне пра першапрычыны ўзнікнення эстэтычнага пачуцця, значэнне красы ў жыцці чалавека.

Творчыя перазовы Багдановіча і Горкага таксама адчуваюцца ў эмацыянальнай узрушанасці і рамантычнай узнёсласці апісання з’яў рэчаіснасці, якія асабліва хвалявалі беларускага пісьменніка (апавяданне “Музыка”). Ідэйна-мастацкая еднасць Багдановіча і Горкага праявілася ў разуменні грамадскага абавязку творцы, ва ўслаўленні подзвігу ў імя высокай мэты, у паэтызацыі свабоды, апавяданні красы жыцця, у сцвярдженні добра і справядлівасці.

Наступную тыпалагічную паралель можна правесці да мастацкай спадчыны Фёдара Дастаеўскага, які ўзбагаціў жанр рэалістычнага псіхалагічна заглыбленага рамана XIX стагоддзя новымі мастацкімі асаблівасцямі, спалучыўшы моц геніяльнага аналітыка, інтэлектуальную глыбіню мысляра і палкасць публіцыста.

Дастаеўскі імпававаў М. Багдановічу пранікненнем у “поцемкі душы”, разуменнем таямніц чалавечай псіхалогіі. Па сутнасці, апавяданне “Апокрыф” беларускага аўтара і прытча “Легенда о великом инквизиторе” рускага класіка былі арыгінальнымі ўзорамі “хрысціянскіх” кірункаў у сваіх нацыянальных літаратурах. Тут глыбока развіваюцца рэлігійныя матывы і вобразы, ёсць адпаведныя мастацкія рэфлексіі, адсылка да евангельскіх падзей.

Ідэйна блізім да гэтай групы твораў з’яўляецца і апавяданне “Преступление” (1913) Багдановіча. Пісьменнік звярнуўся да тэмы душэўных пакут людзей, пакрыўджаных жыццём, тэмы добра і зла.

Наступны пісьменнік, чые мастацкія традыцыі дапоўнілі свет Багдановіча, - гэта Антон Чэхаў. Дамінуючыя тэмы яго творчасці – пакаянне інтэлігенцыі, чалавечая незадаволенасць будзённым існаваннем, душэўная капітуляцыя перад амаральным жыццём, таямнічыя сувязі часоў і глыбіні чалавечай падсвядомасці (“Скучная история”, “Дуэль”, “Дама с собачкой” і іншыя). Чэхаў – тонкі псіхолаг, майстар падтэксту. Ён унёс новае ў разуменне трагічнага, перанёс акцэнт з сюжэтнай інтрыгі на аналіз душы, псіхалагізаваў сюжэт, спалучыў журбу, іронію, сарказм з лірыкай і сцішанай паэтыкай.

Як слушна адзначаецца, Чэхаў прывабліваў Багдановіча “аб’ектывізмам”, паказам жыцця без каментарыяў, жыцця, якое валодала нябачнай сілай ідэйнай “гравітацыі”. Прыкладам можна лічыць апавяданне Багдановіча “Экзамен” (1915). У творы намалявана сатырычная замалёўка гімназічнага жыцця пачатку XX стагоддзя. Тут Багдановіч праяўляе сябе майстарам імклівага сюжэту і моўнага камізму, што было блізка па духу раньняму Чэхаву.

Апавяданні беларускага аўтара варта супаставіць з мастацкай спадчынай рускага пісьменніка, перакладчыка, літаратурнага крытыка Валерыя Брусава. Як вядома, ён адзін з пачынальнікаў і тэарэтыкаў рускага сімвалізму. Наватарскай была распрацоўка згаданым аўтарам урбаністычнай тэматыкі ў літаратуры пачатку XX стагоддзя. Шматгранная і актыўная літаратурная дзейнасць Валерыя Брусава дэтэрмінавала цікавасць і нашага класіка да яе.

У творах Максіма Багдановіча, як і ў Брусава, адчуваюцца запамінальныя мастацкія інтанацыі і глыбока матываваны нарацыйны выбар, што ўключае шматвопытнага і стомленага героя, “внимательный, вдумчивый, но утомлённый взгляд человека, после долгих скитаний бывшего к тихой пристани”.

Заклучэнне. Такім чынам, абазначана і адзначана Багдановіча ў традыцыях рускай класікі мэтазгодна ўспрымаць як выключна прагрэсіўны факт, які сведчыць пра маштабнасць творчага мыслення беларускага аўтара, неабходнасць замацаваць і пашырыць у сваёй нацыянальнай літаратуры найбольш перспектыўныя мастацкія шляхі і прыёмы. Так, поліварыянтна рэпрэзентаваныя горкаўскія ідэі свабоднага жыцця і насычаныя асацыяцыямі пейзажныя карціны, сапраўдная літаратурная школа Дастаеўскага ў вывучэнні чалавечай псіхікі, чэхаўскія сюжэтны дынамізм і яркая трагікамічная мова, папулярныя еўрапейскія мастацкія прыёмы і раскрыццё драматычнага народнага жыцця (што ў многім было ўласціва творчасці Брусава) істотна пашырылі стылявы базіс як лепшай беларускай прозы пачатку XX стагоддзя, так і апавяданняў М. Багдановіча ў прыватнасці.

СОВРЕМЕННАЯ АСТИОНИМИЯ ВИТЕБЩИНЫ

В.М. Генкин
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Астионимия, совокупность названий городских поселений, представляет собой подсистему ойконимов, которая традиционно противопоставляется комонимам (названиям поселений сельского типа). Две подсистемы отличаются друг от друга на всех уровнях: структурно-грамматическом, деривативном, семантическом, что, соответственно, диктует необходимость дифференцированного подхода к изучению каждой группы ойконимов.

Выбирая астионимию в качестве объекта изучения, следует учитывать, что, с одной стороны, современная наука накопила большой запас знаний о названиях городских поселений; но, с другой стороны, системные региональные исследования на белорусском вообще и витебском материале в частности отсутствуют. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системного регионального описания витебской астионимии.

Цель исследования состоит в выявлении специфики астионимии Витебщины, установлении тенденций в номинации поселений городского типа, определении хронологических особенностей формирования названий.

Материал и методы. В качестве материала исследования выступают 39 топонимических единиц: 15 названий городов и 24 – городских поселков. Источником сбора материала послужил нормативный справочник «Назвы населенных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» [1]. В исследовании использовались этимологический, описательный, формантный и структурно-грамматический методы.

Результаты и их обсуждение. Современная астионимия Витебщины представлена двумя отличающимися группами названий. Первую составляют астионимы, которые исторически формировались как названия поселений городского типа; вторая группа – это названия городов и городских поселков, приобретших такой статус на более позднем этапе своего существования. Логично предположить, что во второй группе будут прослеживаться номинативные тенденции, характерные в большей степени для комонимии.

Наиболее древними городскими поселениями, возникшими на территориях, составляющих современную Витебскую область, являются *Полоцк* и *Витебск* – крупные центры кривичей, наряду с *Изборском* (ныне деревня *Старый Изборск* в Псковской области РФ) и *Смоленском*. Название *Полоцк* впервые упоминается в «Повести временных лет» под 862 годом, *Витебск* – в Московском летописном своде под 1021. Астионимы схожи по всем факторам: оба имеют форму мужского рода, наиболее характерную для данного вида ойконимов и мало представленную в комонимии; образуются посредством форманта *-ск*, выражающего значение личной принадлежности и присоединяемого к потамонимам *Полота* и *Витьба*, называющими притоки Западной Двины, на месте впадения которых в основную речную магистраль региона эти города были построены. Попутно заметим, что большинство городов и городских поселков географически размещены вдоль побережья Западной Двины. Подобное расположение и частично схожая словообразовательная модель прослеживаются также в новообразованиях *Новополоцк* (1963 г.) и *Верхнедвинск* (1962, историческое название *Дрисса* по всем показателям лучше вписывается в номинативную логику региональной астионимии). Названия городских поселков *Ореховск* и *Богушевск* сформированы на базе антропонимов, суффикс *-ск* в них выражает иное значение. Необходимо отметить, что в витебской астионимии доля форманта *-ск* составляет 15,38%, тогда как в комонимии региона она не превышает 0,3% (разница, как видим, более чем в пятьдесят раз).

Одиннадцатым веком датируются первые упоминания *Браслава* (1065 год, в «Хронике Польской, Литовской, Жмудской и всей Руси» М. Стрыйковского он назван *Брячиславем* по имени полоцкого князя Брячислава Изяславича) и *Орши* (1067, первоначально *Ръша* по омонимичному названию реки). Оба названия несут в себе грамматические и словообразовательные признаки, характерные для астионимов. В основе их номинации лежит идея, используемая в процессе номинации многих восточнославянских городов. Таким образом, *Полоцк*, *Витебск*, *Браслав* и *Орша* являются наиболее древними названиями поселений, изначально строившихся как города. В XIII веке летописные источники упоминают *Городок около Полоцка* (ныне районный центр *Городок*) в связи с битвой между полочанами и войсками Великого князя Мин-

гайлы. Название поселения указывает на его статус и предназначение: городками называли небольшие укрепленные поселения, имевшие внешнюю ограду.

Следующий этап формирования астионимии региона относится к XV–XVI векам, когда в разных письменных источниках упоминаются названия ряда современных районных центров: *Толочин* (1433), *Лепель* (1439), *Сенно* (1442), *Поставы* (1489), *Чашники* (1504), *Глубокое*, *Дубровно* (1514), *Мёры* (1548). Как видим, грамматически и структурно эти ойконимы более разнообразны. Можно предположить, что не все они изначально были городами, и исторические источники подтверждают данное предположение. Так, например, *Чашники* еще в XVII веке были известны как торговое местечко, где, согласно энциклопедическим данным, в 1633 году насчитывалось 109 домов и 16 лавок. В качестве местечек изначально были известны *Глубокое*, *Сенно* и *Поставы*. *Мёры* в старых источниках упоминаются как поместье *Мерея*. *Докишцы* получили статус города только в 1795 году.

Показательно, что астионимы в форме мужского рода (*Лепель* и *Толочин*) называют поселения, которые уже на момент первого упоминания именуются городами. Топонимические источники указывают несколько версий происхождения названия *Лепель*: от литовского *liera-lipa*, от древнерусского *лепый* – *хороший*, а также возводя ойконим к основе глагола *лепить* [2, с. 199 – 200]. Астионим *Толочин* В. А. Жучкевич связывает с фамилией *Толочко* [2, с. 374–375].

В названиях поселков городского типа еще более отчетливо прослеживаются формально-грамматические и структурные признаки, характерные для комонимии. К их числу относятся:

- формы множественного числа: *Бешенковичи*, *Видзы*, *Лынтупы*, *Россоны Яновичи*;
- формы среднего рода: *Ветрино*, *Воропаево*, *Езерице*, *Лёзно*, *Коханово*, *Подсвилье*, *Шумилино*;
- наличие словообразовательных формантов, присущих в первую очередь комонимии: *-ичи*, *-ово*, *-ево*, *-ино*, *-ское* и др.

Отличия видны и в идее номинации. Для исторических астионимов, как уже отмечалось, характерно в первую очередь указание на местоположение (чаще всего по названиям притоков). Названия более позднего образования, как правило, антропоцентричны, а их основы указывают на человека: его имя, этническую принадлежность, род занятий и т. п.

Заключение. Астионимия Витебщины характеризуется рядом особенностей как структурно-грамматического, так и номинативного характера, что позволяет говорить о наличии в ней системных отношений. Формирование астионимной системы региона исторически проходило в несколько этапов. Наиболее яркими признаками астионимов обладают названия, сформированные на первом этапе – до XI века. В современной астионимии выделяется две группы названий: 1) астионимы, которые изначально формировались как названия городов и 2) названия, перешедшие из комонимии.

1. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / [У. М. Генкін, І. Л. Капылюў, В. П. Лемцогова. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 668 с.
2. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск: Издательство БГУ, 1974. – 448 с.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКЕ БРАЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ

Е.А. Гетманская
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Способы использования языка и лексических единиц характеризуют и людей, которые говорят на данном языке, и отдельного человека, его предпочтения, уровень образования, социальный статус и др. Современные лингвистические исследования представлены многочисленными работами в этой области, однако, многообразие социальных критериев языковой личности, в том числе и гендерные, не позволяют говорить об полной успешной реализации данного направления. Иными словами, наше внимание было сосредоточено на анализе лексических единиц английского языка, которые используются для описания притязаний во внешности будущего партнер, а также анализ отдельных культурных традиций в обществе. Исследование проводилось путем изучения брачных англоязычных объявлений в газете и на сайте знакомств. В брачных объявлениях в газетах часто встречается публикации о знакомстве, написанные ро-

дителями, друзьями, родственниками, которые также предъявляют определенные требования к будущим партнерам для создания отношений с их детьми. Данная ситуация весьма типична для индийского общества с его укладом жизни [1]. Актуальность данного исследования обуславливается и тем, что нами впервые предпринимается попытка изучения лексического состава притязаний в брачных объявлениях во взаимодействии с социокультурными аспектами жизни индийского общества.

Целью настоящего исследования является изучение языковых особенностей индийских брачных объявлений в гендерном аспекте.

Материал и методы. В качестве фактического материала исследования нами были отобраны брачные объявления, опубликованные в газетах и на сайтах знакомств (The Sunday Times; The Hindu; Sunday Observer). Общий объем проанализированного материала составил 75 контекстов. Для интерпретации результатов исследования мы использовали словари английского языка: Cambridge Dictionary, Macmillan Dictionary и Longman Dictionary. Методологическую базу научной деятельности составили метод сплошной выборки материала, статистический метод, лингвостилистический анализ и сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты и их обсуждение. Практический материал исследования показывает, что в индийском обществе чаще всего поиском партнера для брака занимается семья, а не собственно субъект, в роли которого, разумеется, выступает мужчина. Для семей, ищущих потенциальную невесту своим сыновьям, наиболее значимыми характеристиками будущей супруги являются:

1. Внешность (11 семей): pretty (9), beautiful (2), – данная характеристика выражена оценочными прилагательными с положительной коннотацией.

2. Воспитание (8): well mannered (3), decent, good manners, «brought up with Sinhala Buddhist values», «lady has good values», «with family values» [5].

3. Образование (7): educated (4), «doing a degree» (1), «with good Educational background», «with some education», – причем указывается лишь наличие образования и не конкретизируются другие параметры.

4. Личностные качества (7): kind hearted (2); honest (2), simple, «Innocent and lovable»; «Vibrant young lady».

5. Профессия (7): «Doctors, Nurses, Teachers preferred»; «employed, Teachers preferred»; unemployed; employed; «Academically and professionally qualified» (2); «professionally qualified»; «Doctor/ Accountant in Australia/ SL». Здесь можно увидеть престижность профессий на данном этапе развития общества.

Реже указываются иные характеристики. Для трех семей важна комплекция потенциальной супруги: tall; fair and slim, above 5'3" tall, – лишь в двух случаях использовалась оценочная лексика. Такое же количество семей указало на значимость возраста женщины: under/below 35 (2), 22–37 YO; ее религиозности: «Buddhist or christian religion»; «God fearing, believer»; «either Catholic or Buddhist»; на определенное семейное положение: «considers divorcees»; «single or divorced»; «Widows, Divorcee can apply», – в иных случаях, где не указано семейное положение можно предположить, что ищут незамужнюю женщину.

Родители указывают притязания на место жительства: «willing to reside in the USA», «Studying or living in Australia», «willing to migrate preferred», – в первых двух случаях, предлагается сменить место проживания будущей супруги и переехать к потенциальному супругу.

Для меньшей части семей важен социальный статус семьи будущей супруги: «from a respectable family with a suitable background», «with good family background», – что подтверждает наличие в современном обществе традиционных устоев. Несмотря на то, что прилагательные respectable и good обозначают состоятельность семьи, они не идентичны по значению: 'respectable' означает 'obeying the moral or social standards that are accepted by most people', то есть порядочный, а 'good' – 'having a high and respected position in society', то есть успешный, состоятельный.

Родители могут указать тип будущих отношений: «desire to be a lifelong partner», – данная фраза может выделить данное объявления из числа других, т.к. данная характеристика редко употребляется в газетных объявлениях; и «for early marriage», – показывает о существовании практик в обществе, которые пытается прекратить мировое сообщество. Единоразово указывается рост потенциальной супруги (above 5'3" tall) и каста Sinhalese Govi с помощью клишированной лексики.

Заклучение. В индийском обществе современные тенденции и укоренившиеся традиции существуют параллельно, что влияет на характер объявлений и указанную там информацию. Родители, при поисках партнеров для своих сыновей, в первую очередь притязают на внешность и манеры у женщин. Немаловажными характеристиками являются также наличие образования, профессии, положительных личностных качеств. В целом, индийское общество характеризуется наличием традиционных устоев, которые прослеживаются через использование языка, что показывает стереотипное отношение к женщине в обществе.

1. Дронова Д.А., Бутовская, М.Л. Выбор брачного партнера в современном индийском обществе и половой отбор / Д.А. Дронова, М.Л. Бутовская // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2011. – № 6. – С. 46–66.

ПРАСТОРАВА-ЧАСАВАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ АПОВЕСЦІ Т.Т. ЕЖА “ДРУГАЯ БОЖАЯ ЗАПАВЕДЗЬ”

*Г.А. Гладкова
Віцебск, ВДУ імя П.М. Маішэрава*

Тэадор Тамаш Еж (Т.Т. Jeż, сапраўднае імя – Зыгмунд Мілкоўскі) належыць да ліку польскіх пісьменнікаў XIX стагоддзя з багатай літаратурнай спадчынай. У цэнтры ўвагі пісьменніка знаходзіліся пытанні палітычнага жыцця краіны, праблемы жаночай эмансипацыі, спецыфіка рэгіянальных канфліктаў (Лістападаўскае паўстанне 1830–1831 гг., рэвалюцыйны рух на Балканах і інш.). Аповесць “Другая Божая заповедзь” (“Drugie Boże przykazanie”) прысвечана падзеям паўстання 1831 года на Літве, кніга была надрукавана пасля смерці аўтара толькі ў 1930 годзе.

Мэтай артыкула паслужыла выяўленне спецыфікі прасторава-часавай арганізацыі аповесці Т.Т.Ежа “Другая Божая заповедзь”.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для даследавання стала гістарычная аповесць Т.Т. Ежа “Другая Божая заповедзь” (варшаўскае выданне 1830 года). Асноўнымі метадамі даследавання паслужылі культурна-гістарычны метады, метады структурнага і інтэртэкстуальнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Аповесці папярэднічае своеасаблівы ўступ-тлумачэнне, у якім аўтар робіць кароткі агляд палітычнай сітуацыі на пачатку XIX стагоддзя, апавядае пра норавы і спадзяванні шляхты, дакладна паведамляе, што месца дзеяння ў творы – Літва, час дзеяння – пасля смерці Аляксандра I і да часоў паўстання 1830-1831 гадоў. Адзначым, што ў дачыненні да земляў былой Рэчы Паспалітай Т.Т.Еж выкарыстоўвае тры тэрытарыяльныя назвы: Польшча (Polska), Літва (Litwa), Русь (Белая Русь) (Ruś, Biała Ruś). Такая тапанімічная дакладнасць – адна з асаблівасцей тагачаснай рэчаіснасці, бо, як зазначыў В.Швед, “Літва – гісторыка-геаграфічная і этнаграфічная вобласць паўночна-заходняй сучаснай Рэспублікі Беларусь і паўднёва-усходняй сучаснай Рэспублікі Летува. У канцы XVIII – першай палове XIX ст. гэтым тэрмінам называлі Віленскую, Ковенскую, Гродзенскую, а часам і Мінскую губерні; у вузкім сэнсе гэты тэрмін [...] ужываўся для назвы гістарычнай вобласці ў басейне Верхняга і Сярэдняга Нёмана. Беларусь (Белая Русь) – так называлі з канца XVIII ст. да 1880-х гадоў Віцебскую, Магілёўскую, Смаленскую, часам Мінскую губерні” [1, 5].

Адносна часу і месца дзеяння Т.Т.Еж адзначае: “Czasem jest rok 1830, miejscem, albo raczej punktem wychodnim, wioska Poderniszki, położona w nadniemeńskiej okolicy, w niewielkiem od Merecza oddaleniu” [2, 9]. Мерач быў мястэчкам Віленскай губерні (сучасная назва – Меркіне), утвораным на беразе Нёмана і ракі Меркіс. Як вядома, гэта самы лясны раён сучаснай Літвы, што заўважана аўтарам твора. Пісьменнік апісвае незвычайнай прыгажосці краявіды гэтага рэгіёна: вялізныя сасновы бор вакол вёскі, які атачаў вянком палі і прымыкаў да самых хат. Гэты вянок нібы закрываў вёску ад “вялікага свету”. Недалёка было возера, з якога выцякала і бегла вужом сярод палёў рачулка, на якой стаяў млын. Прыдатнае месцазнаходжанне спрыяла таму, што ў жыхароў Падарнішак заўсёды ставала “ryby, grzyby i wędliny”.

Праз лес з розных бакоў сыходзіліся да Падарнішак дарогі, праз вёску нават праходзіў тракт, дабротна зроблены, як адзначае аўтар, з “літоўскай прадбачлівасцю”. Лес-ахоўнік нібы бярог вёску ад віхур знешняга свету і ў той жа момант не быў непераадаванай перашкодай для стасункаў з суседзямі: па традыцыі некалькі разоў на год пані Вічова выязджала са спадчынай вёскі да знаёмых на святочныя абеды. Шляхта ваколіцы складала дванаццаць дамоў, на чале

якіх стаялі павятовы маршалак пан Бальтазар Троцкі і эксмаршалак, былы барскі канфедэрат, удзельнік паўстання Т.Касцюшкі пан Непамуцэн Нушкевіч.

Спрадвеку Падарнішкі былі ўласнасцю шляхецкага роду Вічаў, аўтар называе маёнтак “старашляхецкім літоўскім гняздом” [2, 14]. Панская сядзіба ўяўляла сабой дом пад саламянай страхой, напалову схаваны ў вялікім садзе, атачоны рознакаляровымі мальвамі і ружамі.

Такім чынам, месца дзеяння – вёска Падарнішкі – дзе пануе гармонія, цішыня і спакой, створаны аўтарам з некаторай доляй ідэалізацыі. Адаленасць ад свету дазваляе роду Вічаў захаваць спрадвечныя традыцыі, матэрыяльную і духоўную памяць пра продкаў, што ператварыла панскую сядзібу ў своеасаблівы дом-музей, дзе беражліва ставяцца да старажытных, яшчэ з часоў Ягелона, дакументаў, зброі, посуду, рэлігійных прадметаў.

Акрамя Падарнішак дзеянне у рамане таксама адбываецца ў спадчынных шляхецкіх сядзібах Пшэтакі (спадчына пана Непамуцэна Нушкевіча) і Воўчык (там месціцца радзіна пана Бальтазара). Пшэтакі, Воўчык і Падарнішкі ўтваралі, як адзначае пісьменнік, роўнабаковы трохкутнік, кожны бок якога меў дзве мілі даўжыні. Сярэдзіну гэтага трохкутніка запоўнілі дрыгва, азёры, сасновы бор і некалькі паселішчаў.

Дом пана Бальтазара “był nie dworek – choć na Litwie, a z pałacowemi pretensjami” [2, 17]. Будынак у еўрапейскім стылі налічваў шмат памяшканняў для гаспадароў і гасцей, прасторную бальную залу з двума радамі калон і галерэяй для музыкаў. Стайня была разлічана больш чым на сто коней. Пра маштаб святочных з’ездаў у пана Бальтазара сведчыць аўтарская заўвага, што калі месца на ўсіх не хапала ў доме, госці размяшчаліся ў суседніх фальварках і нават сялянскіх хатах.

Яшчэ адно месца дзеяння ў рамане – карчма Рым пры дарозе з Падарнішак да Воўчыка, якая набыла ў творы чарадзейную афарбоўку дзякуючы згаданай легендзе пра пана Твардоўскага і яго сустрэчу з д’яблам. У рамане маецца на ўвазе польскі варыянт легенды пра Фауста, згодна з якой пан Твардоўскі, які жыў у XVI стагоддзі, пайшоў на змову з д’яблам дзеля атрымання ведаў і задавальнення сваіх патрэб. Адпаведна дамове, апошні мог забраць душу пана толькі ў Рыме, куды Твардоўскі павінен быў прыехаць ва ўстаноўлены час. Твардоўскі доўга падманваў д’ябла, тады сам нячысты ператварыўся ў сябра пана і запрасіў яго ў карчму з адпаведнай назвай. Нарэшце, там д’ябал забраў душу пана. Думаецца, мэта выкарыстання дадзенай алюзіі ў тэксце відавочная: карчма Рым стане месцам-пачаткам трагічных падзей ў творы.

Як адзначае аўтар, карчма не адпавядала традыцыйнай будове, калі побач размяшчаліся пад тым жа дахам сенцы і стайня. Асаблівасць была ў схаванай асобнай падземнай стайні для ўтрымання некалькіх дзясяткаў коней, таёмна набытых арандатарам і прызначаных для нелегальнага продажу.

Час дзеяння ў творы прыпадае на зіму і вясну 1830-1831 гадоў. Дакладна ў творы пазначана толькі адна дата – сёмага студзеня 1830 года – калі адбыўся сход моладзі ў Віленскім універсітэце. Аднак, некалькі дат ёсць магчымасць устанавіць на аснове кантэксту рамана. Так, пачатак падзей у творы прыпадае на Дзень Трох Каралёў – рэлігійнае каталіцкае свята, якое адзначаюць шостага студзеня. У той жа дзень святкуе дзень Анёла пан Бальтазар. Таксама ў рамане згадваецца дзейнасць атрадаў А.Гелгуда, Г.Дэмбінскага, Д.Хлапоўскага на Літве, што храналагічна адпавядае траўню-чэрвеню 1831 года (як вядома, 19 чэрвеня адбылася бітва пад Вільняй, якая працягвалася восем гадзін і закончылася паражэннем паўстанцаў).

Заклучэнне. Такім чынам, аналіз прасторава-часавай арганізацыі аповесці Т.Т. Ежа “Другая Божая заповедзь” дазваляе зрабіць выснову пра глыбокую аўтарскую дасведчанасць ў падзеях паўстання 1830–1831 гг. на Літве. Для стылю Т.Т. Ежа характэрна скурпулёзная часавая дакладнасць, пісьменнік неаднаразова паведамляе ў творы канкрэтную інфармацыю, якая датычыць адлегласці паміж згадымі населенымі пунктамі, вылічвае, за які прамежак часу герой пры пэўнай хуткасці перамяшчэння дасягае месца назначэння, як правіла, падрабязна апісвае месца і час дзеяння. Такая дакладнасць спрыяе стварэнню праўдзівай гістарычнай атмасферы ў творы, насычанае факталогіяй пацвярджае пісьменніцкую дасведчанасць у пытаннях гісторыі паўстання і геаграфіі віленскага краю.

1. Швед, В.В. Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772-1863 гг.) / В.В.Швед. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 416 с.
2. Jeż, T.T. Drugie Boże przykazanie : z powstania r. 1831 na Litwie / T.T. Jeż. – Warszawa: M.Arct, 1930. – 160 s.

САМАІДЭНТЫФІКАЦЫЯ АСОБЫ Ў ЭПІСТАЛЯРНЫХ Л. АНДРЭЕВА І М. ГАРЭЦКАГА (ЖАНРАВА-СТЫЛЁВЫ АСПЕКТ)

*Л.Я. Глазман
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

У эпістальярных творах назіраюцца адметнасці ў перадачы асобнай самаідэнтывікацыі, звязаныя перадусім з жанравымі і стыльовымі асаблівасцямі аўтабіяграфічнай прозы, сярод якіх асобнае значэнне набывае тое, што менавіта асоба наратора з’яўляецца ў такіх тэкстах цэнтральным аб’ектам пісьменніцкай увагі. Эпістальярная спадчына аўтараў-сучаснікаў Леаніда Андрэева і М. Гарэцкага яскрава паказвае як агульнажанравыя, так і спецыфічныя для кожнага з аўтараў характарыстыкі самаідэнтывікацыі асобы наратора.

Мэта даследавання – вызначыць характэрныя рысы самаідэнтывікацыі асобы наратора ў эпістальярных Л. Андрэева і М. Гарэцкага, абумоўленыя жанрава-стыльовымі асаблівасцямі.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследчыцкай увагі з’яўляюцца лісты Л. Андрэева М. Горкаму (1899–1916), лісты М. Гарэцкага Я.Ф. Карскаму (1921, 1923, 1927) і Л.У. Гарэцкай (1930–1936). Падчас аналізу выкарыстоўваюцца культурна-гістарычны і параўнальна-тыпалагічны метады даследавання.

Вынікі і іх абмеркаванне. Як адзначае В. Стральцова, у эпістальярным жанры “аб’ект разгляду супадае з суб’ектам” [3, с. 28]. Атрымліваецца, што ў эпістальярных раскрываецца найбольш непасрэдна перажываемы асабісты вопыт аўтара, які ўяўляе сабой іншы ўзровень рэфлексіі, чым ва ўласна мастацкім творы. Акрамя таго, маюць значэнне адрасатнасць эпістальярнага, яго “сюжэтная незададзенасць” [3, с. 25], паколькі наяўнасць канкрэтнага суразмоўцы надае яшчэ большай, абумоўленай жанрам, спецыфічнасці ў перадачы самаідэнтывікацыі асобы наратора, у адрозненне ад іншых аўтабіяграфічных формаў (дзённіка, занатоўак, аўтабіяграфіі) і тэкстаў мастацкай прозы, абстрагаваных ад канкрэтнага чытача.

Агульныя, падпарадкаваныя жанравым асаблівасцям, рысы ў раскрыцці самаідэнтывікацыі асобы наратора ў эпістальярных маюць у лістах кожнага з даследуемых аўтараў свае інварыянтныя характарыстыкі. Лісты М. Гарэцкага вельмі інфарматыўныя, ёмка. Строгі дакументалізм, уласцівы яго мастацкім творам, яскрава праяўляецца і ў ліставанні. Усе сродкі апісання характару і свядомасці наратора абмяжоўваюцца стрыманымі заўвагамі і кароткімі эмацыянальнымі водгукамі кшталту: “Вельмі балюча, міласцівы пане акадэмік, прызвычаіцца к думцы, што час ідзе, а замест светлай творчасці з шырокім размахам сілы марнуюцца нет ведама на што” [1, с. 400–401]. Амаль адна толькі кароткая заўвага, якая выяўляе наратарскі эмацыянальны і маральны стан у “справаздачным” па культурна-асветніцкіх справах у краіне лісце да Я.Ф. Карскага ад 26 верасня 1921 г. Тое ж бачым у лістах да жонкі. Надзвычай рэдка дазваляе сабе пісьменнік выказаць набалелае. Канешне, гэтая сціпласць была часткова абумоўленая немагчымацю пра многае гаварыць у тых гістарычных варунках, у якія трапіў Гарэцкі. Але галоўная прычына ўсё-ткі знаходзіцца ў характары аўтара і таксама ў асаблівасцях яго літаратурнага таленту. Тыя слоўная стрыманасць і дакументальнасць, якімі характарызуецца мастацкія творы пісьменніка, і якія выяўляюць здольнасць аўтара адной трапнай дэталлю вельмі многа эмацыянальна перадаць, праяўляюцца і ў лістах Гарэцкага. Менавіта гэтыя рысы найлепш перадаюць чытачу пачуцці і стан наратора. Напрыклад, у лістах з Вяткі праз вырашэнне звычайных побытавых праблем, праз кароткія паведамленні пра тое, што “здароў” або нібыта трывіяльнае “цалую моцна” ў канцы лістоў, настолькі выразна перадаецца эмацыянальная напружанасць наратора, што іншых слоў увогуле не патрабуецца. Што ўжо казаць пра гэтае ж “здароў” у запісках з Лукішскай турмы.

Акрамя таго, цікавай нарагалагічнай стратэгіяй з’яўляецца ў лістах Гарэцкага напісанне вельмі істотнага, якое неяк незаўважна паміж доўгімі радкамі, прывечанымі паўсядзённым, побытавым справам. Так, у лісце з Вяткі зусім не адразу кідаецца ў вочы напісаная паміж падрабязнымі паведамленнямі пра плату за кватэру і дэмісезоннае паліто фраза: “Наогул, я прашу цябе глядзець на нашы адносіны так, што я цябе абсалютна нічым і не ў чым не звязваю. Ніякага незадавалення з майго боку не будзе” [1, с. 407]. Гэтыя сціплай шчырасць, натуральнасць адносінаў вельмі добра паказваюць, наколькі маральна моцным, мужным чалавекам быў наратар.

Зусім іншую сітуацыю назіраем у эпістальярных Л. Андрэева. Наратарская самаідэнтывікацыя ў іх становіцца выразным і самадастатковым аб’ектам для самааналізу. На-

ратар схільны падрабязна і эмацыянальна ў дэталях тлумачыць суразмоўцы ўсе адценні ўласных думак і матывы ўчынкаў. Наратар паказваецца як дасціпны чалавек, схільны да самарэфлексіі і самакрытыкі. Часам гэтая самакрытыка выклікана імкненнем паказаць сябе ў лепшым свеце як перад самім сабой, так і перад адрасатам. Але можна сцвярджаць, што значны ўплыў на характар самаідэнтыфікацыі асобы наратара зрабілі асаблівасці мастацкага таленту Л. Андрэева. Бо такі падыход да асобы ўвогуле характарызуе творчы метады пісьменніка. Падчас уважлівага прачытання эпістальных тэкстаў можна заўважыць, як сам аўтар пільна сочыць за ўласнымі пераходамі думак і зменаў настрою. Ён ужывае розныя экспрэсіўныя сродкі (больш за тое, сяброўскае ліставанне з Горкім суправаджаюць малюнкi), уступае ў моўныя гульні з суразмоўцам, пафас яго лістоў пераважна іранічны: “Со свойственной мне гениальной проницательностью я решил, что ты меня за что-то ненавидишь. Ломаю голову, за что, но не придумаю!” [2, с. 204]. Або: “У меня всегда было смутное подозрение, что этот противный г-н в лаковых сапогах, который так часто говорит о своем я, - не есть я” [2, с. 174]. Такім чынам, эпістальны Андрэев каштоўны не столькі біяграфічным, колькі мастацкім складнікам. Андрэев часта настолькі абстрагуецца ад уласнай асобы, што пачынае ставіцца да яе як да аднаго са сваіх літаратурных – прычым сатырычных – персанажаў.

Заклучэнне. У эпістальных Л. Андрэева і М. Гарэцкага можна вылучыць як агульныя рысы самаідэнтыфікацыі асобы, абумоўленыя асаблівасцямі жанравай формы (набліжанасць наратарскага светаўспрымання да аўтарскага, элементы самакрытыкі і рэфлексійных перажыванняў, інш.), так і адметнасці ў лістах кожнага з аўтараў. У тэкстах М. Гарэцкага строгі дакументалізм і стрыманы стыль выяўляюць героя як маральна сталую асобу з высокім узроўнем асобнай і сацыяльнай ідэнтычнасці. У эпістальнай прозе Л. Андрэева праз разнастайныя экспрэсіўныя сродкі, пашыраную самарэфлексію, іронію перадаецца імкненне наратара вылучыцца з безасабовай масы людзей, аддаліцца ад рэальных жыццёвых абставін, што паказвае яго індывідуалістычную асобнасць.

1. Гарэцкі, М. Творы : Дзве душы : аповесць. Апавяданні. Жартаўлівы Пісарэвіч: п'еса. Літаратурная крытыка і публіцыстыка. Лісты / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 629 с.
2. Горький и Леонид Андреев : неизданная переписка / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького ; под ред. И.С. Зильберштейн. – М. : Наука, 1965. – 630 с.
3. Стральцова, В.М. Шлях да сябе : сучасная аўтабіяграфічная проза як мастацкая сістэма / В.М. Стральцова. – Мінск : Бел. Навука, 2002. – 112 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БЕЛАРУСИ

Е.Н. Горегляд

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Интерес лингвистов к более детальному изучению публицистического стиля, где проявляются изменения, происходящие на разных языковых уровнях, определяется постоянно возрастающей значимостью средств массовой информации в современном мире. Радио, телевидение и особенно газетная периодика оказывают существенное воздействие на функционирование и развитие языка.

Заголовок является важнейшей и неотъемлемой частью текста газетной статьи с точки зрения структуры (он предваряет материал, это «имя текста»), содержания (заголовок представляет собой своеобразный «сгусток смысла»), и его роль в осмыслении последующего текста трудно переоценить) и прагматики (под которой в данном случае понимается отношение между текстом как набором знаков, автором статьи – адресантом и реципиентом-адресатом). Композиционно располагаясь вне текста, заголовок обладает некоторой самостоятельностью, но в то же время это полноправный компонент статьи, выполняющий в качестве важнейших репрезентативную и прагматическую функцию.

Цель нашего исследования – анализ функционирования и вариантов трансформации цитат из художественной литературы в заголовках газетных статей изданий Республики Беларусь.

Материал и методы. Материалом нашего исследования послужили заголовки следующих периодических изданий Республики Беларусь: «Аргументы и факты в Беларуси» (далее – АиФ), «Комсомольская правда в Беларуси» (далее – КП), «Советская Белоруссия. Беларусь се-

годня» (далее – СБ), «Народная газета (далее – НГ), «Беларускі час» (далее – БЧ), «Витьбичи», «Антенна». В ходе анализа фактического материала применялась комплексная методика исследования, включающая метод контекстного анализа, элементы статистического анализа, метод наблюдения.

Результаты и их обсуждение. Среди целого ряда способов привлечения читательского внимания в последние годы в белорусской печати все чаще используются прецедентные тексты. Одним из распространенных приемов повышения выразительности заголовка и усиления смысловой нагрузки его компонентов является использование цитат из произведений художественной литературы. Это обусловлено стремлением авторов активизировать интеллектуальный опыт адресата: заголовок статьи, построенный на основе цитаты из художественной литературы, одновременно отсылает к тексту-источнику и тексту журналистского материала. Цитирование стало характерной чертой стиля современной газетной публицистики. Таким образом, литературный пласт национального языка продолжает оказывать влияние на язык современных заглавий, при этом тексты классических произведений расцениваются журналистами как строительный материал для новых текстов [3, 59].

Анализ фактического материала показал, что в заголовочных конструкциях чаще используются цитаты из поэтических произведений:

Празднуй, добрая подружка бедной юности моей (КП) – ср.: строка из стихотворения А. Пушкина «Зимний вечер» *Выьем, добрая подружка Бедной юности моей; Уж сколько раз твердили миру...* (Витьбичи) – ср.: цитата из басни И. Крылова «Ворона и лисица» *Уж сколько раз твердили миру, Что лесть гнусна, вредна; Откуда «дровишки»? (Витьбичи) – ср.: цитата из поэмы «Крестьянские дети» Н. Некрасова *Откуда дровишки? – Из лесу, вестимо; По улицам Ваенгу водили* (Витьбичи) – ср.: строка из басни И. Крылова «Слон и Моська» *По улицам Слона водили.**

С меньшей регулярностью материалом для заголовков служат названия произведений художественной литературы, написанных в прозе, и цитаты из них:

Без вины виноваты (Витьбичи) – ср.: название пьесы А. Островского «Без вины виноватые»; *Курение и наказание* (АиФ) – ср.: название романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание»; *Герой не нашего времени* (СБ) – ср.: название романа М. Лермонтова «Герой нашего времени».

Ещё реже журналисты, работающие в белорусских печатных периодических изданиях, применяют в заголовочных конструкциях цитаты из произведений мировой классики:

Быт или не быт? (БЧ) – ср. шекспировское *Быть или не быть?*; *Американская комедия* (НГ) – ср.: название романа Т. Драйзера «Американская трагедия»; *Маленькая хозяйка большого бакса* (КП) – ср.: название романа Дж. Лондона «Маленькая хозяйка большого дома»; *Пролетая над ядерным грибом* (АиФ) – ср.: название романа К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки».

Нам встретилась единичная отсылка к античному тексту: *Бойся «данайцев», квартиры сдающих* (Витьбичи) – модифицированная строка из «Энеиды» Вергилия.

Надо отметить, что приблизительно в трети заголовков цитаты приводятся в нетрансформированном виде, т.е. сохраняют структуру и семантику оригинала:

Любви все возрасты покорны... (Витьбичи) – известная строка из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»; *Люди на болоте* («АиФ») – заглавие статьи дублирует название романа белорусского классика Ивана Мележа и др.

Однако больший интерес для исследования представляют трансформированные заголовки-цитаты. Среди способов трансформации в белорусской периодической печати цитат из художественной литературы мы выделим следующие:

1) лексическая реконструкция – замена одного (или нескольких) компонентов с сохранением грамматической структуры исходного текста:

Папы всякие нужны (СБ) – ср. строку *Мамы всякие нужны* из стихотворения С. Михалкова «А что у вас?»; *Вода... Как много в этом слове!* («Витьбичи») – ср. строку А.С. Пушкина *Москва!.. Как много в этом звуке...*;

2) усечение или расширение прецедентной единицы:

А вы ноктюрн сыграть могли бы? (Антенна) – ср. финальные строки из стихотворения В.В. Маяковского «А вы смогли бы?»; *Чтобы не было мучительно больно за...* (КП) – ср.: цитата из романа Н. Островского «Как закалялась сталь» *Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы; Горе от киберума* (НГ) – ср.: название пьесы «Горе от ума» А.С. Грибоедова.

3) смешанный способ:

И будет область-сад (Витьбичи) – ср. строки из «Рассказа Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка» В. Маяковского; в этом случае произошло не только усечение препозитивной предложно-падежной конструкции оригинального текста, но и замена адвербиального компонента на присоединительный союз, а также нарицательного номинатива – определяемого слова в аппозитивном сочетании.

Заключение. Несмотря на то, что почти в четверти проанализированных нами заголовков так или иначе используются тексты из произведений художественной литературы, этот источник занимает третью позицию по употреблению вслед за фольклорным материалом и песенными тестами. Активнее прибегают к литературному цитированию журналисты газет «Витьбичи», «Беларускі час». «Советская Белоруссия». Использование цитат из произведений художественной литературы, представленное в заголовках статей периодических изданий Беларуси, способствует созданию экспрессии речи, свидетельствует об особом подходе авторов статей к выбору вербального средства воздействия на читателя с целью привлечения и удержания его внимания.

1. Земская, Е.А. Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М., 1996. – С. 157–168
2. Северская, О.И. «Языковые игры» современной поэзии / О.И. Северская // Общественные науки и современность. – 2007. – №5. – С. 159–168.

АДЛЮСТРАВАННЕ ПАНЯЦЦА “ГУЛЬТАЙСТВА” Ў ЭКСПРЭСІЎНАЙ ЛЕКСІЦЫ ВІЦЕБШЧЫНЫ

Т.А. Грачыха
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава

Дыялектная мова з’яўляецца духоўным скарбам беларускага народа. Яна захавала лексіку, у якой адлюстраваны як станоўчыя аспекты маральна-этычных паводзін чалавека ў сям’і і грамадстве, так і адмоўныя. Працавітасць – адна з асноўных якасцей нацыянальнага характару нашага народа. Негатыўнае стаўленне беларусаў да гультайства выразна раскрываецца ў эмацыянальна-экспрэсіўнай лексіцы са зніжанымі адценнямі абразлівага, зневажальнага, асуджальнага характару. Дадзены пласт дыялектнай экспрэсіўнай лексікі недастаткова распрацаваны ў беларускім мовазнаўстве.

Мэта нашай працы – вызначыць спецыфіку экспрэсіўнай лексікі ў гаворках Віцебшчыны, якая адлюстроўвае маральна-духоўныя паводзіны чалавека паводле яго адносін да працы.

Матэрыял і метады. Крыніцай для даследавання моўных асаблівасцей экспрэсіўнай лексікі, якая выяўляе адносіны народа да такіх адмоўных з’яў, як гультайства, лягота, бадзянне, валацужніцтва, паслужылі дыялектныя слоўнікі, на аснове якіх быў сабраны і прааналізаваны рэгіянальны матэрыял [1–3]. Метады даследавання – апісальны і параўнальна-супастаўляльны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Беларускі народ заўсёды паважаў людзей працавітых, прыстойных і асуджаў гультаяў, лайдакоў, валацуг. Народныя гаворкі Віцебшчыны выяўляюць цэлы пласт арыгінальных слоў, у якіх адлюстраваны адмоўныя эмоцыі ў адносінах да негатыўных маральна-духоўных паводзін чалавека. Для тых, хто не хацеў працаваць і сумленна выконваць свае абавязкі, у народнай мове існуе шмат слоў, якія маюць прыкметы абразы, знявагі, утрымліваюць у сабе адмоўную канатацыю. У гаворках Віцебшчыны занатаваны сінанімічны рад лексіка-семантычных адпаведнікаў да агульнаўжывальных слоў *гультай*, *лодар*. Напрыклад, *гультайня*, *гулёна* ‘гультай(ка)’: *Гэтая гультайня нічога, акрамя танцаў, ня ведаець.* (Замошша Тал.); *Суседка наша – гулёна такая: ні гарода, ні работы, толькі спяваець песні.* (Замачак Чаш.) [1]; *бязула* ‘абібок’: *Ніколі з твайго бязулы ўжо толку ня будзіць!* (Барсукі Дубр.) [1]; *валян* ‘гультай, абібок’: *Ну і валян ты, сорамна павінна быць. Стары ўжо, а рабіць нічога не хочыш.* (Пачаевічы Чаш.) [1]; *ванзэлак* ‘гультай, абібок’: *От, ванзэлак! Ці ён еў, ці ня еў!* (Сокарава Беш.) [1]; *агурэнь* ‘абібок, гультай’: *Як агурэнь, агіляецца, каля ўглоў баўтаецца, а дзелам не займаецца. Дзе гэтыя агурні цягаюцца?* (Кураполле Паст.) [3]; *бінька* ‘гультай(ка)’: *Вунь бінька пайшоў, а ты, наверна, хочыш у яго кампанію!* (Баева Дубр.) [1]; *неўставіка*, *няв’ала*, *няв’валака* ‘гультай’: *Мой сын – такі ўжо неўставіка, любіць доўга спаць.* (Ляды Дубр.); *Саседка такая няв’ала – нічога рабіць ні хочыць.* (Кузняцова Віц.); *А гэты*

няв'івалака толькі і знаіць, каб газетку пачытаць ды ў карты пагуляць. (Навумаўка Беш., Сабалі Чаш.) [2]; **п'акалак** 'гультаяваты чалавек': *Што ты за п'акалак, нічога памагаць не хочаш.* (Жывалака Уш.) [2]; **паб'іна, паб'інья** 'гультаяваты, няздатны да працы чалавек': *Ляжыш, паб'іна, а бацька за цябе робіць.* (Савуткі Шарк.); *Маладыі, здаровыі, а во паб'інья – нічога не робіць.* (Дзёрнавічы В.-Дзв.) [2]; **хам'эйда** 'нязграбная, лянівая жанчына': *Наша суседка такая хам'эйда: цэлае лета гарод не палола.* (Сваташыцы Дубр.) [2]; **ваз'оля** 'чалавек, які павольна ўсё робіць; маруда': *Ці з такою ваз'оляю рана выбірышся куды?* (Барсукі Дубр.) [1]. Адмоўнае стаўленне да гультаёў знайшло адлюстраванне таксама ў фразеалагічных выразах: **у паталок пляваць** 'нічога не рабіць, гультаяваць': *Наташка ніколі маткі ні паможыць: ёй бы дзень ляжаць, ды ў паталок пляваць.* (Краснаполле Рас.); **як кол уеўшы** 'пра гультаяватага чалавека, які ўхіляецца ад працы': *Не стой як кол уеўшы, а ідзі сыну памагай.* (Лужкі Шарк.) [2].

У народзе склалася адмоўнае стаўленне да тых людзей, якія не хацелі працаваць, займацца гаспадаркай, справамі, а любілі гуляць, хадзілі па хатах, марна трацілі час, цягаліся абы-дзе, іншымі словамі, бадзяліся, валацужнічалі. Па маральна-духоўных паводзінах іх ставілі на адзін узровень з гультаямі. У дыялектных слоўніках Віцебшчыны адзначаюцца выпадкі полісемічнага ўжывання такіх лексем. Напрыклад, **бадзіня** 1. 'абібок, гультай(ка)': *Зноў гэты бадзіня сядзіць руці склаўшы.* (Бугаі Сен.); *Ідзі дадому, бадзіня!* (Вярэнькі Паст.); 2. 'бадзяга, валацуга': *Апяць сышоў з дому, вот ужо бадзіня!* (Перавознікі Паст.) *Вот жа бадзіня, дамоў і ні нада паказацца.* (Прамышляды Паст.) [1]; **бадзяўка** 1. 'гультай(ка), не заняты(ая) працай': *Ужо відаць, што бадзяўка расцець.* (Іванькі Міёр.); 2. 'распуснік(ца); бадзяга, валацуга': *Бадзяўка! Дзе была – туды ідзі!* (Ноўка Віц.) *Яго бацька бадзяўка, п'янчуга.* (Верхнядзвінск) [1]; **гулёма, гулёна, гулёха** 1. 'гуляка; той, хто любіць пагуляць': *Нашы гулёмы ў тэй вёске сабіраюцца.* (Стар Арш.); *А ўнук у міне – гулёна, дамоў пад утра прыходзіць.* (Макаравічы Беш.); *Сяння нашы гулёхі ў клуб пайдуць.* (Ляхаўка Дубр.); 2. 'гультай (-ка)': *Зяць у яе гулёна, работу не любіць.* (Замошша Брасл.) [1].

Лексемы з матывацыйнымі прыкметамі 'гуляка, валацуга, бадзяга' набылі адмоўную канатацыю. Напрыклад, **ат'опак** 'бадзяга, валацуга': *А Мішка, ат'опак, учора зноў напіўся і хадзіў па дзярэўні.* (Шацяні Сен.) [1]; **дзявульня** 'дзяўчына-гуляка': *З гэтай дзявульняй добра не нажывеш.* (Бораўна Леп.) [1]; **басцяк** 'гуляка, бадзяга, валацуга': *Гэтага басцяка ведаюць усе ў нас.* (Сяло Гар.) [1]; **блудзень** 'валацуга': *Блудзень, дзе ты ходзіш?* (Мішневічы Шум.) [3]; **бл'інда, бл'інда** 'той, хто бадзяецца без справы': *Ты чаго ходзіш, як бл'інда?* (Пустаселле Докш.); *Куды тая бл'інда сцягнулася?* (Бяседы Леп.) [1]; **пахадзяка, пахад'іка** 'валацуга, бадзяга': *Дзе ты падзелася, пахадзяка?* (Ноўка Гар.); *Што ты цягаешся, як пахадзяка, людзей пугаеш!* (Папкі Міёр., Губіца Шум.) [2]; **пацяг'айла, пацяг'ло** 'валацуга, бадзяга': *Пацягнуўся ўжо па хатах, во пацяг'айла!* (Зубава Арш., Паліцы Беш., Опліса Брасл., Вяцера Чаш.); *Таго і завецца пацяг'ло, што ўвесь час па хатах цягаецца.* (Заазер'е Пол.) [2]; **шыдула** 'бадзяга, валацуга': *Ходзіць па вёсцы, як той шыдула, не робіць нічога.* (Куніцкія Паст.) [2]; **пах'атуха** 'жанчына, якая любіць без справы хадзіць па хатах': *Ёсць у нас адна такая, якую ўсе завуць пах'атухай – за тое, што любіць яна хадзіць з хаты ў хату і раскажываць разныя новасці.* (Свярдлова Віц., Заполле Тал.) [2]; **пасялёнь, пасялюха, пасялушніца** 'пра таго, хто любіць без справы хадзіць па хатах': *Ну і пасялёнь жа ты, дома не найці цябе.* (Мікуліна Глыб.); *Гэты пасялёнь мне ўжо ўсе вочы аб'еў.* (Бадзінава Пол.); *Зноў гэта пасялюха да нас цягнецца!* (Абрамава В.-Дзв., Вялікае Сяло В.-Дзв.); *Саседка мая яшчэ тая пасялушніца: як увідзіць, што я з хаты вышла, дык сразу ляціць, сядзіць па тры часы, як бы і работы нет.* (Дзёрнавічы В.-Дзв., Ластавічы Глыб.) [2]; **прыйсія** 'чалавек, які часта заходзіць у госці і надакучае размовамі': *Тая прыйсія кожны дзень ходзіць.* (Велеўшчына Леп.) [2]; **соўгала** 'бесклапотны чалавек, які сноўдаецца, бадзяецца ўсюды без справы і заняткаў': *Не хлопец, а соўгала нейкае.* (Замошша Брасл.) [2]; **шлындака** 'той, хто бадзяецца, ходзіць без справы, нічым не займаецца': *А сын яго шлындака, нідзе не робіць, а толькі п'ець.* (Замошша Брасл.) [2]; **шушара** 'зборышча нічым не занятых людзей, якія бязмэтна бавяць час': *Раней у вёсках столькі шушары не было* (Старое Лядна Леп.) [2]. У гаворках Віцебшчыны для абазначэння такіх дзеянняў, як бадзяцца, цягацца, сланяцца без справы, валацужнічаць, выкарыстоўваюцца дзеясловы **басцяцца, сёртаць**: *Бацька басцяўся цэлы дзень і прійшоў толькі к вечару.* (Забор'е Рас.) [1]; *Ён вельмі баяўся ісці дадому, таму і сёртаў па вуліцы да вечара.* (Рудня Пол.) [2].

Заклучэнне. Такім чынам, даследаванне гаворак Віцебшчыны дазволіла выявіць арыгінальную эмацыянальна-экспрэсіўную лексіку для абазначэння людзей, якія не хочуць

працаваць, бяздзейнічаюць, марна трацяць час. Негатыўнае стаўленне да людзей з такімі якасцямі характару, асуджэнне іх паводзін садзейнічала ўзнікненню і пашырэнню ў гаворках прадстаўленай эмацыянальна-экспрэсіўнай лексікі, для якой характэрна адмоўная канатацыя, моўная спецыфіка і самабытнасць.

1. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / Л.І. Злобін (рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2012. – Ч. 1. – 304 с.
2. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / А.С. Дзядова (рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2014. – Ч. 2. – 358 с.
3. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / Ю. Ф. Мацкевіч (рэд.) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979. – Т. 1. – 512 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

*Л.Д. Грушова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В связи с политическими, экономическими и социокультурными изменениями в современном мире к уровню профессиональной подготовленности специалистов предъявляются все новые и новые требования. В настоящее время профессиональная деятельность практически во всех областях подразумевает умение анализировать результаты, пользоваться компьютером и владеть как минимум одним иностранным языком. Иноязычное общение становится существенным компонентом профессиональной деятельности специалистов [1; 3].

В связи с этим особую актуальность приобретает профессионально-ориентированный подход к обучению иностранному языку, который предусматривает формирование у студентов способности иноязычного общения в деловых и научных сферах, а также в конкретных профессиональных и повседневно-бытовых ситуациях, в каждой из которых актуализируются различные компоненты компетентности студентов в области иностранного языка.

Цель нашего исследования – показать значимость профессионально-ориентированного подхода к обучению иностранному языку, предполагающего формирование не только умений и навыков, но и личностных качеств, связанных с решением профессиональных задач в иноязычном общении, обобщив методические исследования по данной проблеме.

Материал и методы. Материалом исследования послужил совместный опыт автора в сфере профессионально-ориентированного обучения иностранному языку. Основные методы: сравнительно-сопоставительный метод, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Анализ работы по профессиональной подготовке студентов неязыковых специальностей позволил нам прийти к выводу, что дифференцированное использование потенциала дисциплины «Иностранный язык» дает возможность усилить профессионально-ориентированную направленность обучения иностранному языку студентов и повысить уровень их теоретической и практической готовности к будущей профессиональной деятельности.

Профессионально-ориентированное обучение будущих специалистов неязыкового профиля (юристов, психологов, художников, экологов, менеджеров по туризму и др.) подразумевает формирование у них различных профессиональных умений, навыков и развитие личностных качеств, необходимых для будущей профессиональной деятельности.

Представляется необходимым использование профессионально-ориентированного подхода к обучению иностранному языку как возможность для повышения уровня профессиональной компетентности студента и формирования у него устойчивых умений и навыков, связанных с решением разноплановых профессиональных задач.

Нами рассматривается профессионально направленное обучение иностранному языку в вузе как эффективное средство формирования профессиональной позиции студента, считаем его одним из путей повышения уровня знаний обучающегося в сфере избранной профессии. Такое направление в обучении дисциплине меняет отношение студента к профессиональной деятельности, заставляет его по-новому взглянуть на сферу избранной профессии.

Использование профессионально-направленного подхода к обучению иностранному языку в педагогическом процессе вуза способствует применению полученных в ходе теоретической подготовки знаний в практических ситуациях; благодаря ему повышается профессиональная мобильность и гибкость обучающегося, происходит расширение возможного диапазона

решаемых профессиональных задач; усиливается непосредственная связь содержания обучения с практическим применением полученных результатов и др.

Е.Г. Тарева обосновывает возможность формирования у студента в ходе обучения дисциплине «Иностранный язык» определенных профессионально значимых умений и навыков (умения и навыки профессионального общения; умения и навыки, связанные со способностью обучающегося выступать публично и эффективно доносить свою мысль до собеседника и др.); указывает на достаточный потенциал иностранных языков в развитии некоторых индивидуальных качеств, обеспечивающих личности студента профессиональную направленность [1, 51].

Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку в неязыковом вузе требует корректировки нового подхода к отбору содержания процесса обучения, прежде всего к подбору аутентичных текстов и коммуникативно-направленных диалогов соответствующего профиля специальности. По мнению Н.Д. Гальсковой, в содержание обучения необходимо включить также сферы коммуникативной деятельности, темы и ситуации, речевые действия и речевой материал, учитывающий профессиональную направленность обучаемых и пр. [2, 17].

Мы связываем использование профессионально направленного обучения с обеспечением четкой взаимосвязи содержанием обучения и обогащением профессиональной и личностной сфер студента в процессе обучения. Использование такого подхода к обучению иностранному языку позволяет развивать профессионально значимые качества студента и формировать у него личностную профессиональную направленность, что в дальнейшем должно проявиться в профессиональном поведении обучающихся, выработки у них стойкой потребности в дальнейшем самообразовании и развитии способностей, связанных с решением различных задач в профессиональной сфере [3, 39].

Таким образом, использование потенциала дисциплины «Иностранный язык» в педагогическом процессе вуза непосредственно влияет на способность студента осуществлять профессиональную деятельность на высоком уровне и может в дальнейшем помочь ему успешно самореализоваться в профессиональном плане.

Заключение. Анализ проблем преподавания иностранного языка свидетельствует о безоговорочном выдвигании на первый план профессионально-ориентированного подхода. Применение этого подхода к обучению иностранному языку студентов неязыковых специальностей тем более актуально – оно обусловлено современными требованиями рынка труда и необходимостью подготовки специалистов соответствующего профиля. Полученные в результате реализации такого подхода качественные теоретические и практические знания, сформированные умения и навыки, а также профессионально значимые личностные качества, позволят будущим специалистам после окончания вуза успешно и многогранно решать профессиональные задачи.

1. Тарева, Е. Г. Личностно-развивающий потенциал учебного пособия по иностранному языку / Е. Г. Тарева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2007. № 538. – С. 49–58.
2. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранному языку : Пособие для учителя / Н. Д. Гальскова. – М.: АРКТИ-Глосса, 2000. – 165 с.
3. Серякова, С. Б. Компетентный подход в образовании: от теории к практике / С. Б. Серякова // Совет ректоров. – 2012. – № 4. – С. 34–40.

ВИКОНИМЫ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ, ОТРАЖАЮЩИЕ СВОЙСТВА И КАЧЕСТВА ЛИНЕЙНОГО ОБЪЕКТА: НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ

*М.Л. Дорофеев
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Виконимы складываются под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, имеют непреходящее значение для культуры народа, поэтому их исследование актуально. Кроме того, комплексное изучение систем внутрисельских названий различных территорий способствует построению общей топонимной картины страны, выявлению ее основных отличительных характеристик.

Цель статьи – установление номинативных особенностей виконимов Витебской области, отражающих свойства и качества линейного объекта.

Материал и методы. Материалом исследования послужили 4342 внутрисельских названия Белорусского Поозерья. В работе использовались дескриптивный, ареальный методы и элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Принцип номинации линейных объектов по свойствам и качествам, которому отвечают анализируемые имена собственные, занимает в городской топонимии третью позицию, а в сельской – первую. По мнению А.М. Мезенко, в урбанонимии Беларуси периоды его относительно активного действия чередуются с периодами угасания [1, с. 127–128]. В разное время процентное содержание названий, ему соответствующих, различалось от 3,2% до 11,8% [1, с. 128]. В современной белорусской виконимии наименования по свойствам и качествам объекта составляют от 27,3% до 49,5%, при этом наибольшего распространения они достигают на территории Белорусского Поозерья.

Внутрисельские названия, выступающие объектом настоящего исследования, формируют три группы наименований, расположенные по степени убывания активности признака в следующем порядке:

1. **Виконимы, отражающие физико-географические особенности местности** (25,8% из 49,5%): *Алычовая ул.* – дер. Сетище Лёзн. р-на, *Брусничная ул.* – дер. Рудня Рос. р-на, *Родниковая ул.* – аг. Октябрьская Вт. р-на, *Ручьевая ул.* – дер. Большие Лётцы Вт. р-на, *Сливовая ул.* – дер. Кривелево Рос. р-на, *Тополиная ул.* – дер. Куземщина Докш. р-на, *Яблочная ул.* – дер. Андроновичи Вт. р-на.

Подгруппе данных наименований свойственны различные мотивационные признаки: отражение особенностей растительности местности, характера почвы. Однако наиболее распространены виконимы, описывающие ландшафтную специфику. Так, в пятерку наиболее частотных входят следующие имена собственные, восходящие к наименованиям типов земельных, лесных угодий, водных объектов: *Садовая ул.* – 398 (н.п.), *Лесная ул.* – 372 (н.п.), *Полевая ул.* – 323 (н.п.), *Озёрная ул.* – 209 (н.п.), *Луговая ул.* – 202 (н.п.).

Отличительная особенность изученных виконимов – популярность и, соответственно, высокая частотность наименований, восходящих к названиям типов нейтральных форм рельефа.

2. **Виконимы, отражающие параметрические и темпоральные характеристики линейного объекта** (18,4% из 49,5%): *Верхняя ул.* – дер. Елешовка Чашн. р-на, *Дальняя ул.* – аг. Ольгово Вт. р-на, *Короткая ул.* – дер. Веретеи Пост. р-на, *Новая ул.* – аг. Ахремовцы Брасл. р-на, *Новая Школьная ул.* – дер. Сосновка Вт. р-на, *Средняя ул.* – дер. Княжица Вт. р-на, *Старая ул.* – аг. Хотилы Пост. р-на, *Старинная ул.* – дер. Туровщина Чашн. р-на, *Угловая ул.* – дер. Барсуки Лёзн. р-на, *Узкая ул.* – аг. Друя Брасл. р-на, *Широкая ул.* – дер. Замошье Тол. р-на.

В системе внутрисельских названий Белорусского Поозерья высокий процент содержания данных виконимов обусловлен и количественными показателями названия *Центральная улица*, зарегистрированного в 1176 населенных пунктах. Можно констатировать значительный числовой интервал между виконимами, занимающими первую и вторую позицию в списке фреквентативно активных *параметрических* и *временных* внутрисельских онимов: *Центральная ул.* – 1176 (н.п.), *Новая ул.* – 125 (н.п.), *Восточная ул. / Восточный пер.* – 79 (н.п.), *Северная ул. / Северный пер.* – 60 (н.п.), *Южная ул. / Южный пер.* – 54 (н.п.).

Список частотных виконимов сформирован названиями по связи с центром населенного пункта, условной локализацией относительно сторон света, соотносённости со временем возникновения линейного объекта.

3. **Виконимы, отражающие качественные характеристики объекта** (5,3% из 49,5%): *Добрая ул.* – дер. Ломачино Орш. р-на, *Звонкая ул.* – дер. Занивочье Чашн. р-на, *Любимая ул.* – дер. Чичели Пост. р-на, *Хлебосольная ул.* – дер. Рагели Пост. р-на.

Качественные виконимы, занимающие третью позицию, либо описывают качества линейного объекта, либо наделяют объект какими-то потенциальными характеристиками, ассоциирующимися с ним.

Наиболее частотны названия, обобщенно указывающие на растительность региона, описывающие качественные характеристики объекта: *Зелёная ул.* – 179 (н.п.), *Солнечная ул. / Сонечная ул.* – 149 (н.п.), *Тихая ул.* – 23 (н.п.), *Светлая ул. / Светлый пер.* – 18 (н.п.), *Тенистая ул.* – 12 (н.п.).

Заключение. Таким образом, виконимам Белорусского Поозерья, отражающим свойства и качества объекта, присущи следующие номинативные особенности: высокая фреквентативная активность *ландшафтных* наименований, что обусловлено физико-географической спецификой местности; большим количеством наименований, отражающих связь с центром населенного

пункта, локализацией относительно сторон света, временем возникновения линейного объекта; преобладание названий, обобщенно указывающих на растительность региона, транслирующих качественные характеристики объекта.

1. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.

Список принятых сокращений

Аг. – агрогородок, Брасл. – Браславский, Вт. – Витебский, дер. – деревня, Докш. – Докшицкий, Лёзн – Лёзненский, н.п. – населенный пункт, Орш. – Оршанский, пер. – переулок, Пост. – Поставский, р-н – район, Рос. – Россонский, Тол. – Толочинский, ул. – улица, Чашн. – Чашникский.

СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ НЕМЕЦКОЙ ЖЕНЩИНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ, РЕЛИГИОЗНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Н.Л. Дружина
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Стереотипный образ немецкой женщины, как правило, связывают с устойчивым выражением, авторство которого принадлежит кайзеру Вильгельму II (время правления 1888–1918 гг.): *Kinder, Küche, Kirche* (3 К) / *дети, кухня, церковь*. Сочетание «женских» 3-х К как выражение устойчивых представлений о предназначении женщины базируется на важных культурных, исторических, религиозных фактах, послужившим основой для становления системы консервативных немецких ценностей.

Безусловно, в современной Германии и большинстве европейских стран права представителей сильного и слабого полов давно уравнианы, что находит свое отражение в изменении и дополнении бытующих представлений о женщине и ее статусе в обществе.

Тем не менее, значимые стереотипные характеристики, общечеловеческие ценности и образы язык хранит в библейских текстах и паремиологическом фонде, который немецкий лингвист Б. Гуфайзен метко называет, используя метафору, *историческими консервами*. Аккумулируемый и транслируемый данными источниками этнический опыт накладывает отпечаток на формирования современных стереотипных представлений о роли женщины в обществе и взаимоотношениях полов.

Так, стереотипный образ женщины в библейских текстах и немецкой фразеологии имеет ряд характеристик, подтверждающих тот факт, что исторически женщины подчинялись мужчинам, а тема домашнего насилия уходит своими корнями в далекое прошлое.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что язык фиксирует и транслирует не только такие безусловные ценности, как уважительное отношение к женщине, жене, подруге, родственнице, но также и негативные установки.

Цель исследования – анализ средств вербализации стереотипного образа немецкой женщины.

Материал и методы. Материал исследования – лексический пласт, формирующий образ *Frau* / *женщина, жена* в лингвокультурном пространстве немецкого языка (на материале Мангеймского корпуса немецкого языка). Для достижения поставленной цели использовались описательно-аналитический метод, метод сплошной выборки и сопоставительный метод.

Результаты и их обсуждение. Следует признать, что на протяжении столетий женщины традиционно относились к нижнему уровню семейной и общественной иерархии. Первоначальные упоминания, касающиеся бесправного положения женщин, содержатся в юридических документах Римской империи, где физическое наказание жены мужем было легализовано.

По мнению отдельных исследователей, даже Ветхий Завет имплицитно позиционирует женщину как существо низшее, поскольку она упоминается в одном ряду со слугами и домашними животными: „*Du sollst nicht begehren des ... Haus, Knecht, Weib, Vieh und alles was sein ist.*“ «Не желай дома ближнего твоего, ни раба его, ни жены ближнего твоего, ни вола его ... ни всего, что есть у ближнего твоего». Напомним, что в пору бытования патриархата в состав семьи входили не только домочадцы, но и работники.

Строгость, порядок, дисциплина – то, с чем большинство из нас ассоциируют традиционную немецкую культуру. Свидетельства о применении телесных наказаний содержит даже Библия на немецком языке, которая учит мужа в случае невозможности решить семейные проблемы с помощью увещаний использовать физическую силу: «... *nimm einen Stock und schlage sie fest . . . , aber nicht im Zorn, sondern aus Sorge um ihre Seele*” / «... возьми палку и побей ее (жену) сильно ..., но не со злостью, а с заботой о ее душе ...».

Крупнейший свод законов 18 века, освещающий также вопросы брачно-семейного права «Всеобщее земское право для Прусских государств» в 1794 году признает главенствующее положение в семье мужчины и законодательно одобряет «Право на умеренное применение телесных наказаний», то есть фактически легитимизирует права применения главой семейства физического наказания в отношении супруги. Несмотря на его отмену в 1812 году, закон перестал действовать только благодаря «Германскому гражданскому уложению» в 1900 году. Таким образом, телесные наказания, применяемые для поддержания дисциплины и порядка, долгое время были разрешены с законодательных позиций и моральной точки зрения.

Патриархальная иерархия полов сохраняется и в паремиологическом фонде немецкого языка. Проанализировав фразеологические единицы, включающие лексемы *Mann* / *мужчина, муж* и *Frau* / *женщина, жена*, мы пришли к выводу, что частотность употребления первой лексемы вдвое выше. По нашему мнению, данный факт еще раз подтверждает манифестацию гендерного превосходства мужчин на фоне имплицитного социального и общественного более выгодного их положения.

Существует множество пословиц с лексемами *Frau* / *женщина, жена* и *Ehefrau* / *жена, супруга*, имеющих положительный коннотативный статус. *Eine aufrichtige Ehefrau ist des Mannes bessere Hälfte* / *Честная жена – лучшая половина мужа*; *Eine tüchtige Frau ist ihres Mannes Krone* / *Хорошая жена – венец мужа*. Одно и то же качество у мужчин и женщин может получать различную оценку. Ср.: *Ein trinkendes Weib ist gemein* / *Пьющая жена – это низко*; *Kein echter Mann, der niemals betrunken war* / *Тот, кто никогда не был пьян – не настоящий мужчина*.

Можно предположить, что актуальная проблема домашнего насилия, долгое время табуированная в обществе, а именно, проблематика применения насильственных методов воздействия имеет давние традиции: *Frauen und Koteletts werden so besser, je mehr man sie klopft* / *Женщины и отбивные становятся лучше, чем больше их колотишь* (ср.: русск. *Жену люби как душу, а тряси как грушу*). Или, например, *Frauen und Pelze wollen oft geklopft sein* / *Женщины и шкуры часто хотят быть побитыми*. В то же время, народная мудрость учит не забывать: *Mann und Weib sind ein Leib* / *Муж и жена – одно тело*; *Wer da schlägt sein Weib, trifft seinen eignen Leib* / *Кто бьет свою жену, бьет самого себя*.

В ряде пословиц и поговорок женщины дискриминирующим их образом описываются как глупые, болтливые и наивные существа, которые противопоставляются положительным образам мужчин. Например, *Alte Weiber und Frösche quaken viel* / *Старые жены и лягушки много квакают*; *Eine schlechte Frau ist schlimmer als ein schlechter Mann* / *Плохая жена хуже, чем плохой муж*.

Заключение. Исходя из вышеизложенного, полагаем, образ немецкой женщины – отражение исторического и духовного развития этноса. Еще раз подчеркнем, что стереотипный образ – это упрощенные, генерализованные представления, отражающие культурно-национальные особенности восприятия роли женщины носителями немецкого языка. Думается, образ современной женщины гораздо сложнее и многообразнее, поскольку время, язык и сами женщины наполняют его новыми смыслами и коннотациями.

СЛОВАРЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ: ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ

Н.Н. Дудкевич
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Решение целого ряда актуальных проблем современной науки во многом зависит от упорядочения терминологических систем конкретных областей знаний. Идеальная система терминов выражает логическую систему соответствующих научных знаний, не упрощая и не усложняя их.

Лингвокультурология возникла в русле антропологической тенденции в лингвистике в 90-е годы XX века. Значительной частью теоретической и методологической базой лингвокультурологии является понятийно-терминологический аппарат, представляющий собой совокупность понятий и терминов, используемых в научных исследованиях. Основу лингвокультурологических терминов составляют термины лингвистики и культурологии, которые в научных исследованиях обретают лингвокультурологическую специфику и начинают выражать новые понятия, получающие

развитие в *исследованиях взаимодействия языка и культуры, языка и сознания (код языка, концепт и др.)*. Но есть и новые термины, не встречающиеся ни в традиционной лингвистике, ни в культурологии, например, *культурная коннотация*.

Соответственно, начинает остро ощущаться потребность в инвентаризации состоящих на службе лингвокультурологии понятийно-терминологических единиц, в систематизации и конвенционализации (или стандартизации) ее наличного понятийно-терминологического инструментария». Укрепление лингвокультурологии как нового междисциплинарного направления состоит, в том числе и в упорядочении ее терминологии. Это обусловило необходимость определения принципов создания словаря лингвокультурологических терминов.

Цель статьи – выявить принципы составления словаря нового типа – лингвокультурологического словаря.

Материал и методы. Материалом исследования стал словарь лингвокультурологических терминов, описывающий 25 центральных терминов лингвокультурологии авторов-составителей М.А. Ковшовой и Д.Б. Гудкова [1].

Основные лингвистические методы представлены методом контекстного анализа, который приводит к точной и строгой дефиниции, ограничивающей семантику одного термина от другого; методом дискурсного анализа, который позволяет исследовать терминопотребление в теоретических и эмпирических исследованиях по лингвокультурологии; методом тезаурусного описания, позволяющий дать представление о связи заглавного термина с другими терминами в данной сфере.

Результаты и их обсуждение. Понятийный аппарат и терминосистема лингвокультурологии складываются за счет того, что уже устоявшиеся термины из смежных парадигм начинают вырабатывать новый, лингвокультурологический ресурс, поскольку с новыми теориями приходят и новые понимания старых терминов. Под влиянием лингвокультурологических исследований, расширяющих поле деятельности, на основе накопленного анализа эмпирического материала происходит уточнение новых понятий и утверждается новая терминология, растет терминотворчество. С другой стороны, активное, но во многом стихийное развитие лингвокультурологии может привести к размыванию ее целей и задач, их упрощению или мифологизации.

Чтобы не потерять предмет своего исследования, лингвокультурология нуждается в унификации понятий и терминов. Исследование «языка» лингвокультурологии в лексикографическом аспекте позволит определить спецификацию самой науки в кругу смежных дисциплин, выявить целые понятийные группы в лингвокультурологической терминологии, исследовать количественные и качественные изменения в ее развитии, выявить более и менее разработанные понятийные «участки».

Словарное описание центральных терминов лингвокультурологии должно опираться на теоретические постулаты терминологии и лексикографии; на методы, разработанные в практике составления словарей лингвистических терминов; на принципы описания культурно значимых понятий.

Словарь лингвокультурологических терминов – это лексикографический результат проведенного исследования, в частности: анализ базовых понятий лингвокультурологии; их дифференциацию в отношении сходных терминов в смежных лингвистических направлениях; систематизацию центральных лингвокультурологических терминов, вариантов и сопряженных с ними понятий. Примером могут служить термины *коды культуры, культурная информация, культурно-языковая интерпретация, концептосфера культуры, установки культуры* и др.

Лексикографическая статья включает в себя различные виды описания центральных терминов лингвокультурологии:

- 1) указывается именование центрального термина (слова или словосочетания); дополнительно дается указание вариантов термина (слова или словосочетания), его дериватов (если они есть), а также понятий, образующих собой терминологический блок;
- 2) дается дефиниция, или определение значения термина;
- 3) приводится комментарий на примере цитат из теоретических исследований, в которых характеризуются термин или входящие в его блок понятия;
- 4) приводятся иллюстрации применения термина, показывается его использование в лингвокультурологическом исследовании конкретного языкового материала;

5) указываются отсылки на термины, описание которых содержит дополнительную информацию о заглавном термине.

Заключение. Таким образом, главный новаторский принцип словаря лингвокультурологических терминов заключается в создании системного описания терминов лингвокультурологии. В ядерной зоне указан сам термин, дальнейшее описание которого мы находим в зоне дефиниции. В зоне комментария эксплицируется осмысление термина в научном дискурсе. Демонстрация «работы» термина с эмпирическим материалом представлена в зоне иллюстрации. Представление о понятийных связях термина приводится в отсылочной зоне.

1. Словарь лингвокультурологических терминов / Авторы-сост. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. / отв. ред. М.Л. Ковшова. – Москва: Гнозис. – 2017. – 192 с.

ОБ ОДНОМ ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

И.П. Зайцева

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Сопоставление широкого круга мифов (с неизменным учётом диахронической составляющей, которое достаточно активно проводится исследователями уже в течение длительного времени – позволило установить, что в мифологиях различных народов мира – при чрезвычайном их многообразии – целый ряд основных тем и мотивов повторяется. В то же время мифическое пространство каждой из мифологий всегда демонстрирует по ряду параметров некую специфику, а иногда и уникальность, предопределённые в первую очередь национально-культурными особенностями контекста. Это обуславливает актуальность подобных исследований в принципе, и в частности – наблюдений, проводимых в русле сформировавшегося на новейшем этапе развития языкознания лингвокультурологического подхода.

Цель настоящей публикации – акцентировать внимание на одном весьма своеобразном, на наш взгляд, элементе картины мира восточных славян, проследив за трансформацией накопленной прецедентными для этой культуры образами информации при введении их в современные словесно-художественные произведения, которые презентуют лирические жанры.

Материал и методы. Исследование выполнено на материале современной русской поэзии с привлечением материала из справочных (лексикографических и энциклопедических) источников (описание закрепившихся в языке и культуре значений анализируемых образов). Были использованы общенаучные методы наблюдения, описания и обобщения, а также ряд специальных методик: семантического анализа, контекстуального анализа и лингвокультурологической интерпретации.

Результаты и их обсуждение. К основным феноменам, репрезентирующим мифическое пространство каждой из национальных культур, в первую очередь принадлежат многообразные мифические **персонажи** и **артефакты** – «предметы из вторичного, как правило сказочного мира, которые являются национально маркированными и значимыми для данной культуры (например *живая и мёртвая вода* или *молодильные яблоки*)» [1, 10–11].

Представляется, что в системе персонажей восточнославянской мифологии особое положение занимает одна из групп **персонажей-животных**, или группа **зооморфных образов**, – **образы волшебных птиц**, с которыми связано немало знаковых жизненных ситуаций, обрядов, заклинаний и иных проявлений национально-специфичного мировосприятия, находящих безусловное отражение и в языке, точнее – в лингвокультуре, любой нации. В данном случае мы остановимся на осмыслении русскими лириками XIX–XXI-го веков *лингвокультурного* и *образно-эстетического* потенциала, присущего имени одной из волшебных птиц – **Гамаюн**, которое, по нашему мнению, с полным правом может быть отнесено к **прецедентным** для восточнославянской лингвокультуры **именам**.

Дошедшие до нас из глубины времени образы птиц, наделённые народным сознанием мистическими качествами, настолько разнообразны (это, среди прочего, объясняется огромными территориями, заселяемыми славянскими народами в древности), что при рассмотрении их целесообразно разделить как минимум на три группы.

Первую из этих групп образуют особые мифические существа: *полу-птицы – полу-люди*, обладающие даром пророчества и способностями приносить людям беду или счастье, горе или удачу; это волшебные птицы **Гамаюн**, **Алконост**, **Сирин**, **Стратим** и **Феникс**.

Во многих ситуациях, отражающих те или иные сегменты мифического пространства восточных славян эти образы функционируют не только автономно, но и взаимодействуя в различных сочетаниях, символизируя при этом определённые стороны (аспекты) зафиксированных в мифах явлений или процессов, – как, например, имена-антиподы **Сирин** и **Алконост**, традиционно трактуемые как *птица радости* (Сирин) и *птица печали* (Алконост). Принимая во внимание частотность подобных ситуаций, мы в данном случае всё же сосредоточимся на рассмотрении функционально-семантической нагруженности отдельного имени – **Гамаюн**, выявляя в процессе наблюдения специфику осмысления его лингвокультурного потенциала русскими поэтами-лириками.

Интересующее нас имя интерпретируется в специальных лексикографических источниках (словарях символов и под.) довольно неоднозначно, хотя в этих толкованиях, безусловно, обнаруживаются и сходные черты, – ср., в частности: «**Гамаюн** – сказочная райская птица, упоминаемая в апокрифах и духовных стихах как «птица вещая», как сирин и каган. ... Если кричит птица-гамаюн – счастье пророчит» [2, 45];

«**Гамаюн**, редкая мифическая птица с женской головой, обладающая завораживающим пением. Её пророчества доступны избранным людям, а само появление способно вызывать смертоносные стихии» [3, 73].

Безусловно, столь богатый, к тому же неоднозначно толкуемый семантико-культурный потенциал имени мифического существа, не мог не привлечь внимания художников слова, в первую очередь – авторов поэтических произведений.

Одним из наиболее эстетически значимых поэтических опытов осмысления образа волшебной птицы **Гамаюн**, безусловно, является написанное в 1899 году знаменитое стихотворение **А. А. Блока** «Гамаюн, птица вещая», представляющее собой словесно-художественный отклик на картину В. Васнецова, на которой изображён этот мифический персонаж.

Во второй половине двадцатого столетия к образам волшебных птиц, среди прочих поэтов, обращается **В. С. Высоцкий** – в его стихотворении «Купола» функционирует *система* имён «вещих птиц», в число которых входит и **Гамаюн**: *Сирин – Алконост – Гамаюн: Птица Сирин мне радостно скалится – / Веселит, зазывает из гнёзд, / А напротив – тоскует-печалится, / Травит душу чудной Алконост. / Словно семь заветных струн / Зазвенели в свой черед – / Это птица Гамаюн / Надежду подаёт!*

Философское стихотворение В. С. Высоцкого явно ориентировано на осмысление автором фольклорных образов (*птицы вещие поют – да всё из сказок*); собственно текст в целом опирается на символику, традиционно закрепившуюся за именами мистических птиц: **Сирин** – ‘птица радости’ (хотя в данном случае эта символика несколько разрушается сочетанием с разговорно-сниженным глаголом *скалится*: *птица Сирин мне радостно скалится*); **Алконост** – ‘птица печали’ (*А напротив – тоскует-печалится, / Травит душу чудной Алконост*); **Гамаюн** же – в осмыслении В. Высоцкого предстаёт как ‘птица надежды’: *Это птица Гамаюн / Надежду подаёт!*; *То мне птица Гамаюн / Надежду подаёт!* – то есть в лирической структуре актуализируется исключительно *позитивный* компонент присущей этому прецедентному имени символики, чему способствует и введение её в риторические фигуры (строфическую *анафору* и два *восклицания*).

Размещённые в сети Интернет лирические произведения свидетельствуют об определённом «всплеске» интереса к образу птицы **Гамаюн** – он нередко фигурирует в лирических произведениях современных поэтов – ср., в частности, приводимый далее фрагмент:

Юлия Валентайн

Во Ирийском саду души предков живут,
Там волшебные птицы беседы ведут:
Меж собою толкуют значения рун
Алконост, Сирин, Феникс, да свет – **Гамаюн**.
Входа нет в Ирий-сад не покинувшим Явь,
Ну, а птиц иногда отпускает к нам Правь...

Заключение. Проведённый анализ свидетельствует, что обращение авторов – наших современников к анализируемому образу – мифической птицы **Гамаюн** – отличается определённым

ными особенностями. Основной функцией прецедентного для восточнославянской лингвокультуры имени **Гамаюн** словесно-художественного произведения современного периода является участие в создании **стилизации**.

Именно этой ключевой, имеющей **комплексный** характер функции, подчинена и вся иная нагруженность имени **Гамаюн** в лирических произведениях начала XXI-го столетия – например, включённость его в разнообразные **тропы** и **фигуры**, а также создание с помощью означенной номинации своего рода композиционного каркаса лирической структуры, где имя волшебной птицы становится одним из средств его обрамления, задавая тем самым направление развития лирического сюжета.

1. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М.: «Гнозис», 2004. – 318 с.
2. Персонажи славянской мифологии / сост.: А. А. Кононенко, С. А. Кононенко. – К.: Фирма «Корсар», 1993. – 224 с.
3. Шуклин, В. В. Русский мифологический словарь / В. В. Шуклин. – Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. – 384 с.

УРОКИ ОДНОЙ ДИСКУССИИ

*В.В. Здольников
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Историю, неважно чего – государства, науки, литературы, не надо переписывать; её следует изучать, чтобы знать и делать практические выводы из прежнего опыта на очередных её крутых виражах. Этой аксиомой и мотивировано наше обращение к событиям в русской общественной мысли и литературной жизни более чем полуторастолетней давности. К сожалению, она не всегда «работает» в теории и на практике, особенно в области гуманитарной и социальной. Чему бурный XX век явил нам массу примеров, и что подтверждает актуальность нашего исследования.

Цель исследования – проследить факт эволюции в ходе её общественно-политических взглядов одного из оппонентов.

Материал и методы. Материал – незавершённая дискуссия (по причине раннего ухода из жизни одного из её активных участников) между журналами «Современник» и «Москвитянин» в 1847–1848 годах. Эмпирический материал – три статьи В.Белинского (в газете «Молва» и в журнале «Современник») и три статьи в «Москвитянине» (две написаны К.Аксаковым, одна – Ю. Самариным). Метод анализа – сравнительно-текстуальный.

Результаты и их обсуждение. Вопреки устоявшемуся мнению о «николаевской реакции», о свирепстве цензуры, наступивших в России после 1825 года, заметим, что именно в сороковые годы литературная жизнь страны отмечена событием, доселе невиданным – открытой публичной дискуссией между литературными журналами «Отечественные Записки» и «Москвитянин», главными фигурантами которой стали критики К.Аксаков и В.Белинский. Делает её исторически знаковой то обстоятельство, что, начавшись с сугубо эстетического спора о жанре «Мёртвых душ» Н.Гоголя, она быстро «перетекла» в область общественно-политической мысли. И вошла в историю как спор славянофилов сперва с «западниками», а позже – с революционными демократами. А конкретнее – их разных аксиологических ориентиров в этом споре.

Историки, социологи и филологи эту первую публичную дискуссию в России исследовали тщательно, каждый в своих профессиональных аспектах. Для историков общественной мысли и социологов её итогом стала победа сначала «западников», а позже революционных демократов над консерваторами-славянофилами. Для филологов это – победа критиков натуральной школы в тогдашней литературе над коллегами из формалистской и эстетической. Причём героем этих побед предстаёт В.Белинский с соответствующими определениями: «давний и непримиримый противник славянофильства», «подлинный революционер-демократ» [т. 3, с. 896, 897]. В них впервые усомнился выдающийся русский критик и литературовед XX века В. Кожин, отмечая противоречивость его оценок «Мёртвых душ» в ходе той полемики. «Белинский по прочтении «Мёртвых душ» написал: «Нельзя ошибочнее смотреть на «Мёртвые души» и грубее их понимать, как видя в них сатиру». Но потом, не желая согласиться со статьёй славянофила К.Аксакова, начал писать нечто другое... Видимо некая политическая идея увлекла его настолько, что он готов был пожертвовать объективностью» [3, с. 248].

Да, увлекла; мы лишь уточним какая, обращаясь к началу его карьеры литературного критика. Началась она в газете «Молва», редактором которой был профессор Московского университета по теории изящных искусств Н.И. Надеждин, с публикации в конце 1834 года статьи «Литературные мечтания. Элегия в прозе». Начиная критик объяснял бедственное положение тогдашней русской словесности тем, что «народ, или, лучше сказать, масса народа и общество пошли у нас врозь». Под «обществом» он разумел дворянство, высшее сословие, интеллектуальную элиту, которое «из всех сил ударилось в подражание, или, лучше сказать, передраживание иностранцев» [1, с. 27–28]. Поразительно, как двадцатитрёхлетний молодой человек, вчерашний студент, пророчески определил основной изъян национальной общественной жизни, ставший, наряду, конечно, с другими, роковым для русской дальнейшей истории. Что можно объяснить особенной восприимчивостью молодости к новым идеям. А таковой в первой четверти века XIX явилась идея народности в литературе, концепция которой была разработана немецким романтизмом, а точнее его теоретиком И. Гердером. Она утверждала, что главная опасность в литературе – подражание иноземному, а главный залог успеха – развитие «самобытных элементов» нации. Уточним, что до начала споров между русскими «западниками» и русскими же «славянофилами» ещё почти десяток лет, и они пока мирно беседуют на заседаниях литературно-философского кружка Н.В.Станкевича при Московском университете, участниками которого были и К. Аксаков и В. Белинский. Участие в них наверняка способствовало их увлечению новыми идеями прогрессивного просветительского направления.

Под идейными знамёнами европейского просветительства прошёл длительный период работы Белинского в журнале «Отечественные Записки», и о «Мёртвых душах» Н.В. Гоголя дискутировал он с К.С. Аксаковым, возглавляя отдел критики этого издания. Он тогда резко полемизировал со славянофилами и их журналом «Москвитянин», которые развивали как раз ту идею, что сам он высказал в газете «Молва». В конце 1846 года Белинский покинул журнал скорее всего по причине идеологических расхождений с редактором А.А. Краевским, чьё либеральное западничество уже не устраивало его. Он принял предложение Н.А. Некрасова, издателя и редактора «Современника», возглавить отдел критики в его журнале. Тогда-то и возобновилась прерванная было на два года полемика со славянофилами и их «Москвитянином». Но это была уже иного рода дискуссия, иная мотивация её, связанная с эволюцией идейно-мировоззренческих взглядов Виссариона Григорьевича. Впрочем и не он выступил инициатором её.

Первой его публикацией в «Современнике» стала обзорная статья «Взгляд на русскую литературу 1846 года», опубликованная в первом номере журнала за 1847 год. Она была по сути программной, эстетическим манифестом натуральной школы в русской литературе, а точнее – классического реализма в ней. Но вот что любопытно: сугубо эстетическим и литературным вопросам в ней отведена лишь треть её объёма. Остальные две трети написаны с целью «познакомить заранее читателей «Современника»... с его духом и направлением как журнала» [1, т. 3, с. 641].

Вот основные тезисы, выдвинутые Белинским в качестве программных для общественной позиции обновлённого пушкинского детища. Первым «величайшим умственным успехом» своего времени Белинский называет следующее: «Мы, наконец, поняли, что у России была своя история, несколько не похожая на историю ни одного европейского государства, и что её должны изучать и о ней должны судить на основании её же самой, а не на основании истории ничего не имеющих с нею общего европейских народов» [1, т. 3, с. 644]. Далее Белинский даёт понять читателям, что заслуга здесь целиком «партии славянофильской». Напоминая о славянофильских филиппиках против «русского европеизма», он отмечает, что они «об этом говорят много дельного, с чем нельзя не согласиться... Пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское» [1, т. 3, с. 653]. И третья принципиальная позиция, заявленная критиком как программная, это убеждённость в том, что «когда народ поддаётся напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы перерабатывать их силою собственной национальности, ... – тогда он гибнет политически» [1, т. 3, с. 663].

Ниже следующие «выбранные места» из текста статьи – это уже прямой призыв к сотрудничеству. «Славянофильство есть убеждение, которое как убеждение, заслуживает полного уважения, даже и в таком случае, если вы с ним вовсе не согласны»; «на чьей стороне истина, рассудит время»; «мы не имеем никакой нужды враждовать и сердиться, ... и вместо благородной и позволенной борьбы мнений заводить бесполезную борьбу личностей и самолюбий».

Судя по этой дебютной статье в «Современнике», Белинский предлагает сделать новый журнал не полем сражения, а сотрудничества «западников» и славянофилов, всех национально

мыслящих людей русского образованного общества. Редакция «Москвитянина», не поняв очевидно примирительного пафоса статьи Белинского или не приняв его, не спешила отвечать. Лишь в сентябрьском номере за 1847 год опубликовала статью «О мнениях «Современника», исторических и литературных». Автором её был не давний антагонист Белинского в спорах вокруг «Мёртвых душ» К. Аксаков, а Ю.Ф. Самарин, который обрушил свой гнев на «Современник» в лице его критика. Белинский отвечал ему в одиннадцатом номере «Современника» (статья «Ответ «Москвитянину»). Поразительно, что свою полемику с К. Аксаковым, когда он работал в «Отечественных Записках» Белинский теперь оценивает как «спор детский, ребячливый», подогреваемый «маленьким самолюбием спорщиков». Умудрён был Виссарион Григорьевич к 1867 году почти четырёхлетней дискуссией 1862–1865 годов со славянофилами, увидел их правоту во многих вопросах общественной жизни страны, и не пожелал заканчивать свой «Ответ «Москвитянину» на полемической ноте. Снова, как и во «Взгляде на русскую литературу 1846 года» протягивает пальмовую ветвь мира своим оппонентам. Но те то ли не поняли, то ли (вероятнее всего!) не захотели принять её, и Самарин подбросил хворосту в угасавший огонь дискуссии. Значит, оставались ещё вопросы в их полемике, помимо художественно-эстетических, где стороны не пришли к согласию.

Заключение. И спор этот пронизывает литературно-общественную жизнь страны, то угасая, то разгораясь, до дней сегодняшних. Как будто отечественный опыт ничему не научил современных «мыслящих людей». Не уйдя Белинский в мир иной так рано, он довёл бы его до гармоничного финала. Да, он увлекался новыми идеями, был прогрессистом, но и научился уважать прежние, прислушиваться к консерваторам. Эта динамика мысли объясняет некоторую противоречивость критических оценок одних и тех же произведений, но и дезавуирует, так сказать, ставшие традиционными его характеристики в позднейших исследованиях. Он начал в журнале «Современник» работу по примирению со славянофилами, стремился избежать раскола теперь уже не только «между народом и обществом», а внутри этого самого общества. Вот что следовало бы взять из исторического опыта современным представителям интеллектуальной элиты, ищущим новую цементирующую общество национальную идею.

1. Белинский В.Г. Собрание сочинений в трёх томах. – М., 1948.
2. Здольников В.В. История русской литературной критики (XVIII–XXI вв.). Учебное пособие. – Витебск: изд. ВГУ, 2012.
3. Кожин В.В. Рассказ о вышедших и выходящих книгах // Журнал «Наш современник», 2015., – №8.

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ПАРАМЕТРЫ МЕДИЙНОГО ТЕКСТА

О.В. Казмирова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Поворот современного состояния языкознания к функциональной стороне языка имеет целый ряд последствий, одно из которых – изучение жанров речи в русле динамично развивающегося дискурсивно-стилистического направления (см. работы А.Н. Кожина, В.В. Одинцова, Г.Я. Солганика, О.В. Орловой и др.). Речевые жанры, объединенные общей смысловой направленностью, являются одним из наиболее эффективных механизмов при исследовании ситуаций употребления языка, процессов речепорождения. Жанры речи выступают в качестве высказываний, типичных для речевого поведения говорящего, обладающих ярко выраженной ситуативной спецификой и иллюстрирующих поведение адресанта как активного участника коммуникационного процесса.

Интерес нашего исследования представляет сфера массовой коммуникации в лингвистическом поле исследований, а именно медиалингвистика, которая характеризуется многообразием жанров, многие из которых являются сложными гибридными образованиями и появились в результате диффузии различных функциональных стилей. Одной из подобных гибридных жанровых форм служит англоязычный *медийный очерк*, относящийся к пограничной области публицистического стиля, что предполагает контаминацию стилей в подобном типе текста и семантическую многомерность. В настоящее время к числу важнейших, но малоисследованных вопросов относится изучение лингвистических параметров очерка, в частности, его жанрообразующих характеристик, являющихся ключевыми для дальнейшего моделирования исследуемого жанра.

Цель статьи заключается в определении конститутивных жанрообразующих факторов организации англоязычного очерка.

Материал и методы. Материалом исследования являются 200 англоязычных очерков (50 очерков-повествований, 50 комментирующих, 50 исследовательских и 50 рекламных очерков) из печатных и цифровых англоязычных авторитетных журналов (“The New Yorker”, “Time”, “Newsweek”, “The Spectator”, “Reader’s Digest”, “Harper’s Magazine”, “The Atlantic” и др.) за 2008 – 2017 гг. общим объемом более 500 страниц. Методологическую основу составляют следующие принципы современной парадигмы языкознания: антропоцентризм, функционализм, экспансионизм. Основные лингвистические методы представлены методом сравнительного анализа, методом контекстуального анализа, методом контент-анализа, интерпретационным методом.

Результаты и их обсуждение. В качестве основополагающего жанрообразующего параметра медиажанра *очерк* выступают коммуникативная *цель* и *задачи* сообщения, которые реализуются системой коммуникативных стратегий (*самопрезентация, убеждение за счет рациональной аргументации / с опорой на эмоциональную аргументацию, побуждение*) и речевых тактик (*апелляции к эмоциям, вовлечения адресата в диалог, прямого обращения, обобщения; аргументирования, создания эффекта объективности и достоверности, одобрения/неодобрения действий и инициатив, прогнозирования; прямого включения, поддержания контакта, позиционирования себя; уникальных предложений, создания позитивной перспективы, положительной мотивации*). Коммуникативные стратегии и тактики конструируются посредством комплекса языковых маркеров, с помощью которых адресант наиболее целостно обозначает собственную позицию и обеспечивает перспективу для адекватного декодирования переданного сообщения.

Инструментарий средств актуализации стратегий и тактик показывает, что на морфологическом уровне для всех четырех типов медийного очерка характерно использование личных местоимений второго и, в особенности, первого лица, поскольку они являются основным средством реализации интимизации повествования и диалогизации. «Личное» обращение в очерке позволяет автору напрямую обратиться к читателю, тем самым привлекая его внимание к представленному материалу, усиливая эффект доверия и сопричастности. Употребление личных местоимений связано и с приемом персонификации: местоимения превращают очерковый текст в доверительную личностную беседу, что во многом обусловлено его жанровой природой (*Having said all that, if **my** wife and kids see this I shall deny having written it. For years I’ve been pretending to be a staycation curmudgeon, only being dragged abroad by them against **my** will. “You owe **me**,” I tell them as **we** board the plane to some foreign destination, racking up the brownie points. But the truth is, I love it there*). Для всех стратегий сходна тенденция в применении интенсификаторов, императивов, временных дейксисов, помогающих достичь большей образности и выразительности (*But the truth is, I **just never** tire of the United Kingdom’s natural beauty. These things are **necessarily** subjective, but in my view there isn’t much in the rest of Europe to match up to the Highlands, the Pennines or Cornwall’s north coast... But Britain is **such** a treasure house of spectacular delights, **now** I **really** don’t see how anyone could tire of it*).

Относительно лексического уровня, проведенное исследование подтверждает гипотезу о том, что функциональные признаки текста, предполагающего оценку событий, ярко проявляются в использовании говорящим эмоционально и экспрессивно окрашенной лексики (*The last time I saw Gordon Brown, he made me cry. It wasn’t just the way he stood, **battered**, but not broken, a **wounded** warrior **setting** his **face**, one last time, against the glare of the cameras, and the **admiring** gaze of the **cackling** hordes for whom he had been **sport***). Анализ выявил преобладание пояснительных и образных эпитетов, метафор, разговорных конструкций, фразовых глаголов и идиом как действенных средств апелляции к эмоциям читателя (*Islands are as much imagined as real, and live in the mind’s eye with as much **raw** power as they live in the world of tides and winds*).

По результатам анализа синтаксических средств актуализации исследуемых стратегий, наиболее употребительными являются вводные слова и конструкции, выражающие модально-оценочное отношение говорящего к сообщаемому и позволяющие подчеркнуть мнение автора либо сопоставить различные точки зрения на изложенную проблему (*In **my** view, most of the time it feels like our little family of three – my kiddo, my husband, and I – is living inside a tornado. **Not surprisingly**, our days and weeks feel like a whirlwind of work, school, activities, dinners, breakfasts, and events*). Высока концентрация вставных предложений, перечислений, что свиде-

тельствует об эффективности их употребления в определенных тактиках (*аргументирования, создания эффекта объективности и достоверности*), главной задачей которых является приведение доводов или разъяснение адресату сути того или иного вопроса. Наиболее заметной общей тенденцией для всех стратегий очерка является использование повторов, риторических вопросов, вопросно-ответных ходов, акцентирующих внимание реципиента на той или иной значимой информации в тексте (*And I had to wonder: if women made up half the leadership of that industry, half the members of Congress, half the overseers in government agencies, might it have ended differently? If women led in proportion to their numbers, would things be better?*). Преобладают инверсии, анафора, парцелляции, направленные на создание эффекта взаимодействия с адресатом.

Графическая репрезентация представлена стилистической «нагруженностью» пунктуации (восклицательные знаки, вопросительные знаки, тире) и орфографии (заглавные буквы, курсив, жирный шрифт), служащих для логического и эмоционального усиления авторской мысли, раскрытия многообразных сторон эмоционально-психологического состояния адресанта (*YEARS AGO SOMEONE REFERRED to me as a show pony, trotted out to prove a point... The answer is, We can*).

Заключение. Таким образом, ключевым жанрообразующим критерием очерка являются *цель и задачи* сообщения, определяющие коммуникативные стратегии, а также реализующие их тактики. Организуемые по принципу их целевого назначения в конкретной речевой разновидности, выявленные стратегии и тактики создают новое исследовательское поле для применения их в изучении иных жанров медиатекста не только в стилистическом, но и в коммуникативно-дискурсивном аспекте.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ В ВИТЕБСКИХ ЗАВЕЩАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА: СОСТАВ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

*О.А. Климкович
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Завещания эпохи средневековья представляют собой документы, дающие обширный материал как для изучения социального устройства общества, так и для описания языковых явлений разных уровней. Актуальность исследования определяется важностью изучения стилистических ресурсов употребления частей речи в региональных памятниках, так как это позволяет выявить специфические черты формирования функционально-стилевых разновидностей языка в эпоху средневековья.

Цель указанной работы – выявление специфики состава и стилистического функционирования указательных местоимений в витебских завещаниях второй половины XVI в.

Материал и методы. В статье рассмотрены состав и особенности функционирования указательных местоимений, извлеченных методом сплошной выборки из 15 завещаний, относящихся к актам Витебского земского суда и опубликованных в сборнике «Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст.» (№ 34–48). В работе использованы описательный, аналитический и сравнительный методы.

Результаты и их обсуждение. Состав указательных местоимений в текстах витебских завещаний представлен формами местоимений *тотъ, сесь, таковыи, такои, оныи*.

Местоимение *тотъ* является самым значимым не только по количеству словоупотреблений, но и по разнообразию грамматических форм и выполняемых им функций. Установлены три основные функции местоимения *тотъ*: а) средство связи отдельных смысловых единиц текста, б) средство связи отдельных частей в составе сложных предикативных комплексов, в) постоянный компонент разнообразных атрибутивных сочетаний, который одновременно связывает эти единицы как с текстовым пространством, так и с внетекстовой действительностью.

В качестве средства связи отдельных смысловых единиц текста местоимение *тотъ* выполняет функцию отсылки ко всему содержанию текста, обозначая связь отдельных блоков с предыдущим содержанием документа. Функция отсылки ко всему тексту документа реализует-

ся при употреблении местоимения *тотъ* в начале смысловых блоков 1) со значением именован- ния свидетелей: *а при том были и томи добре есть звездоми люди добрые земляне г(о)с(по)д(а)ръские витебъские: панъ Гурько Влехновичъ ... (№ 34)*; 2) со значением указания юридического закрепления акта: *и на то я, Илья Павлович Воротынец, дал малжонце своєї Мари Тюлпянце и сыном моим Ивани ... сес мои тестамент встаточное воли моее под печатю моею власною, запечатовавши тот тестамент мои (№ 46)*.

Как средство связи отдельных частей сложных предикативных комплексов местоимение *тотъ* употребляется в конструкциях 1) *што ... , то... што не бывает варовано писмом, то трвало не бывает (№ 42)*; 2) *што ... , тую ... што маю ибогое маетности моее, тую втписую (№ 39)*; 3) *хто ... , тот ... а хто бы колве препомневши боязни Божое важилсе тую встатную волю мою сим тестаментомъ моим вбварованую ... вдин дригому нарушати, тот се со мною розсудит в ден встатнии на справедливом сиде Божемъ (№ 41)*; 4) *... того ... , кого ... везавъшы до того в хоробе моеи кого есми досегнут и ипросит мог (№ 42)*.

Местоимение *тотъ* является частью атрибутивных сочетаний, содержащих упоминание ранее названных объектов, адресатов завещания. Состав наиболее частых из них можно пред- ставить следующими двухкомпонентными, трехкомпонентными или четырехкомпонентными моделями: 1) двухкомпонентная модель *тотъ + суц.* указывает а) на уже ранее упоминавшие- ся объекты внетекстовой реальности (*в тот кгрунт, в тот ж ров, в тую ж реку Лучосу, и по тот ручаи (№ 35)*); б) на границы определенного времени (*до тог(о) ч(а)су (№ 35), на тот часъ (№ 38)*); в) на документы *до того листу (№ 38)*; 2) трехкомпонентная модель *тотъ+суц.+мои / свои* чаще всего употребляется а) при указании на ранее упоминавшихся родственников (*тая уника моя, того жъ сына моего, томи зятю своєї (№ 37)*); б) при указании на документ (*тымъ моимъ тестаментомъ (№ 35)*); 3) четырехкомпонентные модели *тотъ+суц.+мои / свои + звышьпомененыи / вышеипомененыи; тотъ + весь+ суц.+ прилага- тельное; тотъ + весь+ суц.+ мои / свои* используются при обобщенном перечислении отдель- ных объектов собственности или при обобщенном указании на всю собственность завещателя (*тые села мои [зв]ышьпомененые (№ 37), тое звышьпомененое имене мое (№ 36), тья вси речи рухомые (№ 34), тую всю маетность мою (№ 44), с тое всее вселости моее (№ 37)*).

Местоимение *сеи / сесь* в текстах витебских завещаний выполняет функции отсылки к содержанию текста и отсылки к внетекстовой реальности. В текстах преобладают случаи, в ко- торых с помощью местоимения *сеи / сесь* реализуется отсылка к содержанию текста. Указа- тельное местоимение употребляется в двухкомпонентных (*сего [тест]аменти, до сего теста- менти (№ 36)*); трехкомпонентных (*сего тестаменту моего, до сего моего тестаменту, сим тестаментомъ моим, водлугъ сего тестаменту моег(о) (№ 41)*) или четырехкомпонентных (*в семъ тестаменте моемъ нижеипомененомъ (№ 36)*) атрибутивных сочетаниях с лексемами *тестаментъ, духовница, слово, постановенье*: *на сеи диховницы моеи (№ 40), сее встаточное слово мое смерътное (№ 37), се слово [мое] [см]ертелное (№ 45), сее постановенье мое (№ 48)*. Анализируя подобные сочетания со словом *грамота* в русских документах, Д.Г. Демидов от- мечает, что за счет употребления притяжательных местоимений уже с середины XV века рас- ширяется эгоцентрическая формула [1, 277].

Реализуя функцию связи содержания текста с внетекстовой действительностью, место- имение *сесь* употребляется в сочетаниях с лексемами, обозначающими время, место, волеизъ- явление: *час, свет, воля: по сесь часъ (№ 37), на сем свете, з сего света (№ 46), сее [остат]нее воли моее (№№ 37, 44)*.

Местоимение *таковыи* в витебских завещаниях употребляется в сочетании с абстракт- ными существительными *вольность, поступокъ, зычливость*: *и волность таковую захоую, за таковымъ поступкомъ (№ 38), за таковую вел[икую] зычливость (№ 44), за таковые ичстивые постипки их, за таковое спротивенъство (№ 48)*. Местоимения *оныи и такои на вном свете (№ 48), в такои хоробе (№ 36), такимъ вбычаемъ (№ 41)* зафиксированы в текстах в единич- ных случаях, что свидетельствует о редкости их употребления в витебских завещаниях.

Заключение. В конце XVI века в текстах витебских завещаний функционируют формы указательных местоимений *тотъ, сесь, таковыи, такои, оныи*. Местоимение *тотъ* отличается разнообразием грамматических форм и выполнением разных стилистических функций. Местоимение *сесь* выполняет функции отсылки к содержанию текста и отсылки к внетекстовой реальности. Особенность функционирования местоимения *таковыи* проявляется в тенденции его сочетания с абстрактными существительными.

1. Демидов, Д.Г. Указательные местоимения русского языка в исторической ретроспективе и перспективе: связанные и свободные функции : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Д. Г. Демидов. – Санкт-Петербург, 2011. – 611 с.
2. Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / склад. : А. Ф. Аляксандрава, В. У. Бабкова, І. М. Бобер ; Нац. гіст. архіў Беларусі. – Мінск, 2012. – 736 с.

К ВОПРОСУ О СТИЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ

Е.И. Коваленко
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Стремление сохранить осевшее в памяти прошлое, передать представление о нем читателям разных поколений побуждает писателей, военных, актеров театра и кино, политиков к созданию литературных мемуаров. Имеющиеся в настоящее время исследования мемуарной прозы не дают полного освещения проблематики её жанровой и стилевой принадлежности. Различные подходы к изучению литературной мемуаристики, требуют дополнения, развития и систематизации. Это обуславливает актуальность освещаемой нами проблемы.

Цель настоящего исследования – анализ стилевой принадлежности мемуарной прозы и их специфики мемуарного жанра, который объединяет особые типы коммуникативно-речевых произведений с характерными стилевыми признаками.

Материал и методы. Исследование выполнено на материале ряда произведений мемуарного жанра, созданных в первой половине XX века. В работе используются следующие методы: метод наблюдения, логико-лингвистическое описание проблемы, а также методики лингвистической интерпретации текста.

Результаты и их обсуждение. Прежде чем говорить о стилевой принадлежности мемуарной прозы необходимо осветить основные моменты специфики мемуарного жанра, т. к. понятия «стиль» и «жанр» взаимосвязаны: каждый стиль реализуется в определенных жанровых формах. *Жанр* – исторически складывающийся и развивающийся тип литературного произведения (художественного, публицистического, научного и др.) [4, 56]. *Мемуары* (франц. *memoires*, от лат. *memoria* – память) – воспоминания о прошлом. *Мемуарный жанр* представлен прозаическими произведениями, описывающими реальных людей и события, свидетелем и участником которых является сам автор. Обобщим наиболее существенные черты мемуарного жанра, выделяемые различными исследователями:

- 1) *лично-субъективное начало* как осознание себя в потоке истории;
- 2) *ретроспективность* (в широком значении – воспоминание о давно и совсем недавно минувшем);
- 3) *ассоциативно-хронологический принцип* организации повествования, позволяющий соединить хронологическую канву с авторскими отступлениями;
- 4) *концептуальность* как образное отражение писателем в произведении определенного взгляда на действительность;
- 5) *репрезентативность* как отражение менталитета автора, с одной стороны, как личности, с другой – как представителя определенной группы, сословия, носителя культурной традиции;
- 6) *память* как специфика произведения (мемориальность) и как когнитивное основание для речепорождения мемуарных текстов;
- 7) *документальность* (отражение реальности);
- 8) *уровень подлинности* (мемуарная проза предполагает слияние документа или документированного повествования, домысла и вымысла; порой такое слияние столь органично, что только хорошее знание реальных фактов позволяет разграничить эти способы изображения);
- 9) *типизация* (выявление общезначимого, характерного в реальных фактах и обстоятельствах);
- 10) *эстетизация* документа и реальной первоосновы произведения.

Комплекс перечисленных признаков служит методологическим критерием, позволяющим отнести то или иное произведение к мемуарному жанру. Но мемуаристика является гибкой жанровой формой, открытой к модификациям и обновлениям. Вышеперечисленные функциональные черты могут проявляться в произведениях мемуарной прозы различным образом и в неравной мере, что обуславливает наличие многообразия жанровых модификаций мемуаристики: автобиографии, собственно мемуары, дневники, записки, исповедальная проза, очерк, литературный портрет и др. Данные модификации могут активно взаимодействовать с другими жанрами, а также между собой, что приводит к созданию образцов утонченной историографии, блестящего эссеизма, романического повествования.

Такой синтетический характер мемуарной прозы оставляет открытым вопрос о её стилевой принадлежности. *Стиль*, например, трактуется А.И. Горшковым как «исторически сложившаяся разновидность употребления языка, отличающаяся от других подобных разновидностей особенностями состава и организации языковых единиц» [2, 35]. Как правило, с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов выделяют пять функциональных стилей (*научный, официально-деловой, публицистический, разговорно-обиходный, художественный*). Каждый из них характеризуется особыми *стилевыми чертами* [4]. Анализ стилиевых черт конкретного мемуарного текста позволяет установить его стилевую принадлежность. Так, фактографичность, открытая оценочность, точность делают мемуарную прозу порой публицистической, документальной; наличие образности, эстетической направленности, эмоциональности предопределяет возможную отнесённость к художественному стилю. Такое стремление мемуарной прозы к документальности, с одной стороны, и к эстетизации и типизации реальной первоосновы (документа), с другой, обуславливает её двойственный документально-художественный характер и, как следствие, её широкую стилистическую вариативность. Мемуарное повествование может быть отмечено и красочностью художественной прозы (*Детство* (1914) и *В людях* (1916) М. Горького), и публицистической пристрастностью (*Люди, годы, жизнь* (1960–1965) И. Эренбурга), и строго научным обоснованием происходящего (5–7 части *Былого и дум* (1852–1867) А.И. Герцена).

Сопряжение документального и художественного начал в мемуарной прозе находит свое проявление в той функциональной нагруженности, которую приобретает документ в литературе:

– документальная основа явственно проступает в форме цитат, авторского пересказа первоисточника или прямых наблюдений писателя над объектом изображения (*документальная мемуаристика*);

– документ растворяется в произведении, служит отправной точкой беллетризации (*документально-художественная мемуаристика*);

– документ вводится в произведение частично, включается в систему изобразительных средств, дополняется ими, становится источником аллюзий и реминисценций (*художественная мемуаристика*) [3, 12].

Такая классификация мемуарной прозы является достаточно условной. Порою очень сложно определить стилевую принадлежность конкретного мемуарного текста. На помощь исследователю в данном случае приходит *стилистический анализ текста*, который учитывает его коммуникативную природу и антропоцентризм; лингвистические и экстралингвистические факторы стилеобразования [1, 65].

Заключение. Проведенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что каждое произведение мемуарной прозы обладает безусловной уникальностью, что обусловлено совмещением реальности факта с богатством литературных возможностей его отражения. Стилиевая принадлежность мемуарного текста может определяться в широком диапазоне: от научного, публицистического до художественного стиля.

1. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие / Н.С. Болотнова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
2. Горшков, А.И. Русская словесность: От слова к словесности: учебное пособие / А.И. Горшков. – 7-ое изд. – М.: Просвещение, 2010. – 492 с.
3. Симонова, Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра: учебное пособие / Т.Г. Симонова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 119 с.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Е.А. Баженова [и др.]; под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

АНАЛИЗ ОБРАЗНОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.П. Ковальская
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В обучении иностранным языкам образная речь рассматривается как сопутствующий компонент и, следовательно, вторичный по значимости относительно отработки произношения, расширения лексического запаса и овладения грамматическими структурами. Однако образная речь является такой же важной, как и буквальная. Она является неотъемлемой частью повседневного общения, выражает наше отношение к происходящим событиям и является мощным средством коммуникации. Например, если кто-то сообщает нам, что на улице «льет как из ведра», мы понимаем, что выходя, мы должны взять зонт и надеть непромокаемую обувь, или, если есть возможность, вообще остаться дома. Использование идиомы освобождает собеседников от необходимости в дополнительных вопросах и объяснениях. Исходя из такого практикоориентированного подхода, цель настоящей работы заключается в экспериментальной апробации методических приемов обучения пониманию и анализу образной речи.

Материал и методы. В качестве исследовательского материала нами были отобраны идиоматические англоязычные речевые выражения из школьных учебников за 9–11 классы, а также учебных пособий, рекомендованных Министерством образования Республики Беларусь для лингвистических специальностей высших учебных заведений. Общий объем материала составил 53 единицы. Для интерпретации результатов исследования были использованы методы лингвостилистического анализа, моделирования и качественного дискурса-анализа.

Результаты и их обсуждение. Автор предлагает на рассмотрение фрагмент занятия на английском языке на начальном этапе обучения анализу образной речи.

Наиболее эффективными для первого опыта интерпретирования образных высказываний являются грамматически несложные языковые структуры – пословицы, поговорки, идиомы, предпочтительно популярные и имеющие близкие соответствия в русском языке.

Ниже мы приводим примерный фрагмент занятия, посвященного работе над образностью языка.

Преподаватель подбирает некоторое количество идиом и поговорок, и предлагает их студентам списком в раздаточном материале или на демонстрационной доске. В этот список могут войти высказывания, объединенные определенной темой или посвященные разрозненным понятиям. Для примера мы предлагаем следующие:

They fought like cats and dogs.

The world is my oyster.

Time is money.

He has a heart of stone.

America is a melting pot.

You are my sunshine.

Убедившись, что пословное значение предложений студентам понятно, преподаватель переходит к фронтальной дискуссии с таких вопросов как, например, *Is the world really an oyster? Is time actually money? Are human hearts literally made of stone? Can a country be a melting pot? Do people really fight like cats and dogs? Can people actually shine?, etc.* По мере обсуждения, преподаватель обращает внимание студентов на разницу между пословным и смысловым значением высказываний и на то, что интерпретировать их можно, используя различные пояснения. Показать это можно на примере идиомы-сравнения *They fought like cats and dogs*. На демонстрационной доске идиома разбивается на две смысловые части *They fought* и *like cats and dogs* и преподаватель предлагает студентам сказать, какие идеи и ассоциации вызывает у них каждая из частей, если ее значение рассматривать вне контекста идиомы. Заполнять диаграмму преподаватель может начать со своих вариантов, например:

<i>They fought</i>	<i>like cats and dogs.</i>
<i>About people</i>	<i>About animals</i>
...	...
...	...
...	...

Далее, в результате «мозгового штурма», диаграмма заполняется наиболее успешными пояснениями студентов. Примерным результатом такого обсуждения может быть следующее:

<i>They fought</i>	<i>like cats and dogs.</i>
<i>About people</i>	<i>About animals</i>
<i>Different opinions</i>	<i>Different animal species</i>
<i>Unfriendly relationships</i>	<i>Frequent fights between cats and dogs</i>
<i>Resolution to win</i>	<i>Resolution to destroy</i>
<i>Loud and aggressive</i>	<i>Loud and aggressive</i>

Если заполнение диаграммы вызывает осложнения, она может быть частично заполнена в шахматном порядке, чтобы косвенно подсказать студентам возможное пояснение, например:

<i>They fought</i>	<i>like cats and dogs.</i>
<i>About people</i>	<i>About animals</i>
<i>Different opinions</i>	...
...	<i>Frequent fights between cats and dogs</i>
<i>Resolution to win</i>	...
...	<i>Loud and aggressive</i>

В заключении, студентам предлагается составить письменно и представить в аудитории устно обобщение-анализ многозначности образного высказывания и насколько ярко оно может раскрыть идею без буквальной передачи мысли. Обобщение-анализ должно обязательно включать идеи из заполненной диаграммы и, на начальном этапе, его также рекомендуется структурировать, предложив студентам придерживаться определенного плана, например:

1. *How the reasons why people and animals fight are different*
2. *What fighting people and animals have in common*
3. *Why people are sometimes compared to animals when they fight*

Далее, разбив студентов на группы, можно предложить студентам провести анализ и обобщение остальных высказываний самостоятельно.

Заключение. Таким образом, полагаем, что представленный в учебниках и учебных пособиях объем иноязычных идиоматических речевых выражений представляет собой важный с точки зрения лингвокультурной составляющей лексикон, требующий обязательного усвоения обучающимися для снятия в последующем коммуникативных барьеров в процессе осуществления межкультурной коммуникации. Усвоение данной лексики и умение правильно понимать и использовать ее требует дополнительных методических усилий преподавателя и специальных подходов к организации учебного процесса. В первую очередь, это касается вопросов составления упражнений, использования дидактических приемов, обеспечивающих создание ситуаций коммуникативного успеха.

«АНГЛА-РУСКА-БЕЛАРУСКІ ТЛУМАЧАЛЬНЫ СЛОЎНІК МУЗЫЧНЫХ ТЭРМІНАЎ»: К ВОПРОСУ ОПИСАНИЯ ТИПОЛОГИИ

*В.Н. Корчагина, А.Е. Оксенчук
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Нами был создан краткий «Англа-руска-беларускі тлумачальны слоўнік музычных тэрмінаў» для студентов, обучающихся различным музыкальным специальностям. Словарь объединяет минимально необходимую специализированную профессиональную лексику и ориентирован на использование в образовательном процессе учебных учреждений по дисциплинам музыкального цикла.

Актуальность настоящего краткого профессионального словаря обусловлена отсутствием в современной белорусской лексикографии переводного (англо-русско-белорусского) словаря подобного типа.

Цель статьи – представить типологию данного профессионального краткого словаря.

Материал и методы. Словарь включает 300 словарных статей, описывающих понятийный аппарат музыкально-исполнительского искусства. Основным методом является метод «описания дефиниций».

Структура словаря: словарь состоит из 6 разделов, которые помогают направить обучение на углубленное изучение профессиональной лексики. Словарные статьи ранжированы с учетом частотности профессионализма: 1) термины и профессиональные слова общеупотребительные, представлены англоязычным эквивалентом, поскольку не нуждаются в дополнительном толкова-

нии; 2) слово, используемое музыкантами-профессионалами в их профессиональном общении, сопровождается справкой (эта справка дается с целью предотвращения грамматических ошибок в разговорной и книжной речи специалистов-музыкантов); 3) редко встречающиеся слова даже в среде профессионалов, т.е. узкоспециальные, сопровождаются дефиницией на русском и белорусском языках. Словарная статья построена следующим образом: заголовочное слово на русском языке, переводной англоязычный эквивалент и дефиниция, русскоязычный вариант и его перевод на белорусский язык.

Результаты и их обсуждение. Принципы, которых мы придерживались при создании словаря: единообразие содержания; адекватность перевода русских и английских понятий и терминов; принцип единства. Для удобства пользования в практической переводческой деятельности принцип единства применен нами во всех случаях, когда нет соответствия в русском и белорусском языках, например: *equalist*–*эквалист* [сторонник направления, согласно которому все звуки григорианского хора равны по длительности].

В числе *источников*, на которые мы использовали, значатся терминологические словари Гарвардского и Оксфордского университетов, а также Большой Оксфордский словарь, 20-томный словарь Гроува. Среди русских изданий мы использовали «Большой англо-русский словарь» в двух томах под общим руководством И.Р. Гальперина и Э.М. Медниковой (в дальнейшем – БАРС) и специализированный словарь музыкальных терминов (СИМТ).

Основная трудность, с которой пришлось столкнуться в работе над словарем, заключалась в том, что существующие переводные словари далеки от единообразия в толковании и переводах многих музыкальных терминов и понятий. Поэтому в нашем словаре уделено большое внимание переводу терминов, касающихся музыкального исполнительства, названиям музыкальных инструментов, тональностей, названиям нот и пауз, обозначению размера.

Проблемы, которые мы попытались решить при составлении этого краткого учебного англо-русско-белорусского словаря музыкальных терминов: 1) наличие отмеченных ранее разночтений в переводах и толкованиях музыкальных терминов; 2) отсутствие единообразия в передаче (переводе) названий танцев и музыкальных инструментов; 3) существующие в словарях многословные объяснения, которые затрудняют практическое использование английских понятий и терминов в русском и белорусском языках, и наоборот – русских и белорусских слов в английском языке.

Исходя из опыта и традиций лексикографической деятельности и учебного характера разработанного словаря, мы определили место нашего словаря среди лексикографических аналогов. Типология «Англа-руска-беларускага тлумачальнага слоўніка тэрмінаў» может быть описана следующим образом: по принципу определения значения словника – энциклопедический; по отношению к типу языкового общения – узкоспециальный; по значению – учебный, справочный, информационно-поисковой; по отношению к языковой норме – нормативный; по способу представления лексического значения слова – трёхязычный; по типу носителя – книгопечатный; по способу организации лексики – идеографический (тематический).

Заключение. Практическая перспективность исследования заключается в возможности усовершенствования «Англа-руска-беларускага тлумачальнага слоўніка музычных тэрмінаў» в процессе появления новых профессиональных понятий. Предлагаемый словарь музыкальных терминов адресован преподавателям и студентам-музыкантам белорусских учебных заведений, занимающимся изучением английского языка.

Пример словарной статьи:

Instrument – *инструмент; mechanical musical* ~ *механический музыкальный инструмент* (напр., шарманка); ~ *list* *список инструментов (в партитуре)* || *instruments have been reconstituted on the model of the ancient ones* (музыкальные) инструменты были воспроизведены по модели древних (инструментов); *period* ~ *аутентичный инструмент (современный инструмент, сконструированный в подражание старинному)*.

Таким образом, мы выявили условия, которые определили необходимость создания словаря: невозможность иметь при себе карманный учебный переводной словарь, громоздкость существующих переводных англо-русских словарей (более 300 страниц), неудобства, связанные с большим количеством словарных статей (около 4000), наличие переводных англо-русских словарей только в читальных залах библиотек. Столкнулись с основной трудностью, которая, заключалась в том, что существующие переводные словари далеки от единообразия в толковании и переводах многих музыкальных терминов и понятий. Поэтому структура нашего словаря учитывает те разделы, которые помогают направить обучение на углубленное изучение профессиональной лексики.

**СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ
В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ Ч. ПАЛАНИКА
И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК
НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА “INVISIBLE MONSTERS”**

*Е.Л. Косолапова, Е.Ю. Муратова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Несмотря на то, что оценка признаётся одной из основополагающих категорий действительности и важнейших сторон интеллектуальной деятельности человека, многие исследователи, изучая данное понятие, сталкиваются с проблемой множества дефиниций данного явления, о чём свидетельствует наличие разнообразных определений этой категории. Существует, однако, наиболее ёмкое, с нашей точки зрения, определение оценки, включающее её основные характеристики: «Оценка (оценочное высказывание) – высказывание или отношение, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность некоторого объекта» [1, 60].

Актуальность данного исследования обусловлена неоднозначной трактовкой природы оценочной лексики вообще, её терминологии и классификации, а также необходимостью разработки принципов воспроизведения в англо-русском переводе оценочной лексики как одного из средств воссоздания эмоциональной действительности и создания образов героев.

Цель работы – выявить ряд особенностей воспроизведения оценочных лексем в процессе англо-русского перевода художественных текстов современных зарубежных писателей.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили предикаты в количестве более 100 единиц, отобранные из романа Ч. Паланика “Invisible Monsters” и их перевод на русский язык, выполненный Ю. Волковой (Издательство АСТ). Обоснованием выбора данного произведения для анализа могут послужить следующие доводы. Во-первых, эта книга является первой по порядку написания и дебютом Паланика в крупном жанре, предопределившей характер творчества автора. Во-вторых, данный роман вышел в свет далеко не сразу, т.к. получил отказ во всех издательствах, в которые Паланик обращался за публикацией, поскольку издатели находили его слишком провокационным и шокирующим. Наконец, этот роман является произведением контркультурной литературы, характерной чертой которой является наличие в произведении большого количества стилистически сниженной, эмоционально окрашенной, оценочной лексики (с преобладанием в количественном отношении слов негативной семантики над словами позитивной семантики) [2, 5]. Все анализируемые единицы проверялись по переводным и толковым словарям, а затем сравнивались с их вариантами перевода в русскоязычной версии романа. Среди методов, которые применялись в ходе работы, следует указать метод сплошной выборки материала, словарно-семантический, компонентный, контекстуальный анализ.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования нами были рассмотрены лексемы с оценочным значением, извлечённые методом сплошной выборки из языка романа Паланика “Invisible Monsters” и его перевода на русский язык, выполненного Ю. Волковой. В результате, мы выявили следующие особенности употребления англоязычных оценочных лексем и их перевода на русский язык, которые регулируются определёнными принципами переводческой деятельности:

1) вплоть до настоящего времени в лингвистике такие понятия, как «эмоциональность», «экспрессивность» и «оценочность» продолжают употребляться как синонимы, поскольку все они – выразители субъективного мнения говорящего, которое может относиться к предмету речи, ситуации, собеседнику. Не удивительно, что лингвисты и литературоведы уделяют большое внимание роли эмоционально-оценочной лексики в структуре художественного текста, т.к. она вызывает многочисленные трудности при переводе текстов с английского языка на русский. В результате может быть утрачена прагматическая установка автора художественного произведения, влияющая на характер и степень оценочности текста. Например, в романе присутствует выражение *My back is killing me*. В данном случае нас интересует лексема *killing*. По данным переводных словарей глагол *to kill* имеет значение ‘убивать’. Однако в русскоязычной версии произведения переводчик передаёт данное выражение фразой ‘у меня болит спина’. Таким образом, при переводе утрачивается эмоционально-оценочный компонент лексемы, а вместе с тем интенция автора экспрессивно обозначить характер ощущений героини романа, вызванных болью в спине.

В то же время, к числу весьма распространённых принадлежат явления наделения нейтральных лексических единиц оценочным компонентом при переводе. Например, в англоязычном тексте романа встречается выражение *shaking my hand*. Устойчивое выражение *to shake one's hand* переводится как 'пожать руку'. Однако переводчик воспроизводит данное выражение фразой 'он трясёт мою руку', используя дословный перевод глагола *to shake* 'трясти';

2) в ходе анализа материала нами было отмечено, что в некоторых случаях даже при сохранении оценочного компонента в структуре лексемы, степень оценочности лексической единицы языка перевода может существенно отличаться от соответствующего предиката в языке оригинала. Например, в рамках выражения *she'd be really hot* интерес представляет лексема *hot*, которая, употребляясь применительно к представительницам женского пола, согласно толковым словарям обладает значением 'someone who is hot is very attractive sexually'. Перевод толкования – 'сексуально привлекательная'. Однако при переводе романа на русский язык рассматриваемое выражение переводится как 'она была бы вполне ничего'. Таким образом, очевидно, что степень оценочности лексемы *hot* при переводе на русский язык существенно снижается.

Также нами были выявлены случаи усиления степени оценочности англоязычных лексем при их воспроизведении на языке перевода. Одним из способов придания большей степени положительной или отрицательной оценки при переводе англоязычной единицы на русский язык является её передача двумя и более русскоязычными лексемами с соответствующим значением. Например, лексема *violence*, обладает, согласно переводным словарям, значениями 'жестокость', 'насилие'. Однако в русскоязычной версии романа переводчик использует слова 'страдание и насилие' для передачи лексемы *violence*;

3) проанализированный материал подтвердил, что план содержания и план выражения высказывания не всегда совпадают. Это обусловлено наличием экспликационала и импликационала в высказывании. Следовательно, даже если кажется, что признак «хорошо» или «плохо» всегда присутствует в составе оценочного слова, как его семантический компонент, у многих слов, включающих оценку, этот признак не детерминирован. В этом случае, он определяется высказыванием в целом (может быть выявлен исключительно в рамках контекста) или интерпретирован реципиентом, исходя из его ценностной картины мира. Например, *Brandy's aubergine eyes dilated out to full flower*. Данное высказывание, представленное в романе „Invisible Monsters“, в русскоязычном переводе выражено фразой 'Её баклажанные глаза расширяются до невообразимых размеров'. Согласно переводным словарям, данный вариант перевода высказывания является адекватным. Тем не менее, вопрос о характере оценочного компонента лексемы *aubergine* и словосочетания *dilated out to full flower* в рамках данного контекста остаётся открытым. На наш взгляд, отношение субъекта речи к предмету высказывания может трактоваться как констатация данных свойств у объекта (нейтральная оценка) и как положительное/отрицательное отношение к ним.

Закключение. В ходе анализа англоязычного оригинала романа "Invisible Monsters" и его русскоязычной версии были выявлены следующие особенности употребления оценочной лексики и её воспроизведения в переводе на русский язык:

- большое значение в структуре художественного текста имеет эмоционально-оценочная лексика, т.к. эмоциональное осмысление оценки передаёт субъективно-оценочное отношение автора к изображаемому. Однако данная группа лексики вызывает многочисленные трудности при переводе текстов с английского языка на русский;

- в ряде случаев, даже при сохранении оценочного компонента в структуре лексемы, степень оценочности лексической единицы языка перевода может существенно отличаться от соответствующего предиката в языке оригинала;

- план содержания и план выражения высказывания не всегда совпадают, что обусловлено наличием экспликационала и импликационала в высказывании. Это несоответствие может быть выявлено в рамках контекста или интерпретировано реципиентом, исходя из ценностной картины мира последнего.

1. Ивин А.А. Теория аргументации. Учеб. пособ. – М., 2000. – С. 60.

2. Скворцова Е.В. Лексико-семантические аспекты асимметрии положительной и отрицательной зон оценки (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ...канд. фил. наук: 08.12.2012 / Е.В. Скворцова. – Орёл, 2012. – 20 с.

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ МОДЕРНИСТСКОЙ ПОВЕСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

*Е.В. Крикливец
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Развитие литературного процесса обусловлено не только социальными сдвигами, но, в первую очередь, сменой мировоззренческих и эстетических координат, что приводит к изменению способов художественного миромоделирования. В последней трети XX века сомнению подверглись не только каноны нормативной эстетики, но и принципы реалистического мировосприятия. На смену классической упорядоченности с четко выраженными причинно-следственными связями приходит дисгармония и необходимость отражения редукции сознания, его ассоциативности. Это ориентирует писателей на поиск новых художественных приемов и новых жанровых форм, на использование различных смысловых и культурных кодов.

Цель работы – выявить причины и результаты обращения русских и белорусских прозаиков последней трети XX века к фольклорно-мифологической образности.

Материал и методы. Материалом исследования послужили повести А. Кима, Ф. Искандера, А. Рыбакова, В. Козько. Изучение прозы русских и белорусских писателей осуществлялось на сравнительно-типологическом уровне, что позволило выявить общность их эстетических поисков.

Результаты и их обсуждение. В условиях советской цензуры, уже в 60-е годы XX века в контексте так называемой «молодежной прозы» зародилось явление, позже охарактеризованное как «условно-метафорическая проза». Анализируя данное стилевое явление, Г.Л. Нефагина отмечает: «Условно-метафорическое направление образуется при взаимодействии реализма и условно-сказочного, фантастического, мифологического начал» [1, с. 19]. Условно-метафорическая проза осмысливается как часть реалистической парадигмы, однако, прибегая ко вторичной художественной условности, используя гротеск, двуплановость, игровое начало, авторы в результате творческих поисков приходят к принципам художественного миромоделирования, свойственным эстетике модернизма.

Укорененность в основы национальной мифологии характерна для повестей А. Кима «Поклон одуванчику», «Луковое поле», «Лотос», «Собиратель трав», «Нефритовый пояс», «Поселок кентавров». В названных повестях появляется множество символических деталей, свидетельствующих о неразрывной взаимосвязи человека с природой. Сложный путь духовных исканий приводит героев А. Кима через одиночество и отчуждение к осознанию своего единства со всем окружающим миром и, в первую очередь, с миром природы как воплощением космических законов. Концепция духовного развития личности, воплощенная в повестях А. Кима, перекликается с идеями русского религиозно-философского космизма (в частности, с тем относительно самостоятельным течением в русском космизме, которое связано с философией всеединства В.С. Соловьева). Ее характерная особенность – идея внутреннего единства человека, природы как основных элементов гармоничного космоса и божественного начала, порождающего и поддерживающего этот органический строй бытия.

Жанру повести в целом свойственно изображение героев в переломные моменты их жизни, когда они переживают душевный кризис и претерпевают нравственное возрождение либо деградацию. А. Ким нередко в качестве такого переломного момента изображает ситуацию на пороге смерти (прощание героя с умирающей матерью в повести «Лотос», неизлечимая болезнь героев в повестях «Собиратель трав» и «Нефритовый пояс»). При этом смерть воспринимается не как трагическое окончание физического существования, а как процесс трансформации духовной сущности человека, преображения его души. Такая поэтика повестей А. Кима отсылает читателей к мифологическим представлениям об этапах жизненного пути человека, где смерть понимается как переход души на новый этап, что породило большое количество сопутствующих мотивов и образов, к которым и апеллирует в названных повестях А. Ким. Примечательно, что в повести «Лотос» мифологический тип условности сопряжен с культурологическими взглядами писателя, свойственными русскому модернизму второй половины XX века: автор утверждает, что, несмотря на скоротечность земной жизни, искусство вечно и именно оно является залогом бессмертия человеческого бытия.

Отметим, что условно-метафорическую прозу выделяют как единое стилистическое явление, однако она в эстетическом и жанровом смыслах не однородна. Во многом это определяется доминирующим типом художественной условности и доминирующим художественным приемом, которые использует автор в конкретном произведении.

К примеру, аллегория, свойственная античным басенным традициям и русским сказкам о животных, чаще всего является основой произведений, отличающихся значительной социальной заостренностью. В этом контексте следует назвать повесть-притчу А. Кима «Поселок кентавров» и социальную сказку Ф. Искандера «Кролики и удавы». В первой повести, прибегая к античной образности, А. Ким сюжетно реализует модернистский принцип двоемирия, изображая оппозицию видимого, грешного мира, населенного людьми, лошадьми, кентаврами и амазонками, и мира высшего, невидимого, где обитают всемогущие существа, вершащие суд над самоуничтожающимся суетным миром. В этой повести больше, нежели в остальных, А. Ким размышляет о социальных противоречиях современности, однако идейно-художественная концепция произведения относится, скорее, к сфере экзистенциальной: автор предупреждает о возможности духовной гибели мира, подверженного страстям.

Яркую аллгорию тоталитарного общества создает Ф. Искандер в повести «Кролики и удавы». Писатель демонстрирует механизмы действия государственной системы, основанной на репрессиях и терроре. Создавая трехуровневую иерархию: удавы – кролики – туземцы, прозаик очевидно выходит за границы сказочного типа условности. В широком смысле, Ф. Искандер изображает различные типы социального поведения, различные типы государственной психологии.

Для того чтобы реалистическое в своей основе произведение приобрело философский, метафорический подтекст, зачастую достаточно одной значимой художественной детали (или вставного элемента), которые позволяют читателю декодировать имплицитные смыслы. В повести А. Рыбакова «Не успеть» на фоне вполне реалистичного детального описания действительности первых лет перестройки возникает фантастическая деталь – у людей начинают расти крылья. При этом образ крыльев лишен своего традиционного символического значения: это не метафора счастья, любви, вдохновения. Это реакция биологической природы человека на внешнюю социальную, бытовую, культурную разруху и неустроенность. Метафорическое звучание придает повести и ее эстетическая специфика, как бы заведомо предполагающая возможность фантастического допущения в реалистическом повествовании.

В повести «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» В. Козько осмысливает последствия аварии на Чернобыльской АЭС, а также социальные и духовные проблемы перестроечного периода. Реалистическое повествование обрамляет вставная легенда о черном аисте. История аиста, который во время земного рая научился летать, оторвался от земли, но не достиг неба, перекликается с трагическим выбором человечества, создавшего технократическую цивилизацию.

Заключение. Таким образом, использование различных типов вторичной художественной условности позволило писателям в аллегорической форме высказать отрицание тех или иных сторон социальной действительности или государственной системы в целом. Читатель, декодируя мифологические, фантастические образы, узнавал картину реального мира. Основной причиной стилистических трансформаций стала интеграция реализма с другими направлениями и активное освоение новых эстетических методов и приемов.

1. Нефагина, Г.Л. Динамика стилевых течений в русской прозе второй половины 1980–90-х годов: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / Г.Л. Нефагина, БГУ. – Минск, 1999. – 38 с.

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОНЯТИЙ «ТЕРМИНОЛОГИЯ» И «ТЕРМИНОГРАФИЯ»

*В.О. Кулешова
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский
политехнический университет Петра Великого*

Терминология – это система терминов определенной области человеческой деятельности (науки, искусства, производства и т.д.), а также наука об этом разделе лексики. Терминологией называют также всю совокупность терминов конкретного языка.

Цель данной статьи – дифференцировать понятия «терминология» и «терминография», а также представить краткий исторический очерк развития терминологической лексикографии.

Материал и методы. Материалом исследования послужили словарные определения понятий «терминология» и «терминография», отобранные методом сплошной выборки, общим количеством 20 единиц. Методологическую основу исследовательской деятельности обеспечили статистические методы, сравнительно-сопоставительный и качественный дискурс-анализ.

Результаты и их обсуждение. Термин – это слово или словосочетание, являющееся названием специального понятия в какой-либо сфере деятельности. Это специальная лексема, выражающая понятие в определенной области знания, то есть это языковой знак более высокого уровня абстракции, чем обычное слово или словосочетание, так как на них наслаивается новая информация, которой не было в исходных знаках – словах языка. У каждого термина должна быть дефиниция (определение) обозначаемого им понятия. Совокупность таких понятий и есть терминология конкретной науки. Терминология – достаточно самостоятельный раздел в системе языка.

Терминография – это часть лексикографии, науки о составлении словарей. Об уровне развития любой национальной лингвистики можно судить по состоянию словарей. Так, академик Ю.Н. Караулов писал: «Лексикография несет ответственность за всю лингвистику, она называется лицом науки <...>, то есть лексикография обладает «эффектом представительства» в языкознании» [1, с. 6]. Большой вклад в развитие лексикографии внести работы Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, С.И. Ожегов, А.П. Евгеньева, А.М. Бабкина и другие лингвисты.

Накопление информации – непрерывный процесс. Это значит, что терминология любой области науки всегда находится в стадии интенсивного формирования, то есть в стадии динамики. Поэтому, несмотря на существующие терминологические словари, их состав постоянно меняется, хотя и не всегда быстро.

Современная терминография дифференцируется на теоретическую и прикладную. Если теоретическое осмысление проблемы сформировалось лишь в XX веке (оно разрабатывает теорию составления словарей, строит их типологию, разрабатывает новые типы словарей, вырабатывает общие принципы подачи материала и т.д.), то прикладная терминография появилась еще в Древней Индии, где предпринимались первые попытки толкования санскритских слов, важных для богослужения, на тогдашние народные языки.

Первые словарные опыты на Руси известны с XIII в. Это были небольшие списки слов с толкованиями, объяснениями и переводами, которыми переводчики и переписчики снабжали древние рукописи, стремясь сделать их доступными для читателя. Такие списки часто называли глоссариями, например, «Толкование о неразумных словесех» и др.

В XVI–XVII вв. появилось большое количество особых рукописных словарей, называемых тогда «Азбуковниками», «Алфавитами», с середины 17 в. – «Лексиконами». Только в XVI веке слова в таких словарях для удобства пользования начали располагать по алфавиту. Зарождение отечественной печатной лексикографии следует относить к XVII веку – деятельность Л. Зизания («Лексис Лаврентия Зизания»).

Примерами европейской лексикографии этого времени принято считать: *Tesoro de la lengua castellana o española de Covarrubias* (1611) и *Diccionario de la lengua castellana de la Real Academia Española* (1726) для испанского языка; *Vocabolario degli Accademici della Crusca* (1612) для итальянского языка; *Dictionnaire de l'Académie Française* (1694) для французского языка; *The New English Dictionary by Kersey* (1702) и *Dictionary of the English Language by Johnson* (1755) для английского языка и др.

В XX веке лексикография превратилась в ведущую отрасль прикладного языкознания. Современная лексикография хорошо представлена в работах Л.А. Введенской (2007), В.А. Козырева и В.Д. Черняка (2004), Л.П. Крысина (2008), В.В. Леденева (2008), М. Цейтлина (1958), Э.Г. Шимчука (2009) и др. На рубеже XX–XXI в.в. появилось большое количество словарей разных типов, в том числе и терминологических.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН выполняют программу «Словари XXI века». В рамках программы с 2008 г. создана и создается система словарей, учитывающих как традиционные, так и современные лингвистические подходы. В основе каждого словаря лежат новейшие исследования. Дается максимально полная информация о слове. Над программой работают более 60 известных ученых России. В целом планируется издать более ста словарей.

Заклучение. Таким образом, в теории лингвистики следует дифференцировать понятия «терминология» и «терминография», так как первое является достаточно самостоятельным разделом в системе языка, второй – представляет собой часть лексикографии (науки о составлении словарей). История развития терминологической лексикографии имеет глубокие корни, а само направление динамично. Динамика его развития зависит от конкретной научной отрасли.

1. Караулов, Ю.Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии / Ю.Н. Караулов // Советская лексикография. – М. : Русский язык, 1988. – С. 5–8.

ВАЕННАЕ МІНУЛАЕ Ў ТВОРЧАСЦІ А. АДАМОВІЧА І Г. БЁЛЯ

*В.В. Лапацінская
Віцебск, ВДУ імя П.М. Маішэрава*

У творах на ваенную тэму пісьменнікі разважаюць над такімі філасофска-этычнымі праблемамі, як здрадніцтва і маральны выбар, чалавек і чалавечнасць, трагічнасць вайны, сэнс жыцця. Алесь Адамовіч і Генрых Бель паказалі не толькі ваеннае мінулае, але і пасляваенную рэальнасць у мастацкім асэнсаванні, стварылі багатую галерэю вобразаў.

Кампаратыўны аспект аналізу твораў пісьменнікаў – прадстаўнікоў розных нацыянальнасцей – з’яўляецца актуальным па прычыне таго, што пры супастаўленні выяўлены не толькі агульныя рысы, якія сведчыць пра аднолькавае бачанне праблем, але і адрозныя, якія спрыяюць іх абмеркаванню на рознанацыянальным узроўні.

Мэта даследавання – раскрыць асаблівасці рэпрэзентацыі тэмы ваеннага мінулага ў творчасці А.Адамовіча і Г.Бёля, вызначыць ідэйную нагрузку вобразнай структуры твораў.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання стала ваенная проза А. Адамовіча і Г. Бёля. Метады даследавання: культурна-гістарычны, кампаратыўны, герменеўтычны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Творчасць А. Адамовіча – гэта адметная з’ява ў беларускай літаратуры. Без імя пісьменніка сёння нельга ўявіць сабе не толькі нацыянальную, але і еўрапейскую літаратуру, літаратурную крытыку. Генрых Тэадор Бель – нямецкі пісьменнік, перакладчык, лаўрэат Нобелеўскай прэміі па літаратуры (1972), прадстаўнік “літаратуры развалін”. Як адзначае празаік: “*Мы этому обозначению не противились, ибо оно было вполне уместно... мы писали о войне и о возвращении домой, о том, что мы увидели на войне, и о том, что нашли дома, когда вернулись: о развалинах*” [2, 673]. Удзел пісьменніка ў вайне акрэсліў тэматыку яго твораў. Ваеннае мінулае было адлюстравана ў раманах “Дзе ты быў, Адам?”, “Хата без гаспадара”, “Більярд а палове дзесятай”, шэрагу апавяданняў.

Алесь Адамовіч і Генрых Бель аналізуюць падзеі Вялікай Айчыннай вайны на філасофска-аналітычным і сацыяльна-псіхалагічным узроўнях. Мінулае і сучаснасць ў іх творах знаходзяцца ў цеснай узаемасувязі, бо падзеі былога абумоўліваюць існаванне герояў у пасляваенны час, а ўдзельнікі вайны разумеюць жудасць фізічных і маральных страт. Зварот пісьменнікаў да мінулага (праз прыём рэтраспекцыі) з’яўляецца матываваным. Вайна скончылася, але ўспаміны застаюцца неад’емнай часткай жыцця кожнага яе ўдзельніка. Сапраўды былі жорсткія баі, з якіх вярталіся пакалечанымі, як, напрыклад, герой апавядання Г.Бёля “Мая дарагая нага”. Таму абсурднымі здаюцца падлікі чыноўніка, які разважае: “*Милый друг, ваша нога – чертовски дорогая нога. Вам, как указано в карточке, двадцать девять лет, у вас здоровое сердце и вообще железное здоровье, если не считать ампутированной ноги. Вы можете прожить семьдесят лет. Высчитайте, пожалуйста, сколько это составит <...> и примите далее во внимание, что ваша нога не единственная. И вы тоже не единственный, кто, по всей вероятности, будет долго жить. А вам подавай доходы пожирней! Простите меня, но вы сошли с ума*” [2, 518].

Калі герой Г.Бёля з вайны вяртаецца пакалечаны, то галоўны герой “Хатынскай аповесці” А. Адамовіча Флёра Гайшун страчвае зрок ужо ў мірны час. Мінулае і сучаснае для Флёры становяцца адзіным цэлым, а падзеі з храналагічнай дакладнасцю ажываюць у памяці: чытач знаёміцца з партызанскім атрадам, сям’ёй Гайшуна, Глашай (будучай жонкай хлопца) і завочна становіцца ўдзельнікамі баявых дзеянняў: “*Нерэальныя, да немагчымасці блізкія галасы з далёкага-далёкага мінулага затапляюць аўтобус: сённяшнія, выпадковыя словы плаваюць на паверхні, як смецце, а знаёмыя галасы, як бы незалежна ад слоў, уліваюцца ў мяне, саланаватыя,*

п'якучыя... Чалавек дваццаць нашых партызанаў. Некаторых я ўжо чуў, разбіраю: Касача, Косцю-начштаба, Стому, Рыжага, Сталетава..." [1, 17].

Г. Бёль апісвае пасляваеннае жыццё Заходняй Германіі ў апавяданнях "Смерць Лаэнгрына", "Гандль ёсць гандль", "Дзядзька Фрэд" і разам са сваімі героямі разважае над пытаннем: "Ці магчыма бестурботнае жыццё пасля вайны?". Герой апавядання "Гандль ёсць гандль" адзначае: "Когда мы вернулись, они (бывшие военные) выскочили из войны, как из трамвая, замедлившего ход возле их дома, выскочили, даже не заплатив за проезд... <...>Мы же следовали все дальше и дальше, плата за проезд, само собой, повышалась, а кроме того, мы должны были платить за большой и тяжелый груз – свинцовый груз пустоты, который мы тащили за собой; и входило множество контролеров, которым мы, пожимая плечами, показывали свои пустые карманы. Выкинуть нас они все равно не могли – трамвай шел слишком быстро, а мы ведь как-никак люди..." [2, 533].

Герой заўважае, што многія, як, напрыклад, Эрнст, пакінулі вайну ў мінулым, зараз добра жывуць, сталі цынікамі (Эрнст робіць выгляд быццам не пазнае былога таварыша, бо той зараз бедны), што на такіх людзей, як ён, зараз глядзяць не з задавальненнем, а з пагардай, асуджэннем. Не разумее падобных адносін да сябе і Лаэнгрын (апавяданне "Смерць Лаэнгрына"). Хлопчык вымушаны красці вугаль, каб пракарміць малодшых братоў і сясцёр, але зрываецца з цягніка і памірае ў шпіталі.

Пісьменнік паказвае пасляваенную рэальнасць у мастацкім асэнсаванні. Праца, сустрэчы, каханне і ўспаміны – неад'емныя эпізоды звычайнага жыцця герояў Г.Бёля. Дзеці гуляюць у вайну, і "вдруг по узенькой лесенке поспешино поднялась маленькая темноволосая девочка со шрамом на лбу. Она уткнулась в материнский подол, обиженно всхлипывая: "Я должна умереть... Я беженка и должна замерзнуть, а Фредди хочет стянуть мои башмаки и все остальное... Я всегда умираю... Но почему всегда я? Когда мы играем в бомбёжку, в войну или в канатоходцев, меня всегда заставляют умирать!" [2, 501], і жанчына з апавядання "Балаган" хутка знаходзіць выйсце: "Скажи Фредди, пусть умирает он, я так велела. Теперь его очередь" [2, 502]. Гэты адказ з'яўляецца жудасным, бо мінула некалькі год, калі смерць, холад і голад былі рэальнасцю.

У "малой" прозе Г.Бёля рэалістычныя традыцыі сумяшчаюцца з крытыкай, сатырай (апавяданні "Пастаўшчык смеху", "Станцыя Цібцен", "Успаміны юнага караля"). Некаторыя апавяданні нагадваюць прыпавесці ("Мой сумны твар", "Гісторыя аднаго салдацкага мяшка"). Напрыклад, апавяданне "Мой сумны твар" мае не толькі сацыяльна-палітычны, але і філасофскі падтэкст. Галоўны герой апавядання, былы вязень, трапляе ў абсурднае становішча: "есть закон, по которому все обязаны быть счастливыми", а сумны твар вязня не адпавядае новым пастановам. Як вынік – дзесяць год новага турэмнага зняволення. Таму герой разумее, што лепш існаваць без твару, бо зноў трапіш "у пастку", і адзначае: "Впредь, если мне удастся пережить ближайшее десятилетие в условиях всеобщего счастья и мыльной благодати, я уж постараюсь не иметь никакого лица..." [2, 540]. Вобраз твара – гэта праекцыя самога чалавека, яго унутранага стану. Праз гэту абсурдную сітуацыю Г.Бёль сцвяржае думку, што ў пасляваенны час жыць яшчэ горш, бо пануе унутраны дух боязі, падпарадкаванасці закону, чужому меркаванню.

У творах А.Адамовіча і Г.Бёля назіраюцца тыпалагічныя адрозненні ў адлюстраванні жаночых вобразаў: у А.Адамовіча вобраз жанчыны дынамічны, дзейсны, актыўны, у Г.Бёля – рэтраспектыўны, абстрагаваны, уяўны. Калі ў А.Адамовіча жанчыны з'яўляюцца непасрэднымі ўдзельнікамі тых падзей, актыўнымі змагарамі (жанчыны з дакументальных прац "Я з вогненнай вёскі...", "Блакадная кніга"), то ў творах Г.Бёля вобраз жанчыны больш аморфны (напрыклад, апавяданне "Я не могу яе забыць").

Заклучэнне. Такім чынам, пры тыпалагічным супастаўленні твораў А.Адамовіча, Г.Бёля выяўлены агульныя рысы: натуралізм у адлюстраванні падзей, аўтабіяграфізм, упэўненасць у тым, што ў любой складанай сітуацыі выбар залежыць ад чалавека, цесная сувязь мінулага і сучаснасці.

1. Адамовіч, А. Хатынская аповесць; Публіцыстыка / А. Адамовіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1989. – 237 с.
2. Бёль, Г. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 1. Романы; Повесть; Рассказы; Эссе. 1947-1954 / Г. Бёль. – М.: Худож. лит., 1989. – 703 с.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ ДОНАЛЬДА ТРАМПА (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ В TWITTER)

В.Н. Ланехо
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Политическая коммуникация представляет значительный интерес для лингвистов, которые определяют черты данного дискурса, его функции, рассматривают основные речевые стратегии и тактики. Социальные сети стали для многих нынешних политиков эффективным средством непосредственной политической коммуникации, направленной, как правило, на манипуляцию общественным мнением, а также создание и поддержание необходимого имиджа. Этим обусловлено тема настоящей работы, которая посвящена исследованию речевого поведения такой яркой политической фигуры, как действующий президент США Дональд Трамп.

Целью исследования является выявление прагматических особенностей коммуникации Дональда Трампа на материале его публикаций в социальной сети Twitter.

Материал и методы. Практическим материалом послужили публикации Дональда Трампа в социальной сети Twitter. Для достижения поставленной цели использовались такие методы, как сплошная выборка практического материала, его прагматический анализ в аспекте дискурс-аналитического подхода к изучению языковых единиц, статистические методы.

Результаты и их обсуждение. Политическая коммуникация – коммуникативная деятельность, направленная на пропаганду различных идей, воздействие на чувства граждан, призыв к выполнению определенных действий. Главной функцией политической коммуникации является борьба за власть при помощи коммуникативной деятельности. По этой причине политические деятели прибегают к различного рода коммуникативным стратегиям и тактикам. Политический дискурс также характеризуется наличием особых стратегий и реализующих их тактик речевого поведения. Сегодня практически невозможно дать их исчерпывающую классификацию. В первую очередь, из-за многообразия исследовательских подходов к пониманию категорий коммуникативной социальные группы, что обуславливает ее «языковую пестроту», которая находит отражения как на сегментном, так и суперсегментном уровнях. В традиционном для прагмалингвистики понимании чаще всего выделяют стратегии речевого манипулирования, самозащиты, дискредитации, поддержания эвристического интереса, нападения и т.д. Их использование позволяет не только охарактеризовать коммуникативную специфику языковой личности, но и ее политическое поведение.

Еще до выборов американского президента Twitter Дональда Трампа привлек внимание общественности, позже выступил основным инструментом его избирательной кампании. Некоторые политические обозреватели считают, что агрессивный и провокационный стиль коммуникаций в Twitter способствовал успеху политика.

Для реализации стратегии на понижение (дискредитации и нападения) Д. Трамп использует тактики обвинения и критики с элементами иронии и высмеивания: *“Michael Wolff is a total loser who made up stories in order to sell this really boring and untruthful book. He used Sloppy Steve Bannon, who cried when he got fired and begged for his job. Now Sloppy Steve has been dumped like a dog by almost everyone. Too bad!”* – «Майкл Вольф – полный неудачник, который сочинял рассказы, чтобы продать эту на самом деле скучную и неправдивую книгу. Он использовал Безалаберного Стива Бэннона, который плакал, когда его уволили, и умолял вернуть на работу. Теперь Безалаберного Стива почти все бросили, как собаку. Какая жалость!»

Стоит отметить, что виновники осуждаемых Д. Трампом действий всегда указываются, поэтому тактика безличного обвинения почти не используется. Как правило, мишенью для критики президента становится партия демократов и Х. Клинтон, а также бывший президент США Б. Обама, причем часто стратегия дискредитации соперника и стратегия на повышение собственного статуса используются вместе, создавая контраст: *“If the Dems (Crooked Hillary) got elected, your stocks would be down 50% from values on Election Day. Now they have a great future - and just beginning!”* – «Если бы демократы (Сломленная Хиллари) были избраны, ваши акции снизились бы на 50% в цене в день выборов. Теперь у них прекрасное будущее – и это только начало!» Что касается внешней политики, объектом для критики и высмеивания становится лидер Северной Кореи Ким Чен Ын, которого Д. Трамп прозвал *“Rocket Man”* («ракетный человек»). В обращениях к нему президент США демонстрирует свою силу и способность ответить на угрозы в неприкрытой форме.

Гораздо больше внимания Д. Трамп в своих публикациях посвящает стратегии на повышение, которая реализуется с помощью тактик самопрезентации, самозащиты и оправдания. Причем в данном случае коммуникация также в крайней степени эксплицитна, что редко характерно для политического дискурса: *“Actually, throughout my life, my two greatest assets have been mental stability and being, like, really smart. ... I went from VERY successful businessman, to top T.V. Star to President of the United States (on my first try). I think that would qualify as not smart, but genius....and a very stable genius at that!”* – «Вообще-то, всю мою жизнь, моими двумя самыми ценными активами были умственная стабильность и то, что я вроде как очень умный. ... Я прошел от ОЧЕНЬ успешного бизнесмена к суперзвезде телевидения, к Президенту США (с первой попытки). Я думаю это можно квалифицировать не как умный, а как гениальный...и очень стабильно гениальный к тому же!» *“I use Social Media not because I like to, but because it is the only way to fight a VERY dishonest and unfair “press”* – «Я пользуюсь соцсетями не потому, что мне нравится, а потому, что это единственный способ бороться с ОЧЕНЬ лживой и несправедливой «прессой».

Что касается стратегии театральности, она в основном проявляется в виде тактики побуждения. Публикации президента изобилуют слоганами и призывами в виде восклицательных предложений, написанными прописными буквами: *“MAKE AMERICA GREAT AGAIN!” “TIME FOR CHANGE!”*

Закключение. Таким образом, детальный анализ прагмалингвистических особенностей сетевой коммуникации Д. Трампа позволяет охарактеризовать его речевую деятельность как довольно динамичную и строящуюся в основном на тактиках эксплицитной агрессии. Реализация данной тактики характеризуется сильной экспрессивной составляющей, в том числе и особой провокационностью. В комплексе такая оценка коммуникативной деятельности американского президента в Twitter создает имидж яркой и харизматичной политической личности, которой присуща прямолинейность и склонность к утрированию.

ОБРАЗ СОЛДАТА В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ А.Ф. ПОГОССКОГО

*С.В. Лапунов
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В данной работе мы продолжаем рассмотрение идейно-художественных особенностей военной прозы Александра Фомича Погосского (1816–1874) [1]. Принципы изображения представителей народа во взаимодействии типического и индивидуального, открытые Д.В. Григоровичем («Антон-горемыка») и И.С.Тургеневым («Записки охотника»), оказали влияние на развитие русской военной прозы. Стремлением к «уразумению духа» русского солдата, художественному воплощению национальных черт его характера объясняется обращение представителей русской военной прозы второй половины XIX века, начиная с кавказских и северокавказских рассказов и очерков Л.Н. Толстого, к разработке принципов типизации характера. Художественное осмысление народного характера станет одной из ведущих тем и в произведениях А.Ф.Погосского, считавшего основной целью своей литературно-издательской деятельности просвещение народа.

Цель исследования – выявить особенности изображения народного характера в военной прозе А.Ф. Погосского.

Материал и методы. Материалом исследования послужила проза А.Ф. Погосского. Несмотря на объем творческого наследия Погосского, его произведения остаются практически вне поля зрения исследователей и за крайне редкими исключениями не переиздаются [3]. Для реализации поставленной цели выбраны аналитический и сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Метод изображения главных героев в военных рассказах и очерках А.Ф. Погосского обусловлен, прежде всего, направленностью издательской деятельностью писателя в пореформенный период. Военная реформа 1860-х гг. вызвала потребность в обучении солдат грамоте, и одновременно с этим возникла острая необходимость дать новой читательской аудитории соответствующую художественную литературу, в том числе близкого и понятного центрального героя. Военные рассказы и очерки Погосского отличает стремление определить те черты, которые объединяют разнообразных людей в единую солдатскую массу. При этом вниманием и особой симпатией окружена фигура солдата, видящего в службе «Богу,

царю и отечеству» смысл своей жизни: «Честно, братцы, отдать свой долг отечеству и знать, что жил-де человек недаром, ... был на свете, так сказать, не пятая нога собачья, а нужная спица в колеснице» («Отставное счастье»)[3, с.205]. Поэтому герои ряда произведений наделены идеализированными чертами образцовых солдат:

«Ефрем Ефремович был солдат ловкий. Раз в караул идет – уж он не иначе, как за ефрейтора...» («Медвежья наука») [3, с.419]; «Кремни-люди были, со всех сторон обитые» («Из старых записок») [2, с.225].

В рассказах и очерках Погосского солдаты неоднократно вспоминают о «старом времени» – рекрутских наборах и службе в армии времен Николая I. Здесь стоит отметить, что по сравнению с циклом документальных очерков «Солдатский быт прежде и теперь», в котором главными критериями при сопоставлении дореформенной и пореформенной армии выступает гуманное отношение к солдату, помнящие «старое время» персонажи рассказов Погосского не воспринимают себя как жертв муштры и палочной дисциплины, воспринимая выпавшие на их долю тяготы и лишения не только как должное, но и как необходимую жизненную школу: «Без палки нельзя, ... истинно нельзя, так как не побивши жены, чем докажешь, что любишь ее в самом деле – ну, то есть очень любишь?» («Старики») [3, с. 164]; «В то время служба была не нынешняя. Бывало, поступит рекрут – пиши пропало: через колено гнут пентюха другого; не то что швы, а косточки потрескивают... И как пройдет человек этакую школу, выдержит ее – ну, так хоть головой о камень его: камень лопнет, пожалуй, а голова – ничего!» («Из старых записок») [2, с. 225]. Идеализируются в памяти солдат и взаимоотношения с офицерами – людьми хоть и строгими, но по-отечески заботливыми и справедливыми, ради которых солдат может пожертвовать в бою своей жизнью («Старики», «Покойный Иван Иванович Иванов» и др.).

Однако установка на типизацию и идеализацию характера вовсе не означает, что солдаты в произведениях Погосского лишены каких-либо слабостей или пороков. Напротив, идейным центром некоторых произведений («Два грамотея», «Два кольца», «Медвежья наука») становится проблема преступления и наказания (точнее, греха и возмездия), при этом единственным путем к спасению является обращение героя к христианским добродетелям.

В профессиональных чертах русского солдата Погосский видит выражение тех черт национального характера, которые соотносятся с созданным в военных рассказах Л.Н.Толстого типом «покорного». Это хоть и ничем не выделяющийся солдат («...был распрепочтеннейший солдатик, не мудрый он был человек, средственного качества, то есть росту средственного, и по фронту был так себе, из средственных...») («Отставное счастье»)[3, с.207]), но способный жить и умереть спокойно, честно и просто. Примером воплощения толстовской традиции может послужить посвященный Крымской войне очерк «Камень Кремневич (Очерк из мелких дел солдатских)», главный герой которого – простой русский солдат с неказистой внешностью, неторопливый и немногословный – оценивается автором как воплощение самых лучших черт русского национального характера: «Камень Кремневич – это один из тех незаметных, прекрасных нездешней красотой душ, с которыми само Провидение незримо нисходит в среду корыстного, себялюбивого и бедного мира» [3, с. 295].

Заключение. Таким образом, на протяжении второй половины XIX века и на рубеже веков разработка системы характеров в русском военном рассказе велась в направлении, намеченном Л.Н. Толстым. Художественное воплощение народного характера в военной прозе А.Ф. Погосского обусловлено как утилитарно-просветительскими, так и художественными задачами. Поиск типического в характере русского солдата приводит к тому, что в процессе разработки принципов художественного воплощения солдатского характера идейным центром произведений Погосского стал тип «покорного» солдата, осмысленный автором в религиозно-нравственном плане.

1. Лапунов, С. В. Жанровое своеобразие военной прозы А.Ф. Погосского / Наука - образованию, производству, экономике : материалы XXI(68) Регион. науч.-практ. конференции преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 11-12 февраля 2016 г. : в 2 т. - Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. - Т. 1. - С. 133-135.
2. Русская военная проза XIX века. / Сост.: Е.В.Свиясов. – Л.: Лениздат, 1989. – 527 с.
3. Полное собрание сочинений А.Ф. Погосского. В 4-х т. Т.2. / А.Ф. Погосский. – СПб.: Типография и литография В.А.Тиханова. – 1900. – 746 с.

ЗООНИМИЯ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ: РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ КОДОВ КУЛЬТУРЫ

А.С. Марудова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Код представляет собой понятие, которое первоначально использовалось в семиотике для раскрытия смысла сообщения. В энциклопедическом словаре «Мифология белорусов» данный термин истолковывается как «система обозначений для передачи, обработки и сохранения информации в форме концептуальных образований, как корпус знаков, определённый словарь и система отношений (синтаксис)...» [1, 557].

Понятие кода культуры в этнолингвистике и лингвокультурологии тесно связано с культурой. Многие лингвисты (М.Л. Ковшова, В.А. Маслова, В.Н. Телия, С.М. Толстая и др.) отмечают, что национально-культурная информация, которая заложена в национальном языке, часто не лежит на поверхности, она «закодирована» в семантике слова, в его внутренней форме, в семантике грамматических феноменов, в синтаксисе, вследствие этого «культурное явление, вербализуясь в языке, получает статус национально-культурного кода, только в этом случае, когда оно покидает рамки языковой или речевой действительности одного индивида и становится общенациональным достоянием» [2, 71].

В.В. Красных анализирует *код культуры* как «сетку», которую «культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [3, 232].

Анализируемые дефиниции кода культуры дополняют друг друга, однако отдельные разногласия в определении данного термина обуславливают существование разных подходов к выделению базовых кодов традиционной культуры.

Учёные выделяют от четырёх до пятнадцати кодов культуры.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что понимание культуры, разрабатываемое в современной лингвистике, как совокупности основополагающих кодов, в которых она реализуется, предполагает рассмотрение процесса создания онимов как особого типа кодирования культурных смыслов.

Зоонимы Белорусского Поозерья выступают хранителями и экспликаторами передаваемого различными кодами культурного содержания, анализ и выявление которого позволяет отразить целостную картину ментальной сферы номинаторов и установить специфику зоонимикона как фрагмента языковой картины мира.

Цель данного исследования – выявление основных кодов культуры, репрезентируемых зоонимией Белорусского Поозерья.

Материал и методы. В качестве материала исследования выступили зоонимы исследуемого региона. Для истолкования полученных результатов были использованы описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный методы, а также элементы количественной интерпретации полученных данных.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время приобретает актуальность лингвокультурологический аспект исследования имён собственных, в частности кличек животных, поскольку зоонимы заключают в себе богатую историческую, культурную и этнографическую информацию.

Культурная составляющая зоонимической картины мира Белорусского Поозерья конституируется при помощи *антропоморфного, топоморфного, растительного, астрономического* и *зооморфного* кодов культуры.

Зоонимикон исследуемого региона характеризуется доминированием *отантропонимных* кличек домашних животных, которые представлены названиями, присвоенными в честь хозяев или друзей, поэтов и писателей, известных российских и западных артистов, исторических деятелей и учёных, белорусских, российских и западных спортсменов, композиторов, топ-моделей, художников, космонавтов (*собака Адольф, бык Аристарх, декоративный кролик Фрейд, кот Евклид, кошка Аэлита, хомяк Брук, волнистый попугай Бетховен* и др.). Удельный вес таких кличек в зоонимном пространстве Белорусского Поозерья составляет 1182 единицы, или 63% от общего количества именованных животных.

Следует отметить, что экспликация антропоморфного кода культуры в зоонимии исследуемого региона имеет свою специфику. Ср.: в сельской местности для номинации домашних

животных часто используются имена людей, как правило, хозяев или друзей; для городских жителей характерно преобладающее использование в качестве зоонимов имён выдающихся деятелей культуры, литературы, искусства, отмеченных высоким уровнем известности.

На второй позиции находятся *оттопонимные* клички домашних животных, реализующие топomorphicный код культуры (348 зоонимных единиц, или 18%). Как правило, данные наименования связаны с названиями известных гор, островов, городов, рек. Ср.: **конь Мадрид**, **собака Енисей**, **декоративный кролик Флоренция**, **кошка Валенсия** и т.д. Топонимы активно участвуют в зоонимобразовании, поскольку клички животных, являясь неотъемлемой частью ономастической подсистемы языка, вступают в системные отношения с другими разрядами имён собственных.

Исследования в области русской и украинской зоонимии содержат сведения о кличках, структурно тождественных топонимам. Например, из собранных П.П. Чучкой в Украине в 1965-м году 1500 имён таких кличек – 3; у Р.Н. Бузаковой, материалом исследования которой стали мордовские зоонимы, – более 20 из 2100 (материал 1973 г.) и т.д.

Изложенное позволяет сделать вывод о приобретении данным лексическим пластом заметной популярности при образовании кличек домашних животных Белорусского Поозерья.

Далее следуют зоонимы, эксплицирующие *растительный* код культуры (321 кличка, или 17%). Стоит отметить, что базовой для всех кличек домашних животных данной группы является лексема *растение* и мотивировкой для использования названий растений в качестве номинанта кличек домашних животных являются внешние признаки, свойства растений, в частности, их цвет, внешняя форма и т.д., а также предпочтения номинаторов (**кот Василёк**, **кошка Орхидея**, **корова Ягодка**, **декоративный кролик Персик**, **собака Земляника**, **конь Гранат** и др.).

Интересен тот факт, что в номинации домашних животных жители исследуемого региона активно используют названия тех растений, за которыми стоит определённая культурная традиция, именно поэтому такие наименования приобретают символическое значение. Например, одним из самых распространённых полевых цветов Беларуси является *василёк*: ржаное поле с васильками, букет васильков являются типичными мотивами славянской живописи.

Незначительна доля (38 единиц, или 2%) зоонимов, реализующих *астрономический* и *зооморфный* коды культуры (**кошка Венера**, **конь Астероид**, **декоративный кролик Кроля**, **бык Сатурн**, **корова Луна** и т.д.). Это связано с неактуальным и достаточно сложным использованием (функционирование официальных и неофициальных вариантов, образование их уменьшительно-ласкательных форм и др.) таких названий (планет, звёзд и т.д.) в качестве кличек домашних животных.

Закключение. Таким образом, национальная белорусская культура поддерживается постоянным функционированием различных кодов культуры. Каждый из них выступает одним из гарантов стабильности ключевых культурных особенностей и одновременно отражает специфические признаки культуры. Однако проявление кодов, удельный вес того или иного кода в определённой культуре, а также знаки (в нашем случае зоонимы), в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной традицией.

Работа выполнялась при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

1. Міфалогія беларусаў: энцыкл. слоўн. / рэдкал.: Т. Валодзіна [і інш.]; склад. склад. І. Клімовіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.
2. Гукетлова, Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков): дис. ... д-ра филол. наук / Ф. Н. Гукетлова; РАН, Ин-т языкознания. – М., 2009. – 431 с.
3. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

ЛИНГВИСТИКА СЕГОДНЯ: НОВЫЕ ЗАПРОСЫ

В.А. Маслова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Так случилось, что структурализм – основное направление в лингвистике, продержавшееся целый век (с 1916 года – времени публикации книги Ф.де Соссюра «Курс общей лингвистики» и до наших дней), зашло в тупик. В XXI веке стало ясно, что любая лингвистическая теория, ориентированная только на язык, уже не отвечает запросам современности: она не мо-

жет объяснить ни процессов коммуникации, ни механизмов вплетения культуры в семантику языковых единиц и шире – в текст, ни проблем языкового сознания, ни ряд других проблем, возникающих на стыках разных наук и лингвистики (например, физиологии и языка, микробиологии и языка).

Структурализм в лингвистике с его попытками превратить ее в точную науку потерпел крах. Оказалось, что лингвистика – наука в значительной степени субъективная и неточная. Так, французский исследователь К. Ажеж писал, что как только лингвистика пыталась стать точной наукой, это завело ее в тупик: «Лингвистика, изучая самое человеческое, что есть в человеке, никак не может быть замкнутой областью знания... Одержимость научностью придала ее облику ложную строгость, равную которой нельзя обнаружить более нигде, включая самые точные науки. Увлечение формальной записью в конце концов загнало ее в тесную келью технического дискурса...» [1, с. 279]. Требование времени сейчас – создать другую лингвистику, которая, опираясь на традиции, вбирала бы в себя новые тенденции в гуманитарных науках.

Цель данной статьи – показать лидирующее положение лингвистики среди других наук (и не только гуманитарных), подчеркнуть ее важность для решения проблем мышления, сознания, культуры.

Материал и методы. Материалом послужили статьи в белорусских и российских ваковских журналах. В статье использованы методы наблюдения и анализа.

Результаты и их обсуждение. Все мы знаем, что XX век был веком физики, последние десятилетия – веком микробиологии. XXI по всем прогнозам, которые начинают сбываться, будет веком гуманитарных наук, важнейшее место среди которых принадлежит лингвистике.

Почему же в XXI веке лингвистика начинает играть первую скрипку в оркестре гуманитарных наук?

Во-первых, потому, что язык является своего рода зеркалом и одновременно орудием для мозга, который может быть изучен в первую очередь с помощью языка, мозг и его функционирование еще долго будут загадкой для человека. Проблемы языка и языкового сознания в аспекте обеспечивающих их мозговых механизмов чрезвычайно важны, потому что мы видим и познаем мир так, как это позволяет наш мозг: мир для нас таков, каким мы способны его воспринять и описать. Язык – особая видоспецифическая способность мозга. Об этом уже пишут сейчас исследователи (Т. Нагель, Т.В. Черниговская, Ж.И. Резникова и др.).

Во-вторых, лингвистика занимает авангардные методологические позиции в системе всякого гуманитарного знания, и обойтись без ее помощи при изучении человека, его культуры невозможно, ибо именно язык и культура в известной степени изоморфны (Н.И. Толстой, В.Н. Телия и др.), что позволяет хорошо отработанные лингвистические методы и понятия из лингвистики перенести в культурологию, а затем и другие гуманитарные науки. Таким образом, «языкознание имеет стратегическое значение для методологии общественных наук» [2, с. 263]. Разработанные в лингвистике на протяжении нескольких веков методы служат образцом для литературоведения, эстетики, аналитической философии и др. областей современного гуманитарного знания, которые в значительной мере подпитываются идеями лингвистики. Примером может служить структурализм, который хотя и возник в биологии и физике, но в гуманитарные науки пришел из лингвистики.

В-третьих, известно, что возникновение языка уходит своими корнями в глубокую древность. Более века на изучение проблемы происхождения языка существовало вето. Сейчас, в дополнение к существующим гипотезам происхождения языка (а их более 600), появляются новые, которые носят глобальный характер и объясняют понимание мира человеком, а также самого человека. Так, в последние десятилетия все чаще и убедительнее пишут о «языковом инстинкте», то есть о врожденной способности к языку. С начала «нулевых» годов предпринимаются поиски «метальной грамматики» [4, с. 97], иначе говоря врожденных априорных знаний вообще: набора неосознаваемых правил, позволяющих формировать жизненный опыт в целом, а не только усваивать язык. Речь здесь идет о пре-знании, грамматике мышления вообще, являющейся базой и для языка. И в эту грамматику можно заглянуть через язык. Данный подход, разрабатываемый учеными-материалистами, только подтверждает сакральную мысль: языковая способность как способность мыслить – дар Божий! Он был дан человеку, чтобы тот мог более или менее адекватно понимать и описывать окружающий мир. Каждый язык немного по-своему объективирует опыт и членит мир.

Заключение. Выводы. Из сказанного вытекает, что исследование языка – одно из приоритетных направлений человеческого знания вообще, поэтому устройством языка интересуются не только философы, но и физиологи, биологи и представители других наук. Как справедливо заметил В.А. Звегинцев, «язык образует главный компонент той среды, вне которой невозможны все виды интеллектуальной и духовной деятельности человека» [3, с. 206].

Этот процесс Е.С. Кубрякова назвала *лингвистической экспансией*. Теперь языкознанием стало осваиваться то, что еще 10–20 лет назад находилось вне сферы лингвистики.

1. Ажеж, К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки : пер. с фр. / К. Ажеж. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике / В.А. Звегинцев. – М.: МГУ, 1996. – 335 с.
4. Fodor, J. Where is my mind? London Review of Books / J. Fodor. – Vol. 31. – No. 3.12. February, 2009. – P. 95–101.

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ АПТЕК В ВИТЕБСКЕ И СМОЛЕНСКЕ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА «ЗДОРОВЬЕ»

*А.М. Мезенко
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Одним из рязрядов ономастической лексики являются прагматонимы (от греч. *πραγμα* – ‘предмет’, ‘вещь’ + *оним*) – имена собственные, имеющие денотаты в прагматической сфере деятельности человека, связанные с практикой, в том числе с оказанием фармацевтических услуг, которыми в первую очередь занимаются аптеки, традиционно рассматриваемые как особые специализированные организации системы здравоохранения, занимающиеся изготовлением, фасовкой, анализом и продажей лекарственных средств.

Наименования аптек как объектов оказания услуг являются динамично развивающейся подсистемой современного прагматонимикона. Анализ данного разряда прагматонимов будет способствовать созданию более полной онимной картины каждого из регионов, позволит выявить как общие, так и специфические номинативные и культурные особенности сопоставляемых ономастиконов.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей современной системы названий аптек в двух сходных по величине и статусу городах Республики Беларусь и Российской Федерации: установлении групп названий семантической зоны «здоровье» и специфики их использования в Витебске и Смоленске.

Материал и методы. Материалом для работы послужили данные интернет-справочников: Адреса и телефоны аптек Витебска: gorodvitebsk.by/katalog/apteki и Аптеки в Смоленске, адреса и телефоны: orenvis.ru>smolensk/beauty-health/apteki. Используются дескриптивный, сопоставительный, ареальный методы, элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Названия аптек обладают рядом институциональных признаков, позволяющих дифференцировать их как единицы прагматонимного пространства среди других разрядов прагматонимов. Главным среди них следует признать наличие в их составе слов или составных именовании, предназначенных для употребления в сфере здравоохранения.

Как мы уже отмечали, семантические группы прагматонимов, участвующие в образовании наименований аптек, могут быть разделены на три зоны – «система», «лечение» [1] и «здоровье».

Зона «здоровье» включает 3 семантические группы: «профессиональная отрасль», «пожелание», «эффект» (см. таблицу 1).

Таблица 1 *Семантические группы названий аптек, входящих в зону «здоровье»*

№	Семантическая группа	Витебск	Смоленск
1.	«профессиональная отрасль»	<i>Планета здоровья, Формула Жизни плюс</i>	<i>Здоровье плюс, Индустрия здоровья, Линия здоровья</i>
2.	«пожелания»		<i>Будь здоров, Здравушка, На здоровье, Здоровье от природы</i>
3.	«результат»	<i>36,6 Рубикон</i>	

Данные таблицы свидетельствуют, что семантическая зона «здоровье» репрезентирована 3-мя группами номинаций, представляющими здоровье как профессиональную отрасль здравоохранения, пожелания и результат предпринятых усилий.

Семантическая группа «профессиональная отрасль» включает наименования, фиксирующие понимание здоровья, во-первых, как профессиональной функциональной подсистемы, важнейшей отрасли социально ориентированного рыночного хозяйства (ср.: *Индустрия здоровья*), во-вторых, как кода, программирующего наши клетки и сознание на правильное функционирование (ср.: *Формула Жизни*), в-третьих, как грань, призванную показывать его нарушения (ср.: *Линия здоровья*), наконец, в-четвертых, как ядро своеобразного поля, управляющее околоядерным пространством – физическим здоровьем, ближней периферией – умственным и психическим здоровьем, посылающим импульсы дальней периферии – социальному благополучию (ср.: *Планета здоровья*).

Во вторую семантическую группу, российски ориентированную и не нашедшую репрезентации в белорусском прагматонимиконе, вошли названия-пожелания, представляющие собой общеизвестные формы вежливости: *Будь здоров! На здоровье!* часть слогана *Здравушка*, за которой следует *100 лет без бед!*

Стоит отметить, что в польской прагматонимии, по данным С.Томасик, также распространены названия этой модели, например, в Быдгоще: *Dbam o zdrowie, Żyj zdrowo*, причем первое из них в повседневном общении употребляется в трех вариантах: *Dbam o zdrowie, DOZ* [доз] и *DOZ* [дэозэт] [2, с. 371].

Наоборот, белорусски ориентированная и не имеющая репрезентации в исследуемом российском прагматонимиконе семантическая группа «результат» включает цифровой индикатор нормальной температуры тела здорового человека (ср.: *36,6*) и наименование *Рубикон*, широко известное благодаря выражению «*перейти Рубикон*», означающему 'пройти точку невозврата'.

Заключение. Таким образом, анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволяет отметить, что из трех выявленных в семантической зоне «здоровье» групп только наименования первой используются в прагматонимиконах двух сопоставляемых городов, поскольку в XXI в. здравоохранение все чаще рассматривается в качестве системообразующего фактора индустрии здоровья, понимаемой как синтез рыночных и нерыночных отношений, соотношение коммерческой и некоммерческой медицины. Названия-пожелания больше любят смоляне, в то время как витебляне в семантической зоне «здоровье» актуализируют «результат».

1. Мезенко, А.М. Особенности номинации аптек в Витебске и Смоленске: семантическая зона «лечение» / А.М. Мезенко // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXII (69) Региональной научно-практич.конф.преподавателей, науч.сотрудн. и аспирантов. Витебск, 9-10 февраля 2017 г. / Вит.гос.ун-т; редкол.: А.В. Егоров (гл.ред.) [и др.]. В 2 т. Т. 1. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2017. – С. 148-149.
2. Томасик С. Мотивационные аспекты в названиях аптек городов Астрахани и Быдгоща // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар.науч.конф. (Арзамас, 13-15 сентября 2016 г.) / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. С.370-373.

ЭТАЛОНЫ АДЪЕКТИВНЫХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ УНИКАЛИИ ИЛИ УНИВЕРСАЛИИ

И.А. Мужейко
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Настоящая работа является результатом исследования адъективных устойчивых сравнений (АУС) в русском, белорусском, чешском, болгарском, хорватском, латышском, английском, шведском языках с позиции типологии языков. Данное исследование представляется актуальным в связи с недостаточным изучением фразеологического фонда языков с позиции типологии в отличие от широко представленной контрастивной лингвистики.

Целью работы является установление относительных универсалий на материале эталонов АУС указанных языков.

Материал и методы. Материалом данного исследования являются АУС русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского, шведского языков, полученные путем сплошной выборки из лексикографических источников; предметом высту-

пает план содержания единиц. При анализе фактического материала были использованы описательный и сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Лингвистическая типология системно изучает уникалии и универсалии в языке, ставя себе цель определить межъязыковое варьирование. Известно, что исследование каких-либо особенностей языка (т.н. языковых уникалий) проводится наравне с изучением языковых универсалий, присущих всем или большинству языков мира, т.к. любое варьирование невозможно без сходства. В ходе изучения универсалий типология сближается с общим языкознанием, а в ходе изучения уникалий – с частным. Иными словами, типология прокладывает путь от науки о языках к науке о языке вообще.

Во второй половине XX века типология стремится охватить содержание языковых форм, сближаясь с когнитивной наукой. Происходит многопрофильная трансформация: структурная типология превращается в функциональную, классификационная – в типологию взаимозависимых явлений языка, описательная – в объяснительную, то есть типологию отношений между явлениями языка, типология языковых типов все более явственно становится лишь предварительной стадией для типологии универсалий.

В современной лингвистике все более настойчиво повторяется требование считать содержание исходным объектом лингвистического описания. При этом приоритет универсального над уникальным в языках проявляется в большей степени в содержательной типологии по сравнению с формальной типологией. В сущности, всякая языковая универсалия является изначально содержательной.

В то же время, когнитивный подход в современной лингвистике является наиболее перспективным направлением, интегрирующим усилия многих наук для объяснения механизма получения, переработки и использования знаний в человеческой деятельности.

Применение когнитивного подхода в типологии признано весьма продуктивным ввиду поиска содержательных универсалий, а также из-за трактовки воздействия человеческих знаний на развитие самого языка, т.к. в нем содержится столетиями накопленная информация. Вероятно, этот подход становится неизбежной вехой при переходе от типологии типов к типологии универсалий, переходе столь же радикальном, что и повороте от типологии языков к типологии типов. Актуальная задача современной типологии состоит в поиске языковых универсалий, необходимых при определении общих черт в языке Человека, а также пределов их варьирования в конкретных языках мира.

Принято рассматривать лингвистику универсалий и лингвистическую типологию взаимно противоположными по объекту изучения дисциплинами. Известно, что под универсалиями понимают межъязыковые сходства, а типология изучает межъязыковые различия. Поскольку эти дисциплины дополняют друг друга, являясь двумя сторонами одного исследовательского процесса, бывает сложно отнести то или иное эмпирическое исследование к чисто универсалистским или чисто типологическим.

Какое же количество языков необходимо для того, чтобы тенденция или эмпирически обнаруживаемая закономерность могла считаться универсалией? Идеальным было бы одновременно исследовать все языки мира, что невозможно по двум соображениям. Во-первых, часть языков либо уже недоступна для изучения вследствие исчезновения, либо станет недоступной в обозримом будущем; во-вторых, даже доступное число языков столь велико, что, прежде чем приступить к изучению универсалий, требуется тщательное эмпирическое исследование всех ранее неизвестных систем. Поэтому в практическом исследовании ученый берет для анализа столько языков, сколько может себе позволить исходя из рамок анализа и поставленных задач. При этом предсказательная сила каждой установленной универсалии будет тем больше, чем а) больше языков берется для анализа; б) более непосредственной является связь между языковой универсалией и универсальной категорией мышления. Таким образом, на доступном нам материале – адъективных устойчивых сравнениях восьми языков – мы доказали существование индуктивных лексических содержательных простых относительных языковых универсалий: «Почти в каждом языке эталон сравнения называет 1) людей, 2) представителей флоры и фауны, 3) явления природы, 4) артефакты, 5) абстрактные понятия». Приведем примеры для иллюстрации вышесказанного: 1) *русск.* добрая как мать – *бел.* добры як бабуля; *русск.* застенчивый как девочка – *хорв.* stidljiv kao djeva – *швед.* blyg som en flicka; *чешск.* silný jako Herkules – *швед.* stark som en Herkules ‘букв. сильный как Геркулес’; *русск.* мудрый как Соломон – *чешск.* moudrý jako Šalomon – *болг.* мъдър като Соломон; 2) *русск.* сильная как лошадь –

лат. stiprs kā zirgs – *англ.* as strong as a horse; *русск.* худой как цыпленок – *болг.* слаб като щиглец – *швед.* mager som en skrika; *русск.* румяный как яблоко – *чешск.* červený jako jablíčko – *болг.* румен като ябълк – *лат.* sārts kā ābols; *бел.* спрытны як лось – *чешск.* hbitý jako jelen – *хорв.* brz kao srna – *англ.* as fleet as a deer; 3) *русск.* горячий как огонь – *бел.* гарачы як агонь – *хорв.* žestok kao žeravica; *русск.* мрачный как темная туча – *лат.* drūms kā negaisa makonis – *англ.* as dark as a thundercloud; *хорв.* nevjeran kao voda – *англ.* as unstable as water ‘букв. ненадежный как вода’; *русск.* свободный как ветер – *бел.* вольны як вецер – *англ.* as free as the wind; 4) *русск.* тонкий как блин – *бел.* тонкі як блін – *англ.* as flat as a pancake – *швед.* plat som en pannkaka; *русск.* маленький как булавочная головка – *чешск.* malý jako špedlíková hlavička; *Русск.* острый как бритва – *чешск.* ostrý jako břitva – *лат.* ass kā bārdas nazis – *англ.* as sharp as a razor; *русск.* красивый как картинка – *чешск.* hezký jako obrázek – *болг.* хубав като картинка – *англ.* as pretty as a picture; 5) *русск.* красивый как ангел – *чешск.* hezký jako anděl; *русск.* страшный как смертный грех – *хорв.* ružan kao smrtni greh – *англ.* as ugly as sin – *швед.* ful som synden.

В ходе исследования было установлено, что в АУС всех представленных языков наименьшее число эталонных частей составляют абстрактные понятия, что, на наш взгляд, вполне логично, т.к. сложно сравнить с тем, что малопонятно ввиду неосвязаемости, невидимости и т.д. Больше всего образных основ связано с названиями животных и растений, а также артефактов – всего того, что окружает человека ежедневно из века в век. Эти данные характерны для всех исследуемых нами языков не в силу заимствования, а по причине универсального механизма человеческого мышления, работающего вне зависимости от национальности, территории проживания или других факторов.

Заключение. В данной работе на примере АУС восьми языков было показано, что образы, выступающие в роли эталонов сравнений, не уникальны, и используются представителями разных народов. Существующие варианты отражают незначительные особенности в мировосприятии носителей языков, представленных в исследовании. Полученные данные свидетельствуют об универсальности познавательного процесса в жизни людей, а также указывают на то, что фразеология не может считаться уникальной сферой лингвистики, т.к. и в ней выявляются общие черты и закономерности.

ЖАНРАВА-СТЫЛЁВАЯ АДМЕТНАСЦЬ РАМАНА ВАЛЕРЫЯ ГАПЕЕВА «НОЧ ЦМОКА»

*Г.В. Навасельцава
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

У сучаснай творчай практыцы мастацкі пошук новай формы рамана нязменна спрыяе выяўленню новай тэмы, праблемы, адкрывае новыя мажлівасці эстэтычнага пазнання рэчаіснасці. У сваю чаргу адкрыццё і засваенне новага зместу прадвызначае пошук новай мастацкай формы. У прыватнасці, аўтар пазбягае цэласнага адлюстравання рэчаіснасці ў так званым постмадэрнісцкім рамане, якому характэрна змена класічнай раманнай формы, інтэрпрэтацыя хаатычнай плыні жыцця. У некласічным рамане асоба застаецца прадметам мастацкага даследавання, аднак асэнсоўваецца пісьменнікам не столькі ва ўзаемастанках з грамадствам, колькі адасоблена ад акаляючага свету, у выніку чаго ўзнікае новы тып адносін паміж аўтарам і персанажам.

Як сведчаць паказальныя прыклады з сучаснай беларускай літаратуры, раман актыўна выкарыстоўвае элементы дэтэктыўнай літаратуры, у прыватнасці, актуалізуе псіхалагізм і аналітызм, выкарыстоўвае дэтэктыўную сюжэтную арганізацыю. Класічная вострасюжэтнасць, займальнасць, інтрыга уплываюць на прэцэс трансфармацыі сучаснага рамана, утварэння адметнай жанравай разнавіднасці. Гэта абумоўлівае мэту даследавання: раскрыць жанрава-стылёвую адметнасць рамана «Ноч цмока» сучаснага беларускага пісьменніка Валерыя Гапеева.

Матэрыял і метады. Для вывучэння рамана «Ноч цмока» выкарыстаны культурна-гістарычны, структурна-тыпалагічны метады з элементамі кампаратыўнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Дэтэктыўны раман Валерыя Гапеева «Ноч цмока» (2016) раскрывае не столькі рэальнае, колькі містычнае дзеянне, што адбываецца ў сучаснай беларускай правінцыі. Невыпадкава некаторыя даследчыкі выказваюць меркаванне, што ў постмадэрнісц-

кай версіі «дэтэктыў будуюцца як калаж інтэрпрэтацый, кожная з якіх у роўнай ступені можа прэтэндаваць на аналагізацыю» [1, с. 80], і не завяршаецца традыцыйным раскрыццём таямніцы, паколькі самым галоўным выступае працэс пошуку. У прыватнасці, некалькі інтэрпрэтацый дапускае і твор Валерыя Гапеева. Галоўны герой – следчы пракуратуры Васіль Шайбак, які вядзе справу пра забойства Насці Грыцук ў вёсцы Ляўдок, дзе амаль не засталася карэнных жыхароў, а таксама імкнецца ўладкаваць асабістае жыццё. Дзякуючы крымінальнаму вышуку стала вядома, што забітая была дачкой чалавека, якога лічылі ведзьмаком, уваходзіла ў мясцовую секту, нарадзіла за колькі дзён да смерці. У прыватнай перапісцы Насця паведамляла, што збіраецца нарадзіць Цмока. Каб заразуецца гэту алегорыю, трэба ведаць міфалогію і гісторыю, у чым Васілю дапамагае яго суседка Надзея, гісторык па адукацыі, з якой завязваюцца трывалыя ўзаемаадносіны.

Як кажа Надзя, Цмок увасабляў старажытную веру нашых продкаў: «Цмок быў незалежнай, вольнай істотай. Але калі чалавек аднойчы ўстанаўліваў добрыя стасункі з Цмокам, то той забяспечваў яго бяспеднае існаванне: прыносіў яму скарбы, бараніў ад ворага, сцярог дом ад бяды» [2, с. 95]. Апавед вядзецца ад першай асобы, аўтар і яго галоўны герой паказаны перакананымі рацыяналістамі. Як следчы Васіль ведае, што, напрыклад, самая істотная інфармацыя часам хаваецца ў адказах на самыя бяскрыўдныя, другасныя пытанні, яму цяжка паверыць у нешта ірэальнае. Герою, каб дазнацца праўду, адшукаць забойцу, давядзецца прайсці выпрабаванне, зразумець, што іншы сон уплывае на свядомасць больш за рэальную падзею: «Я ішоў змярцвелым лугам, бы ў нейкім фантазмагарычным сне. Навакольная застылася падавалася не варожай, а толькі чужой мне, дакладней, я адчуваў сябе варожым ёй, чуў, як прагне гэтая сцяжынка пазбавіцца маіх крокаў, як цяпіць шматпакутна. Як рассоўваецца грэбліва перада мной пласт туману, абы менш дакранацца мяне, як паспешліва, шчыльна збіраецца за спінай. І там, у глыбіні яго, зусім не халоднага, нешта вялікае стаілася ў чаканні: ці хутка я знікну?» [2, с. 230]. Паступова ўвага ў расследаванні пераносіцца на пошукі народжанага Насцяй Грыцук дзіцяці, якое і называецца рознымі героямі Цмокам з-за таго, што яму наканавана вялікая будучыня. Аўтар праводзіць спецыфічную міфарэканструкцыю: Цмок з’яўляецца дзіцём Яшчура, абрад якога зафіксаваны ў беларускім фальклору, «міф кажа нам, што выява Цмока над вокнамі – шанаванне магутнай сілы і адначасова разлік на яе спагаду. <...> Атрымліваецца, той самы Цмок – наша агульная абарона і надзея на шчасце» [2, с. 286]. Такім чынам, маецца на ўвазе грамадскі лідар, на якога ў мінулым спадзяваліся нашы продкі і які мог даць людзям лепшае жыццё.

Дэтэктыўная інтрыга ў рамане выступае рухавіком сюжэтнага дзеяння і, разам з тым, раскрывае аўтарскую філасофскую канцэпцыю. Як прызнаецца сам галоўны герой, ён робіць крокі супраць сябе ранейшага, «супраць свайго цяжэння», у прыватнасці, дазнаўшыся праўду, прымае важнае маральна-этычнае рашэнне не раскрываць яе, бо з-за гэтага дзіця можа апынуцца ў небяспецы. Як даводзіць Федарук, адзін з сектантаў, які напачатку галоўнаму герою падаецца дзіўнаватым, «калі ёсць тыя, хто верыць у Цмока і жадае яго нараджэння, ёсць і тыя, якія таксама вераць, але супрацьстаяць гэтаму» [2, с. 345]. Хутка Васіль знаходзіць асабістае шчасце, і ў чытача ўзнікае асацыятыўная здагадка, што галоўны герой здолеў парадуецца з Цмокам, які і паспрыяў шлюбу з Надзеяй. У цэнтры ўвагі Валерыя Гапеева сучасны чалавек, якога можна назваць кансерватыўным, у нейкай ступені эгаістычным, але які ўсё ж мяняецца пад уплывам не столькі знешніх абставін, колькі раскрытага ў творы мікраасяроддзя. Так, калі напачатку галоўны герой Валерыя Гапеева спрачаецца з Надзеяй, якая даводзіць, што, калі вынішчыць сваю культуру, не будзе ніякай, і пытаецца: «А якая ў прынцыпе розніца, кім мне тут звацца? Беларусам, бамбаросам, бульбарусым?» [2, с. 331], то пазней ён ужо не настолькі катэгарычны.

Пісьменнік выступае спадкаемцам караткевічаўскай традыцыі, у прыватнасці, прасочваецца ўплыў рамана «Чорны замак Альшанскі». І Уладзімір Караткевіч, і Валерыя Гапееў ствараюць аднагеройны раманы, у якім шырока выкарыстоўваюць дэтэктыўныя элементы, апелююць адпаведна да гісторыі і міфалогіі як вартаснай крыніцы ведаў, без якіх не можа адбыцца разгадка таямніцы. Калі стваральнік беларускай гістарычнай прозы акцэнтуюць увагу як на асобе галоўнага героя, так і на грамадскай сітуацыі, то сучасны аўтар раскрывае найперш узаемасувязі свайго героя з тымі, хто знаходзіцца побач. Безумоўна, прыцягваюць да сябе ўвагу і «другасныя героі рамана, што выступаюць выразнікамі не нацыянальных, а агульначалавечых каштоўнасцей. Напрыклад, пётка Марыля, якая з’яўляецца толькі ў адным эпізодзе як носбіт высокай маралі, пададзенай нязмушана і не-

навязліва» [3, с. 317]. Такім чынам, жанравы сінтэз рамана і дэтэктыва адметна ўплывае на раманную сітуацыю: у мікраасяроддзе галоўнага героя ўваходзіць значная колькасць асоб, кожная з якіх адыгрывае значную мастацкую ролю.

Заклучэнне. У раман «Ноч цмока» прыўносіцца па-дэтэктыўнаму функцыянальны псіхалагізм, што абумоўлівае ўзмацненне суб'ектыўнага пачатку, у сістэме вобразаў дамінуе эстэтычны прынцып цэнтраімклівасці. Валеры Гіпееў звяртаецца да міфалогіі і фальклору, у чым выяўляецца тыпалагічная блізкасць з творчай манерай Уладзіміра Караткевіча. У рамане Валерыя Гіпеева, дзе ўзмоцнены элемент постмадэрнісцкай дэтэктыўнасці, спецыфічна выяўляецца хранатоп: актуалізуюцца шырокія прасторава-часавыя сувязі, якія і прадвызначаюць рэпрэзентацыю аўтарскай сучаснасці.

1. Можейко, М.А. Філасофія дэтэктыва: класіка – некласіка – постнекласіка / М.А. Можейко // Искусство и культура. – 2011. – №1. – С. 76–82.
2. Гіпееў, В. Ноч цмока : раман / В. Гіпееў. – Мінск : Галіяфы, 2016. – 356 с.
3. Якавенка, Н. Міфалагічна-дэтэктыўны мікс з эратычным флэрам. Роздум над раманам Валера Гіпеева «Ноч цмока» / Н. Якавенка // Дзеяслоў. – 2017. – №1. – С. 315–319.

МАСТАЦКАЕ АДЛЮСТРАВАННЕ ДЗЕЯЧАЎ БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ Ў ПРОЗЕ М. ГАРЭЦКАГА

*Н.М. Налётава
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

На працягу XX–XXI стагоддзяў у літаратурным працэсе Беларусі перыядычна адбываліся значныя культурна-эстэтычныя зрухі, абумоўленыя пэўнымі грамадска-палітычнымі падзеямі. У адзначаны перыяд значна ўзрасла цікавасць да нацыянальнага мінулага і культурных дзеячаў, якія клапаціліся аб беларускім адраджэнні. Героямі праявітых твораў нярэдка былі абраны значныя постаці беларускай гісторыі, напрыклад, асветнікі, мастакі, грамадскія дзеячы і пісьменнікі. Сярод іх можна назваць Францішка Багушэвіча (“Пры апазнанні – затрымаць” В. Хомчанкі), Алаізу Пашкевіч (“Крыж міласэрнасці” В. Коўтун, “Стану песняй ...”, “На струнах бур” і “На полімі любові” Л. Арабей), Максіма Багдановіча (“Развітанне” Б. Мікуліча, “Загадка Багдановіча” М. Стральцова), Цішку Гартнага (“Пасля нябыту” і “Без эпітафіі” Э. Ялугіна), Янку Купалу (“Ой, рана на Івана” З. Бандарынай, “Незабыўныя дарогі” і “Дарогі песняра” В. Віткі, “Як агонь, як вада ...” А. Лойкі), Уладзіміра Караткевіча (“Наш Караткевіч”, “Уладзімір Караткевіч, або Паэма Гарсія Лойкі” А. Лойкі) і інш. Да мастацкага адлюстравання дзеячаў беларускай культуры звяртаўся і вядомы праявік, драматург, публіцыст, фалькларыст, педагог, лексікограф, перакладчык, даследчык літаратуры М.І. Гарэцкі (1893–1938).

Актуальнасць нашага даследавання абумоўлена адсутнасцю ў літаратуразнаўстве сістэмнага навуковага асэнсавання вобразаў нацыянальных пісьменнікаў, створаных іншымі майстрамі слова.

Мэта дадзенага даследавання – выявіць асаблівасці мастацкага адлюстравання вядомых беларускіх дзеячаў культуры ў літаратурных творах М. Гарэцкага: апавяданні “Фантазія” і аповесці “Меланхолія”.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для нашага даследавання абрана мастацкая проза (апавяданне “Фантазія” і аповесць “Меланхолія”) М. Гарэцкага. Асноўнымі для навуковага аналізу сталі прыёмы параўнальнага, канкрэтна-гістарычнага і дэскрыптыўнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. М. Гарэцкі належыць да ліку выдатных дзеячаў беларускай культуры. Вядомы літаратуразнаўца М.І. Мушыньскі слухна назваў яго “гонарам і сумленнем беларускай нацыі, яе духоўным настаўнікам, які ўнёс велізарны ўклад у фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці беларусаў” [1, 381]. Сапраўды, гісторыка-літаратурнымі даследаваннямі, публіцыстыкай, мастацкімі творамі, асветна-педагагічнай дзейнасцю пісьменнік аформіў цэласную нацыянальна-адраджэнскую праграму.

Тэндэнцыя мастацкага адлюстравання не паслякастрычніцкай рэчаіснасці, а нядаўняга мінулага Беларусі ў 1920–1930 гады М. Гарэцкім была “формай апасродкаванай ацэнкі палітычнай сістэмы, да якой пісьменнік ... ставіўся даволі крытычна” [1, 404], нежаданнем ствараць мастацкія творы згодна з ідэалагічнымі патрабаваннямі новага часу.

У апавяданні “Фантазія” (1921) пісьменніка згадваюцца вядомыя гістарычныя асобы, якія клапаціліся аб становішчы “Бацькаўшчыны мілай” [2, 117], развіцці яе культуры, а таксама нацыянальнай самасвядомасці суайчыннікаў. Гэта вядомыя асветнікі, гуманісты і пісьменнікі Ф. Скарына, Ф. Багушэвіч, В. Дунін-Марцінкевіч, А. Пашкевіч, М. Багдановіч, А. Гарун, С. Палуян, К. Каганец, Я. Купала і інш.

Жанравыя межы апавядання не дазволілі М. Гарэцкаму даць падрабязную характарыстыку гэтых асоб, але ў творы выкарыстоўваюцца лаканічныя заўвагі тыпу “сумны” [2, 117], “панураны” [2, 117], “ад чорных дум паніклы” [2, 118], “прамовіў горка” [2, 118] (Ф. Скарына); “сумна паглядзеў” [2, 117], “баліць душа” [2, 117] (Я. Купала) “разважны каранасты” [2, 119] (К. Каганец), “калматабровы” [2, 119] (М. Багдановіч), якія падкрэсліваюць рысы знешняга аблічча, псіхалагічны стан герояў.

У адносінах да Ф. Скарыны і Ф. Багушэвіча пісьменнік выкарыстоўвае трапныя азначэнні-перыфразы “вялікі гуманіст” [2, 117], “народны баян” [2, 118], “бацька адраджэння” [2, 118], якія падкрэсліваюць важны ўнёсак гэтых асоб у культурнае развіццё Айчыны.

Акрамя таго, з традыцыйных літаратурных прыёмаў для раскрыцця характару героя пісьменнік актыўна выкарыстоўвае дыялогі. Выбар самім пісьменнікам для мастацкага адлюстравання менавіта гэтых гістарычных асоб матываваны іх плённай, самаадданай дзейнасцю на ніве нацыянальнай культуры. Акрамя таго, сам М. Гарэцкі ў распрацоўцы нацыянальна-культурнай і мастацка-эстэтычнай праграмы “нашаніўства” быў блізкі па поглядах да многіх літаратараў пачатку ХХ стагоддзя.

У “Фантазіі” М. Гарэцкім выказваецца думка, што “распятую” [2, 117] за перыяд грамадзянскай вайны краіну можа выратаваць беларуская інтэлігенцыя, на якую ўскладаецца надзвычай важная місія абуджальніка нацыянальнай самасвядомасці, а таксама кансалідацыі сіл. Таму ў згаданым творы выкарыстоўваецца сімвалічны вобраз Купалавага вялікага сходу, на які ўсіх пералічаных вышэй дзеячаў культуры склікае цень беларускага першадрукара, асветніка і гуманіста Францыска Скарыны.

Па прычыне ўзнятых у апавяданні “Фантазія” грамадска-палітычных праблем, яно не магло быць надрукавана ў 1920-я гады і станоўча ацэнена тагачаснай крытыкай, а было прадстаўлена шырокаму колу чытачоў толькі ў другой палове 1950-х гадоў, калі былі сфарміраваны спрыяльныя грамадска-палітычныя ўмовы.

Заўважым, што адной з бясспрэчных заслуг М. Гарэцкага з’яўляецца ўвядзенне ў нацыянальную прозу новага героя – вясковага інтэлігента, які ўсведамляе ўласную адказнасць за лёс народа і будучыню краіны. Духоўнае аблічча і жыццёвая пазіцыя такога героя, у прыватнасці, Лявона Задумы, выразна выяўляюцца ў сацыяльна-псіхалагічнай аповесці “Меланхолія” (1916–1921, 1928). У творы, напоўненым глыбокім філасофскім зместам, закранаюцца такія значныя тэмы, як “інтэлігенцыя і народ”, “шляхі вызвалення ад нацыянальнага прыгнёту” і іншыя.

Як і ў апавяданні “Фантазія”, пісьменнік звяртаецца да мастацкага адлюстравання вобразаў вядомых дзеячаў Беларусі, “вялікіх сыноў краіны” [2, 190], сярод якіх першы беларускі ўсходнеславянскі кнігадрукар Ф. Скарына, К. Каліноўскі, Мацей Бурачок, Я. Купала і Я. Колас. Як і ў папярэднім творы, пісьменнік пазбягае падрабязных апісанняў гэтых дзеячаў і ўзгадвае іх толькі ў кантэксце гаворкі пра Віленшчыну як гістарычны цэнтр развіцця беларускай культуры і зараджэння прагрэсіўных поглядаў, выкарыстоўвае толькі ў адносінах да іх трапныя азначэнні-перыфразы тыпу “вялікі сейбіт гуманізму і асветы” [2, 190] (Ф. Скарына), “адважны правадыр паўстанцаў” [2, 190] (К. Каліноўскі), “бацька нашага адраджэння” [2, 190] (Ф. Багушэвіч), якія яскрава выяўляюць аўтарскія адносіны да іх.

Заклучэнне. На падставе аналізу характарыстыкі дзеячаў беларускай культуры (Ф. Скарыны, В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча, А. Пашкевіч, А. Гаруна, Я. Купалы, М. Багдановіча, І. Луцкевіча, Л. Гмырака, К. Каганца, С. Палуяна, Я. Коласа) ў мастацкім дыскурсе М. Гарэцкага можна зрабіць выснову, што пісьменнік вылучаў у якасці дамінантнай лініі эстэтычнага асэнсавання дзеяча культуры яго ўдзел у нацыястваральнай працы. Мастацкае адлюстраванне дзеячаў айчыннай культуры ў прозе М. Гарэцкага было накіравана на акцэнтаванне ідэі: выдатныя творцы – гэта сведчанне высокага духоўнага, інтэлектуальнага патэнцыялу народа.

1. Мушыньскі, М.І. Максім Гарэцкі / М.І. Мушыньскі // Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя: у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літаратуры імя Я. Купалы. – Мінск, 1999. – Т. 1. – С. 381–426.
2. Гарэцкі, М.І. Творы: апавяданні, аповесці / М.І. Гарэцкі; уклад. Т.С. Голуб; прадм. М.П. Кенькі. – Мінск: Маст. літ., 1995. – 446 с.

О МОДЕЛЯХ РЕГУЛЯРНОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Т.В. Никитенко
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В лексической семантике последних десятилетий настойчиво высказывается предположение о регулярности развития многозначности. Суть подобного утверждения заключается в том, что «множество разных моделей семантической деривации хотя и велико <...>, но все-таки обозримо, и тогда основная масса значений слова создается за счет определенного, в какой-то мере универсального, множества семантических переходов, <...>» [1, с. 148]. Вместе с тем, как справедливо замечает Д.О. Добровольский, наличие подобных моделей не означает, что автоматически все члены определенного семантического класса обнаружат параллельную полисемию. Модели семантической деривации «помогают систематизировать представление семантической структуры многозначного слова, но не позволяют предсказать наличие того или иного значения у каждого конкретного слова» [2, с. 281]. Большинство исследований на предмет регулярной лексической многозначности проводятся на материале одного языка. Определенную актуальность, как представляется, имеют работы, выявляющие регулярную межъязыковую полисемию, поскольку именно они дают весомые аргументы в пользу тезиса, приведенного в самом начале, а кроме того, позволяют выявить продуктивность отдельных семантических переходов. Этому и посвящена данная работа, цель которой заключается в установлении некоторых семантических переходов в группе оценочных слов в славянских языках.

Материал и методы. Данное исследование проведено на материале трех славянских языков: русском и белорусском, которые относятся к восточнославянской подгруппе, и польском – западнославянском языке. Оценочная лексика извлечена из толковых словарей трех языков путем анализа словарных дефиниций и наличия у лексических единиц экспрессивно-оценочных помет.

Результаты и их обсуждение. Выявление регулярных семантических переходов в референтной группе слов в русском, белорусском и польском языках представляет определенную сложность. Это объясняется тем, что в данных языках присутствуют единицы, обусловленные общим происхождением или контактом, и в семантической структуре которых зафиксированы одинаковые оценочные значения. В случаях подобия звукового образа и схожести семантических структур анализируемых слов достаточно сложно установить происхождение производного оценочного значения. Особенно тяжело решается эта задача, если этимология слова неизвестна, как в примере с пол. *baiwan* ‘o cziowieku ograniczonym’, рус. *болван* ‘бестолковый, глупый человек’, бел. *балван* ‘дурань, неук’. Известно, что форма **bьlvanь* относится к праславянскому лексическому фонду и встречается во многих славянских языках и диалектах (ЭССЯ, вып. 3, с. 121–122). Слово *baiwan* известно в первоначальных значениях ‘глыба, обломок’, ‘идол’; путь проникновения в польский язык остается спорным. В более позднее время *baiwan* начинает встречаться в современном оценочном значении. В древнерусском языке *болван* отмечено в значениях ‘идол’, ‘столб, чурбан’ и считается возможным заимствованием из тюркских языков. Позже в XVII в. фиксируется пейоративное значение ‘тупица, неуч, невежа (о человеке)’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с.277). В белорусском *балван* является либо заимствованием из русского, либо (и вероятнее всего) из польского; значение ‘дурань’ отмечено в середине XIX в. (ЭСБМ, т. 1, с. 291). В данном случае очевидным объяснением наличия оценочного значения является семантическое заимствование, однако, в том же ЭСБМ указано, что метафора ‘балван, статуи’ → ‘дурань’ хорошо известна в восточнославянских языках, что, безусловно, дает повод думать о независимом переходе. Наличие белорусских слов *слуп*, *статуй* это подтверждает, переносное значение у которых ‘пра тупога, бесталковага чалавека’, очевидно, образовалось по такому же переходу.

При анализе пейоративной лексики в трех славянских языках выявлена многочисленная группа слов – зоонимов, в семантической структуре которых отмечены переходы, приводящие к схожим оценочным значениям. Ср. модель ‘баран’ → ‘глупый человек’, реализуемую во всех языках, пр.: пол. *baran* ‘cziowiek nieinteligentny, ograniczony <...>’, рус. *баран* ‘о глупом, упрямом человеке’, бел. *баран* ‘пра тупога, някемлівага чалавека’. Несмотря на то что само слово известно в русском с XV в., в переносном значении оно впервые употребляется в сравнении

типа «...хозяин тут стоял как баран с рогами...» достаточно поздно – в XVIII в. (СлРЯ XVIII в., вып. 1, с. 140); одна из ранних фиксаций значения ‘об упрямом или глупом человеке’ в художественной литературе встречается у Ф.М. Достоевский «Бесы» (1873). В белорусском языке до конца XVIII в. оценочного значения у лексемы *баран* зафиксировано не было (ППС, с. 28); в польском языке оно отмечено не ранее вт. пол. XIX в. (SJP). Подобные переходы ‘(конкретное) животное’ → ‘отрицательное свойство человека’ иллюстрируются многочисленными примерами: пол. *osioi* ‘o czlowieku giurim lub upartym’, рус. *осел* ‘о тупом, упрямом человеке’, *ишак* ‘об упрямом, глупом человеке’, бел. *асёл* ‘пра тупога, упартага чалавека’; пол. *zwierzak* ‘o czlowieku, ktory zachowuje sik w sposyб przypisywany zwierzakom’; рус. *животное* ‘незрелый человек с низменными, непристойными страстями’, *скот* ‘о грубом, низком, подлом человеке’, бел. *жы-вёла* ‘грубы, подлы чалавек’ и др. Также распространена модель ‘часть тела животного’ → ‘презрительное название части тела человека’, пр. *grzywa* ‘o bujnej czuprynie u czlowieka’, *грыва* ‘густые длинные волосы человека’, *грыва* ‘пра доўгія валасы ў чалавека’; *pysk* ‘o ludzkiej twarzy’, *рыло* ‘лицо’, *лыч* ‘тое, што і твар’ и др. Частотна в сравниваемых языках модель ‘детеныш животного’ → ‘бранно о ребенке’, пр.: пол. *szczeniak* ‘miody chiorak zachowujacy sik nierowanie’ *щенок* ‘грубо о ребенке’, *псенок* ‘о юноше, подростке (обычно злобном)’, *шчаня / шчанё* ‘груба пра дзіця’ и др.

Тривиально выглядят в анализируемых языках такие семантические переходы, как ‘человек иной расы’ → ‘глупый / некультурный человек’, ‘иноверец (не христианин)’ → ‘враждебный и неприятный человек’. Ср. пол. *poganin* ‘czlowiek, ktory za najwainiejsze w iyciu uznaje inne wartosci, ni te, ktore giosi chrzeŃsijacstwo’, *поганец* ‘скверный, недостойный, гадкий человек’, *паганец* ‘нядобры чалавек, нягоднік’ и др.

В некоторых случаях только в двух языках производные оценочные значения оказываются тождественными, а в третьем – оно не фиксируется вовсе. Ср. рус. *конюшня* и бел. *канюшня* имеют переносное значение ‘об очень грязном помещении’, а пол. *stajnia* – нет. Достаточно любопытный случай наблюдаем с лексемой *юбка*, пол. *spudnica*. И в русском, и в польском языке у данного слова основное значение полностью совпадает – ‘женская одежда, облегаящая фигуру от талии книзу’. В обоих языках эта лексическая единица в разговорной речи переносно употребляется в неодобрительном значении ‘женщина (как предмет чувственного влечения мужчины)’. В толковом словаре белорусского языка такое переносное значение у лексемы *спадніца* не отмечено, но приводится фразеологизм с пометой (неадабр.) *бегаць за спадніцай* ‘заляцацца да жанчын’.

Заключение. Результаты проведенного исследования показывают, что в близкородственных языках параллельные семантические переходы достаточно трудно устанавливать из-за наличия большого объема лексики общего происхождения, а также слов и значений, которые появились как следствие межъязыковых контактов. Выделяются определенные тематические группы, более подверженные межъязыковой полисемии и чаще всего посредством метафорических переносов.

1. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
2. Добровольский, Д.О. Регулярная многозначность в сопоставительном аспекте / Д.О. Добровольский // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е.В. Падучевой; редкол.: А.В. Бондарко [и др.]. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С.280–292.

Использованные словари и их сокращения

3. SJP – Sownik jkzyka polskiego: 11 t. / Polska Akademia Nauk; red. W. Doroszewski. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958–1969. – 11 t.
4. ППС – Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексікі: у 2 т. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; пад рэд. А.М. Булькі. – Мінск, Беларус. Навука, 2013. – 2 т.
5. СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 30 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Р.И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1975–2025. – 30 вып.
6. СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века: в 16 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Ю.С. Сорокин (гл. ред.) [и др.]. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–2015. – 21 вып.
7. ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы: 13 т. / НАН Беларусі, Ін-т мовы імя Я. Коласа; пад рэд. В.У. Мартынава. – Мінск, Беларус. Навука, 1978–2010. – 13 т.
8. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: в 39 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974–2014. – 39 вып.

ЯВЛЕНИЯ РАЗГОВОРНОГО СТИЛЯ ПРОИЗНОШЕНИЯ В РУССКОЙ УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

Л.П. Новикова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

В современной лингвистике изучение особенностей русской устной публичной речи в близкородственной двуязычной среде имеет важное практическое и теоретическое значение. Оно связано с рядом проблем теории языка, с такими явлениями, как двуязычие, интерференция родственных языков, разная степень устойчивости отдельных сторон языковой системы, соотношение в речевой практике узуса и кодифицированной нормы, влияние разговорной речи и т.д.

Усиление звуковой редукции является, по мнению многих исследователей (И.Б. Голуб, О.А. Лаптева, В.Н. Шапошников и др.), одной из характерных особенностей современной русской публичной речи. Как подчёркивает В.Н. Шапошников, фонетические изменения ярко характеризуют устную публичную речь и «складывающаяся картина не совсем похожа на то, что ранее академическая грамматика русского языка называла полным стилем» [1].

Цель исследования – определение в русской устной публичной речи г. Витебска распространенных явлений разговорного стиля произношения.

Материал и методы. Материалом исследования послужили записи фрагментов русской публичной речи жителей г. Витебска, прозвучавшей в региональных выпусках новостей (телеканалы «Скиф», «Беларусь-1», «Беларусь 2») и на различных собраниях, конференциях и заседаниях. В целом в ходе исследования проанализированы фрагменты русской устной публичной речи 153 респондентов. Общий объем фактического материала составляет 14 109 знаменательных и служебных слов.

Основными методами исследования являются метод анализа персонифицированных текстов, метод лингвистического описания, а также количественный метод.

Результаты и их обсуждение. Как известно, в кодифицированном литературном языке упрощение согласных главным образом происходит в группах, состоящих из трех звуков, в то время как в разговорной речи часто наблюдается упрощение и двойных консонантных групп, встречающееся преимущественно в высоко употребительной лексике. В результате проведенного исследования такое явление разговорного стиля произношения, как утрата одного из согласных двойных консонантных групп, зафиксировано в речи 13,7% респондентов. Например: [ш'ьп м'о́жн'ь] (*чтоб можно*) (председатель организации, 10.05.12, Скиф); [д'э́тъ] (*где-то*) (служащий в облисполкоме, 16.01.12, Б-1); [н'и то́къ] (*не только*) (служащий в райисполкоме, 02.10.13, собрание); [к'а́д'а] (*когда*) (директор ГУО, 20.02.12, Скиф) и др.

Как отмечает Е.А. Земская, «в разговорной речи наблюдается интересное явление, отсутствующее в полном стиле произношения кодифицированного языка, – сильная редукция согласных в положении между гласными. Это явление отчётливо обнаруживается в произношении некоторых широкоупотребительных форм глаголов, например: *видит* может быть произнесено как *виит*, *ходит* – *хоит*. Утрата согласного в положении между гласными в формах глаголов широко распространена в разговорной речи» [2, 37]. В проанализированном материале как явление разговорного стиля произношения также отмечено выпадение интервокальных согласных в повторяющихся словоформах, обусловленное стремлением говорящего к экономии речевых усилий при их произнесении. Так, большую часть указанных словоформ составляют следующие: 1) глагол-связка *быть* в различных формах (*будут*, *будем*, *будет*): [бу́ът] (*будет*), [бу́ъм] (*будем*) (заведующая ГУО, собрание, 04.10.12); [бу́ут] (*будут*) (служащий в горисполкоме, 15.06.12, Скиф) и т.д.; 2) *находится* (*находятся*): [н'а́х'о́ьц:ъ] (*находятся*) (служащий в райисполкоме, 05.03.12, Скиф); [н'а́х'о́ьц:ъ] (*находится*) (начальник центра информационных технологий, 05.03.12, Скиф) и т.д.; 3) *шестьдесят*, *пятьдесят*: [ш'ьис'а́т] (*шестьдесят*) (служащий в облисполкоме, 12.01.12, Б-2); [п'ьис'а́т] (*пятьдесят*) (доцент, 20.03.13, собрание) и т.д.

Кроме того, обращает на себя внимание тенденция к редукции интервокального [д']. Помимо представленных выше словоформ с указанной редукцией можно привести также следующие: [в'иит'ь] (*видите*) (профессор, 20.03.13, собрание); [п'р'а́во́ьцъ] (*проводится*) (профессор, 04.04.13, собрание) и др. Редукция интервокального [д'] зафиксирована в речи 13,7% респондентов. Указанному явлению разговорного стиля произношения способствует положение данного звука в однородном лексико-грамматическом материале (как конечного согласного

основы глаголов), а также заударная фонетическая позиция. В целом выпадение интервокальных согласных зафиксировано в речи 19% респондентов.

К явлению разговорного стиля произношения следует отнести также редукцию, ведущую к выпадению слогов. Данное явление зафиксировано у 19,6% респондентов. Например: [ʌсв'ид'эт'ьл'свѣн'ь] (освидетельствование) (служащий в УВД, 25.01.12, Б-2); [сʌнʉцтвѣль] (сопутствовала) (служащий в облгидромете, 22.03.12, Скиф) и т.д. Разговорное произношение таких часто употребительных слов, как *тысяча* ([тʲыш'ь]) и *сейчас* ([ш'ь:џ]), занимает в данной группе значительное место и составляет 47,5% от общего числа их употреблений в проанализированном материале.

В результате проведенного исследования установлено, что явления разговорного стиля произношения функционируют в устной публичной речи 50% респондентов.

Заключение. Распространение таких явлений разговорного стиля произношения, как редукция согласных и утрата слогов, в русской устной публичной речи образованных жителей г. Витебска указывает на необходимость повышения их языковой компетенции.

1. Шапошников, В. Н. Комиссия «Русский язык в средствах массовой информации» Совета по русскому языку при Правительстве РФ. Русский язык в эфире: проблемы и пути их решения [Электронный ресурс] / Научно-информационное агентство «Наследие отечества». – Режим доступа: http://old.nasledie.ru/obraz/7_217_2_2/article.php?art=35. – Дата доступа: 08.01.2018.
2. Земская, Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – М.: Наука; Флинта, 2004. – 240 с.

ЭКСТРАПАЛЯЦЫЯ НАРОДНАЙ КАРНАВАЛЬНАСЦІ НА КАЗАЧНЫ СТЫЛЬ У. КАРАТКЕВІЧА

*В.Ф. Падстаўленка
Віцебск, ВДУ імя П.М. Маішэрава*

Аналітычна ўзважваючы факты сучаснасці і драматычныя перыпетыі мінулага, У. Караткевіч у сваёй творчасці рупліва складаў матрыцу беларускай ментальнасці, унікальную і адначасна арганічную агульнасветавым культурным народазнаўчым традыцыям. Адным з найбольш істотных аб'ектаў у дадзеным працэсе з'яўляецца народная смехавая культура, названая вядомым вучоным М. Бахціным “дыялектыкай у вобразнай форме” [1, 428].

Як вядома, своеасаблівай квінтэсенцыяй народнай смехавой светабудовы выступае карнавал, бо “гэта само жыццё, па-святочнаму аформленае як мастацкая гульня, у якой рэальнасць на пэўны час супадае з ідэалам. А казка - гэта ўжо мастацкая “рэмінісцэнцыя” карнавалу, рэальны пачатак у ёй элімінуецца, жыццёвыя падзеі пераводзяцца ў сферу чыстай фантазіі” [2, 69].

Мэта артыкула: выявіць, як міфапаэтычныя матывы і агульная карнавалізацыя свету ў казцы “Чортаў скарб” Караткевіча ўплываюць на вобразную сістэму твора.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання ў артыкуле з'яўляецца твор “Чортаў скарб” названага беларускага пісьменніка. Асноўнымі для навуковага аналізу абраны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, структурна-тыпалагічнага і дэстрыптыўнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Казачныя падзеі ў творы ўдала карэлююцца з глыбокім ідэйным базісам, захоўваючы цікавасць і займальнасць мастацкага апаведу. У значнай ступені гэта дасягаецца дзякуючы майстэрскаму інтэграванню аўтарскага вымыслу, народных міфапаэтычных матываў і адпаведных вобразаў. У выніку казачны сюжэт, звязаны з вяртаннем селяніна Янкі ў родную хату, набывае дадатковыя сэнсавыя канатацыі, напаўняецца яркімі эпізодамі, важкімі ацэнкамі і высновамі наратара. Драматычная ў сваёй аснове гісторыя пра несправядлівых героя, якому няма спакою нават ва ўласным “мікрасвеце”, пасля казачнай “апрацоўкі” пісьменнікам становіцца вельмі прывабным мастацкім прыкладам.

Усе мастацкія кампаненты падпарадкаваны пісьменніцкай задуме прэзентаваць чарадзейна-казачны хранатоп як рэальную прастору, у якой, па-першае, магчыма ўсё, па-другое, архітэктоніка твора антынамічна ці, інакш кажучы, уяўляе сабой дыялектыку жыццёпадобнага і неверагоднага, драматычнага і камічнага і г.д. Такая мастацкая амбівалентнасць сугучна творчай канцэпцыі карнавалізацыі свету, у межах якой і здзяйсняецца ўвесь апавед.

Пачынаючы аналіз вобразнай сістэмы казкі, перадусім варта спыніцца на вобразе наратора, які генерыруе ўсю інфармацыйную плынь у казцы. Гэта ўнікальны персанаж: ён - маргінал на мяжы сапраўднага і казачнага светаў, сам непасрэдна не ўдзельнічае ў падзеях, аднак не толькі іх рэпрэзентуе, але і мадэлюе ў адпаведнасці з уласнымі мэтамі. Наратар пакідае за сабой права каментаваньня пэўных важных момантаў.

Раскрыццё галоўнага вобраза Янкі камбінуецца як з традыцыйных дадатных характара-лагічных адзнак (яго працавітасць, спагадлівасць, сувязь з зямлёй і Радзімай), так і з дыскусійных якасцей (залішняя цяжкінасць, пакорлівасць лёсу). Да першай атрыбутыўнай групы магчыма аднесці і незацікаўленасць персанажа ў грамадска-значных справах і яго перманентную летуценнасць: “Араў Янка зямлю, пасвіў каровы і хмары” [3, 5]. У выніку мадэлюецца адметны тып нацыянальнага героя - пасіўнага ў волевыяўленні рамантыка, самадастатковага ва ўласным мікрасвеце. Праз гумарыстычнае стаўленне да дадзенага героя аўтарам сцвярджаецца думка пра неабходнасць фрагментарнай “перакадзіроўкі” нацыянальнага характару.

Калі Янка з’яўляецца прыкладам, умоўна кажучы, неабсалютнага Добра, то бачыцца поўнасьцю лагічным увядзенне мастацкага вобраза неабсалютнага Зла - чорта. У рэцыпіентаў можа ўзнікнуць пытанне пра самую магчымасць узнікнення ў жыццёва верагоднай прасторы гэтага пратаганіста народнай дэманалогіі. Аднак у казачным хранатопе, арыентаваным на татальную карнавалізацыю, трывалыя межы паміж светам людзей і іншасветам становяцца неістотнымі, пераадольнымі. Пры дынамічнай дэтэрмінацыі фантастычнага і рэальнага светаў магчыма экспансія “чужынцаў”. А ў аналізуемым творы падзеі і разгортваюцца такім чынам: Янка апанаваны высокімі марамі, далёкімі ад штодзённай дзейнасці, а інфернальная прастора існуе па чалавечых законах: “на Беларусі тады яшчэ вадзіліся чэрці. І ў кожнага з тых чарцей было сваё месца працы” [3, 5]. На падставе адзначанага таксама бачна, што ў казцы з самага пачатку прадвызначылася інтэнцыя да дэдэманізацыі (камічнага зніжэння) адпаведных персанажаў.

Нагадаем, што па імператывах народнай карнавальнасці чорт з’яўляецца вястуном “вясёлага нізу”, пекла, а ў Караткевіча дадзены вобраз магчыма трактаваць і як аўтарскі тып героя-трыксцера, амбівалентнага персанажа са шматвектарнымі характарыстыкамі. Агульнавядома, што ў народнай смехавой культуры трыксцер сінтэзуе ў сабе розныя вобразныя мадыфікацыі: дурня, блазня і махляра (плута). Усе тры вобразныя мадэлі характарызуюць паводзіны чорта з даследуемай казкі.

Распрацоўваючы названы інфернальны вобраз з улікам мастацкага прыёма камічнага ачалавечвання, Караткевіч ускладняе сутнасць персанажа, рэдукуе яго адмоўнасць. У цэлым рэцэпцыя вобраза чорта ў казцы дынамічная, таму калі з пачатку чытач абураецца нахабствам гэтага героя, то пасля мядзвежага “пэравыхавання” ён выклікае смех і спачуванне. Варта адзначыць, што аналізаваны вобраз займае важнае месца ў творы, бо інфернальная дэструкцыя выконвае сюжэтаўтваральную ролю, а для дзіцячай чытацкай аўдыторыі гэты “шкоднік” з’яўляецца ўдалым антыпрыкладам.

Заўсёды ў сістэме народных чарадзеяна-казачных тыпаў асаблівую значнасць маюць героі-“выратавальнікі”. У “Чортавым скарбе” такімі можна лічыць павадыра, які тут ажыццяўляе функцыю *ініцыянавання дапамогі*, і мядзведзя з умоўнай мастацкай функцыяй *зброі справядлівасці*. Са з’яўленнем названых персанажаў агульны драматычны для пратаганіста аповед трансфармуецца ў камічны. А характар далейшых падзейных метамарфоз прагназуецца вясёлым вершам:

“Тупу-тупу-тупу,
Нясе Мішка ступу,
У ступе ўперамешку
Цукар і арэшкі,
Разынкі й цукеркі
У залатой паперцы.
Па шляхах, палетках
Нясе Мішка дзеткам
Салодкую ступу.
Тупу-тупу-тупу...” [3, 6].

Гэтая дзіцячая забаўлянка адразу настройвае на пазітыўны ход наступных падзей, акцэнтуюе ўвагу на матыве шчаслівага падарунку лёсу. Пры ўсёй неадназначнасці, рэалітыўнасці во-

бразаў “выратавальнікаў” доказна можна канстатаваць, што гэтыя героі “вялікага” свету, смелыя, творчыя, уважлівыя да праблем іншых. Такім чынам, ствараецца дастаткова парадаксальная сітуацыя, калі апалагетам “свайго” свету выступае не сам яго крэатар, а “чужынец”, дарэчы, таксама з элементамі персанажа-трыксера.

Заклучэнне. Такім чынам, шматпрыкладная вобразная сістэма казкі Караткевіча паказальна адлюстроўвае самабытную карэляцыю паміж народнымі карнавальнымі традыцыямі і непаўторным аўтарскім стылем.

1. Бахтин, М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. Бахтин. – М.: Художеств. лит., 1990. – 543 с.
2. Конан, У. Ля вытокаў самапазнання: станаўленне духоўных каштоўнасцей у святле фальклору / У. Конан. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 238 с.
3. Караткевіч, У. Вясна ўвосень: казкі / У. Караткевіч. – Мінск: Юнацтва, 2000. – 80 с.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЧЕЛОВЕКА В РУССКО-АНГЛИЙСКИХ СЛОВАРЯХ НАЧАЛА XX И XXI ВВ.

Т.Н. Петрашко
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Фразеология является отражением и инструментом воплощения уникальности культуры, мировидения народа, его мироощущения, оценок народом самих себя и других культур и этносов. Исследование фразеологического состава языка, структуры и семантики фразеологии представляет собой способ познания ментальности того или иного народа, его психологии, его траектории исторического, духовного и социального развития и мифологического мировоззрения через реконструирование его мировоззренческой системы. Немаловажным является тот факт, что фразеологию в современной лингвистике принято считать наиболее архаичным пластом лексического состава языка. Одним из аспектов доказывающих это является статичность фразеологии. Наши наблюдения, однако, показывают, некоторую несостоятельность такого рода утверждений. Для верификации выдвигаемой гипотезы следует обратиться к изучению лексикографических источников фиксации фразеологии, что и предопределило цель настоящего исследования – выявить динамику количественных изменений состава фразеологической лексики в русско-английских словарях начала XX и XXI вв.

Материал и методы. Материалом исследования послужили фразеологические единицы со значением личностных характеристик человека, отобранные методом сплошной выборки из следующих словарей начала XX и XXI вв.: «Полный русско-английский словарь», составленный А. Александровым, (1929 г.) и «Новый русско-английский словарь» (составитель В.К. Мюллер, 2008 г.). Общее количество проанализированных словарных статей составило 122 единицы. Кроме того, методологическую базу исследовательской деятельности составили методы сравнительно-сопоставительного и корпусного анализа.

Результаты и их обсуждение. Количественный анализ корпуса практического материала свидетельствует о том, что в обоих словарях репрезентативность рассматриваемой группы фразеологических единиц примерно одинакова: 60 единиц в «Полном русско-английском словаре» А. Александрова и 62 единицы в «Новом русско-английском словаре» В.К. Мюллера. Качественный анализ отобранных фразеологических единиц позволил разделить выделенные фразеологизмы на две основные группы:

– фразеологические единицы, представленные в обоих словарях;

– фразеологические единицы, представленные в одном из словарей.

К первой группе можно отнести следующие пары фразеологических единиц:

Волос долог, да ум короток – long hair and short wit;

У бабы волос долог, да ум короток – a woman's hair is long, but her wit is short;

Старого воробья на мякине не проведёшь – an old bird is not caught with chaff;

Старого воробья на мякине не обманеешь – there is no catching old birds with chaff;

У него горячая голова – he is hot-headed;

У него горячая голова – he is hot-headed.

Данная группа фразеологизмов представлена в корпусе фактического материала 40 парами фразеологических единиц, что, соответственно, составило 66% от общего количества проанализированных примеров.

К группе фразеологических единиц, не совпадающих в рассмотренных словарях, были отнесены те фразеологизмы, которые представлены только в одном из проанализированных справочных изданий и отсутствующие в другом. Примерами фразеологических единиц данной группы могут выступать следующие:

а) в «Полном русско-английском словаре», составленном А. Александровым, не представлены следующие фразеологизмы:

- Ангел во плоти – an absolute angel;*
Стреляный воробей – old bird (stager);
Гадкий утенок – ugly duckling;
Старая гвардия – the old guard;
Добрый гений – good genius;
Он не робкого десятка – he is no coward;
Длинный язык – long tongue;
Маг и волшебник – wonder;
Продувная bestия – rogue;
Ранняя птишка – early bird;
Собака на сене – dog in the manger;
Сидит как сыч – he is like an owl in an ivy-bush, he looks gloomy.

К данной подгруппе фразеологизмов было отнесено 22 единицы.

б) следующие фразеологизмы представлены в «Полном русско-английском словаре» А. Александрова, но отсутствуют в «Новом русско-английском словаре» (составитель В.К. Мюллер):

- Блудлив как кошка, труслив как заяц – thievish as a cat and timid as a hare;*
Ему сам черт не брат – he will set the devil at defiance;
Мягкий человек – a mild man;
Мягко стелет, да жестко сплет – sweet as honey and bitter as gall, honey tongue, heart of gall;
Он с душком – he is freakish;
Это золотой человек – worth his weight in gold;
Гром не грянет, мужик не перекрестится – without a warning a peasant will not be careful;
Кривая душа – a person without conscience.

Данная подгруппа фразеологических единиц представлена 20 примерами.

Группа фразеологических единиц, не совпадающих в проанализированной паре словарей, включает в себя 42 фразеологизма, что составило 34% от общего количества проанализированных примеров.

В количественном отношении репрезентативность выделенных в результате сопоставительного анализа русско-английских словарей начала XX и XXI вв. групп фразеологических единиц со значением характеристики человека можно представить в виде следующей таблицы (Таблица 1)

Таблица 1. Репрезентативность ФЕ со значением характеристики человека в словарях

Группа	Количество	%
фразеологические единицы, представленные в обоих словарях	80	66%
фразеологические единицы, представленные в одном из словарей, в т.ч.	42	
- только в «Новом русско-английском словаре» (сост. В.К. Мюллер)	22	34%
- только в «Полном русско-английском словаре», составленном А. Александровым	20	

Закключение. Таким образом, количественный анализ представленности фразеологических единиц, репрезентирующих личностные характеристики человека, в русско-английских словарях начала XX и XXI вв. свидетельствует об относительной устойчивости фразеологического состава лексики. Цифровые данные показывают, что за столетний период из активного паремиологического фонда языка исчезло около 1/3 фразеологических единиц, а выявленные примеры указывают и на некоторые смещения в их лексическом составе.

Пад афарызмам мы разумеем выказванне, якое перадае лагічна закончаную думку (суджэнне) – жыццёвае назіранне, заклік, маральную сентэнцыю, параду, разважанне і г.д., выражаную абавязкова ў яскравай, трапнай і лаканічнай слоўнай форме. Найчасцей афарызмы ўваходзяць у склад мастацкіх, публіцыстычных, філасофскіх твораў. Вывучэнне афарызмаў актуальнае для спасціжэння сэнсавай арганізацыі тэкстаў, рэканструкцыі моўнай карціна свету народа.

Мэта артыкула – на аснове беларускіх мастацкіх афарызмаў вызначыць сэнсвае напайненне ключавых сацыяльных канцэптаў *Радзіма, народ, мова, воля* метадамі суцэльнай выбаркі, апісальным, метадам кампанентнага аналізу.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для нашага даследавання паслужылі хрэстаматыйныя тэксты беларускай літаратуры. У дадзенай працы выкарыстаны элементы канкрэтнагістарычнага, структурна-тыпалагічнага і дэскрыптыўнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. Пад канцэптам большасць даследчыкаў разумее лінгваментальнае ўтварэнне, вербалізаваны культурны сэнс, які мае імя/імёны ў мове і ўключае ў сябе значэнне, культурныя канатацыі, паняцце і вобраз, што ляжыць у аснове наймення. Устаноўлена, што ключавымі канцэптамі становяцца толькі тыя з’явы рэчаіснасці, якія актуальныя і каштоўныя для дадзенай этнакультуры, маюць вялікую колькасць моўных адзінак для сваёй фіксацыі, рэпрэзентуюцца ў тэме парэмій, мастацкіх тэкстаў, неаднаразова рэалізуюцца ў іншых відах мастацтва. У беларускай літаратуры такімі ключавымі сацыяльнымі канцэптамі з’яўляюцца *Радзіма, народ, мова, воля*.

Канцэпт – аксіялагічнае і культурна-спецыфічнае па сваёй прыродзе ўтварэнне. Культурная і ментальная спецыфічнасць канцэпту *Радзіма* выяўляецца ў тым, што пісьменнікі адмаўляюць для беларусаў бязладную міграцыю, для беларусаў не характэрна бясконцае блуканне; стабільны, сталы, ураўнаважаны элемент пераважае ў складзе нацыянальнай псіхікі і мыслення: *Лепш грызці зямлю ў родным кутку, чым каб цябе ліхім ветрам кідала па чужым свеце* (К. Чорны. Пошукі будучыні); *Продкі ані мае, ні твае / Сваёй зямлі не мянялі* (Р. Барадулін. Самота паломніцтва); *От навук для тваіх дзяцей. Моцна ж накажы ты ім, дружа, каб не лёталі дарэмна па свеце, не бадзляся: у сваім родным кутку работы досыць для кожнага* (Я. Колас. Хмаркі). Як адзначае В.А. Маслава, “беларусы – менш схільныя да перамяшчэнняў, гэта дастаткова аседлая нацыя, сярод іх нават зараз амаль няма эмігрантаў. А вымушаная эміграцыя цяжка перажываецца імі” [3, 66].

І разам з тым *чужына* (гэтае паняцце вербалізуецца праз моўныя адзінкі *чужына, чужая прастора, чужы свет*) як супрацьлеглае паняцце *Радзімы* часта паказваецца з негатыўнай канатацыяй у афарызмах беларускіх пісьменнікаў: *Далёкая старонка без ветру сушыць* (В. Казько. Неруш); *На чужой зямлі без каранёў і палын не расце* (В. Казько. Неруш); *Я не ганю землі чужыя – / Хай іх сонца не абміне. / Толькі дзе б за морам ні жыў я, / Беларусь мая снілася мне* (Г. Бураўкін. Я не ганю землі чужыя); *Хто ж з краёў далёкіх не сумуе па сваіх ваколіцах? Там нашыя жаданні і думкі жывуць; туды хацеў бы ляцець я на крылах!* (Я. Баршчэўскі. Шляхціц Завальня).

Канцэпты *Радзіма* і *народ* цесна ўзаемазвязаны: у беларускіх афарызмах закранаецца тэма захавання гісторыі роднай краіны для захавання нацыі. Асабліва актуалізуецца тэма самавызначэння ў кантэкстах мастацкіх твораў канца ХХ – пачатку ХХІ ст., калі ва ўмовах глабалізацыі, міграцыі і сцірання этнічных межаў беларусам важна захаваць сваю самабытнасць: *Народ сябе пазнаць павінен! / Народ – не зборшыча, не гурт, / Ён мусіць мець – інакш загіне! – / Усведамлення цвёрды грунт. / Калі ён сам сябе ўсвядоміў, / Сваю гісторыю, свой лёс, / Свае правы ва ўласным доме, – / Тады – народ, тады – ён ёсць* (Н. Гілевіч. Родныя дзеці); *Вазьмі ў звычай, сын герояў і багоў, / Не пагарджаць святым сваім мінулым, / А заслужыць яшчэ, і вартым быць яго* (У. Караткевіч. Беларускае мінулае).

Самая яскравая рыса беларусаў – мірны характар, добрыя адносіны да іншых народаў, што вербалізуецца ў мастацкай афарыстыцы: *Па агульным назіранні, беларусам прыродна ўласцівая павага да іншых народаў і памяркоўнасць да таго, хто думае іначай* (У. Караткевіч. Зямля пад белымі крыламі); ...); *Ёсць за што, ёсць за што / І народу майму ганарыцца: / Не*

хадзіў і не лез ён / На землі чужыя вайной (Ю. Свірка. Верны крэўнаму брацтву). Гісторыя пацвярджае, што беларусы ніколі не вызначаліся грубай агрэсіўнасцю ў стасунках нават з тымі людзьмі, якія да іх адносіліся часам нядобразычліва. У характары беларусаў – схільнасць да бесканфліктнага вырашэння праблем.

Адзін з першых пісьмовых афарызмаў, у якім вербалізуецца канцэпт *мова*, – урывак са Статута Вялікага Княства Літоўскага, у якім ідзе гаворка пра старабеларускую мову як мову дзяржавы і закона: *Любому народу сорам не ведаць сваіх законаў, а нам жа асабліва, бо законы нашы выкладзены не на нейкай чужаземнай мове, а на сваёй роднай, і мы маем магчымасць звярнуцца да іх у любы час, даведацца, якім менавіта законам бараніцца супраць усялякай крыводы* (Зварот Льва Сапегі да ўсіх саслоўяў Вялікага Княства Літоўскага (з нагоды выдання Статута 1588 г.).

У афарыстычнай форме пісьменнікі нагадваюць пра немагчымасць існавання беларусаў як этнасу без роднай мовы на прыкладзе іншых народаў: *Шмат было такіх народаў, што страцілі найперш мову сваю, так як той чалавек прад скананнем, катораму мову зойме, а потым і зусім замёрлі. Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмёрлі!* (Ф. Багушэвіч. Прадмова да зборніка “Дудка беларуская”); *Мейце сілу і адвагу дзяржацца роднага слова. Мейце смеласць усюды голасна казаць па-свойму. І, гледзячы на вас, асмеляцца і іншыя* (Цётка. Шануйце роднае слова).

У афарызмах беларускіх пісьменнікаў мова выступае як найкаштоўнейшы нацыянальны здабытак: *Кожны народ мае хаця б адзін геніяльны твор, і гэты твор – мова* (А. Разанаў); *Наша мова для нас святая, бо яна нам ад Бога даная* (Ф. Багушэвіч);

Як паказвае тэматыка беларускіх мастацкіх твораў, яшчэ адным каштоўным здабыткамі беларускага народа з’яўляецца *воля*, а таму лексічная апазіцыя *свабоды – няволя – уяўляецца бядой, цяжкім выпрабаваннем: Мудрацы розных часоў лічылі, што ў кожнай дзяржаве прыстойнаму чалавеку даражэй за ўсё на свеце яго свабода. Няволя ж настолькі агідная, што ад яе трэба пазбаўляцца ўсімі сродкамі. Таму людзі, якія паважваюць сябе, не павінны шкадаваць ні маёмасці, ні нават свайго жыцця, каб не трапіць пад жорсткую ўладу няволі. А тыя, хто зрабіўся паднявольным, але мае свабодалюбівы характар, таксама не павінны цярпець над сабой непрыяцеля. І не толькі нейкага чужаземца, да якога трапілі ў палон, але і свайго тутэйшага* (Леў Сапега. Прадмова да Статута 1588 г.); *Бог барані, калі нас перамогуць прышэльцы, / Лепш ужо смерць нам усім без пары, чым такая / Доля – жыццё пад’ярэмнае ў чорнай няволі* (М. Гусоўскі. Песня пра зубра); *Лепш змагацца вольным, браце, / Чым цярпець ды гнуцца!* (Я. Колас. Будзь цвёрды).

Заклучэнне. Такім чынам, вылучаныя намі афарызмы з твораў мастацкіх твораў, яскрава сведчаць, што ключавыя сацыяльныя канцэпты *Радзіма, народ, мова, воля* валодаюць вялікай аксіялагічнай значнасцю ў беларускай нацыянальнай карціне свету: *Мой родны кут, як ты мне мілы!* (Я. Колас), *Свабода – найвышэйшая маральная каштоўнасць* (В. Быкаў) і г. д. Засваенне мастацкай літаратуры, яе багатай вобразнасцю і афарыстычнай мовы – сродак пранікнення ў культуру і ментальнасць беларускага народа.

1. Беларуская літаратурная спадчына : анталогія. У 2 кн. Кн. 1 / уклад. П.М. Лапо [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 944 с.
2. Беларуская літаратурная спадчына : анталогія. У 2 кн. Кн. 2 / уклад. С.А. Курбанова [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 1029 с.
3. Маслова, В.А. Национальный характер сквозь призму языка : монография / В.А. Маслова. – Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011. – 76 с.

ТЭМАТЫЧНА-ВОБРАЗНЫ СВЕТ ПАЭЗІІ УЛАДЗІМІРА ПАПКОВІЧА

*І.В. Саматой
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

Уладзімр Папковіч – беларускі паэт, перакладчык, актыўная і самабытная творчая дзейнасць якога прыпадае на 60-ыя гады ХХ – пачатак ХХІ стагоддзя і не губляецца ў багатай на таленты прасторы нацыянальнага прыгожага пісьменства. Створаная паэтам мастацкая мадэль свету нясе ў сабе адбітак асабіста перажытага, маральную далучанасць да жыцця народа, павя-

гу да спаконвечных маральных каштоўнасцей, высокую культуру пачуццяў, шырыню інтэлекту.

Мэтай нашага артыкула з'яўляецца вызначэнне спецыфікі тэматычна-вобразнага свету паэзіі У. Папковіча.

Матэрыял і метады. Матэрыял дадзенага даследавання – вершы са зборнікаў У. Папковіча “На тым стаю” (2004), “Як ёсць...” (2015), “На шалях лёсу” (2017). Метады даследавання: культурна-гістарычны, параўнальна-сапастаўляльны, герменеўтычны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Ключ да разгадкі творчасці пісьменніка, згодна з літаратурна-наўчымі меркаваннямі, знаходзіцца ў яго радаводзе, яго псіхабіяграфіі. Нарадзіўся У. Папковіч 25 сакавіка 1935 года ў вёсцы Дварэц на Вілейшчыне ў сялянскай сям’і. Перажыў ваеннае ліхалесце, арышт бацькі па лжываму даносу, цяжкія гады сіроцтва. Вучыўся у Ільянскай сярэдняй школе Вілейскага раёна, а ў 1953 годзе стаў студэнтам факультэта нямецкай мовы Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута замежных моў. Пасля заканчэння інстытута працаваў выкладчыкам нямецкай мовы і перакладчыкам тэхнічнай літаратуры ў розных навучальных і дзяржаўных установах Мінска. З 1966 года жыве і працуе ў Віцебску. З 1982 года – старшы выкладчык, пазней загадчык кафедры нямецкай мовы ВДУ імя П.М. Машэрава. У дадзены час знаходзіцца на заслужаным адпачынку. Аўтар паэтычных зборнікаў “На досвітку” (1978), “Зерне” (1982), “Самы кароткі цень” (1988), “На тым стаю” (2004), “Вы будзеце смяцца...” (2008), “Рэшта” (2010), “Пасля свята” (2013), “Як ёсць...” (2015), “На шалях лёсу” (2017). Перакладаў з нямецкай мовы на беларускую творы Ё. Бэхера, Р. Крафта, Ф. Шылера, Э. М. Рэмарк, Ш. Цвайга, В. Гаўфа і інш. Перастварыў на нямецкую мову паэму К. Вераніцына “Тарас на Парнасе” (2003).

У. Папковіч прыйшоў у літаратуру адначасова з пакаленнем “шасцідзясятнікаў”: Р. Барадуліным, Г. Бураўкіным, А. Вярцінскім, В. Зуёнкам, але творчая спеласць, плённая праца прыпала на сталыя гады жыцця. Пра гэта ён засведчыў у радках верша: “Мы рамантыкі з шасцідзясятых, // Дзеці крохкай адліжнай пары...” [3, с.42] Друкавацца пачаў з 1962 года на старонках рэспубліканскіх часопісаў “Нёман”, “Маладосць”, “Полымя”, альманахах “Далягляды”, “Братэрства” і інш. Сацыяльныя і палітычныя падзеі часу (вайна, сталінскія рэпрэсіі, унутраныя і знешнія абставіны) абумовілі ідэйна-тэматычную накіраванасць лірыкі, галоўныя мастацкія рысы і асаблівасці. Лірычны герой У. Папковіча назаўсёды захоўвае ў душы павязь з малой Радзімай, яе ваколіцамі і людзьмі, кіруецца маральнымі заветамі бацькоў: “Я не забыўся, дзе мой родны дом...” [1, с.5]. Ужо ў першых паэтычных кнігах знайшлі свой адбітак многія аўтабіяграфічныя матывы: дзіцячыя ўспаміны пра вайне, вясковыя гісторыі, студэнцкія гады, краявіды Вілейшчыны з паземкавымі і чарнічнымі барамі:

Паміж Вілейкай і Лагойскам –

Па сорок вёрст ў два бакі –

Стаіць маленечкая вёска,

Дзе хаткі, як баравікі [1, с. 7].

Улюблены матыў вяртання ў былое гучыць ў вершах з характэрнымі назвамі: “Усё адтуль”, “Пішу, як дома гаварылі”, “Тут, Кажуць, вёсачка была”, “Вокнамі празрыстымі хата падміргне”, “У кожнага ёсць сакральнае”. З-пад пяра пэта выйшаў шчыры гімн беларускай вёсцы, стваральніцы і захавальніцы адвечных маральных каштоўнасцей:

Ад гучнай фразы да маленькай коскі

Я навучыўся грамаце ўсёй

У непрыкметнай беларускай вёсцы,

Настаўніцы, дарадчыцы маёй [2, с. 6].

Крэўная знітаванасць з вясковым светам (“Лічы мяне часцінкай невялічкай // Тваёю, родны край! // Прэч не гані!” [2, с. 6]) становіцца яго жыццёвым вопытам, эстэтычнай асновай творчасці. Паэт не карыстаецца ўскладненай асацыятыўнасцю, звыклай прастата традыцыйных памераў яго лірыкі хавае ў сабе глыбокі духоўны сэнс і сапраўдную эстэтычную культуру, выяўляе дакладную кардыяграму жыцця творцы, здольнага на глыбокае самавыяўленне.

Для паэта вобраз маці-Радзімы нязменна асацыіруецца з вобразам роднай маці, Волгі Антонаўны, шматдзетнай жанчыны-ўдавы, якая “ўмерці душы не дала” [3, с.50]. Для сына яна найпершы настаўнік жыццёвай школы, урокаў любові, дабрыні, чалавечай спагады: “Сперажыся злых людзей, сыноч... // Не судзі нікога вельмі строга” [2, с.13]. Успамін пра маці – у вершах “Не забудзіся ў сабе”, “Дома”, “Ёсць свой куточак і ў мяне”, “Тут мама прыснілася мне” і інш.

Побач з вобразам маці, феноменам яе нязгаснай любові, суіснуе ў творчасці паэта тэма кахання. Лірычнаму герою ўласцівы самыя розныя пачуцці: ад бязмежнага здзіўлення перад цудам жаночага характа, радасці кахання да распачы, расчаравання, забыцця. У інтымнай лірыцы аўтара сустакуюцца наступныя жаночыя вобразы: таямнічая незнаёмка (“Не маўчы, незнаёмка, скажы...”, “Ты адкуль, прыгажуня такая?...” “Мне падалося: ты міргнула”), каханая (“Ты кахала мяне, ты туліла мяне”, “Вар’яцею ад твайго пагляду”), забытая жанчына (“Часам зусім без прычыны”, “Нам размаўляць ужо няма пра што”), жанчына-Мадонна (“Летні верш”, “Дзяўчынка натхнёна спявала ў хоры”). Узорам інтымнай лірыкі заслужана можна палічыць верш “Жанчына тонка адчувае характа”. Высокая культура ўнутранага пачуцця, эмацыянальная напоўненасць, далікатнае адчуванне жаночай прыроды, сцісласць і дакладнасць слова – важнейшыя рысы лепшых вершаў паэта пра каханне.

Плэннымі для У. Папковіча, як у колькасным, так і ў плане мастацка-пошукавым з’віўся пачатак новага стагоддзя, Асноўнай ў творчасці паэта стала філасофская лірыка. У разважаннях пра лёс і прызначэнне чалавека аўтар спрабуе асэнсаваць вечныя праблемы людскога існавання, маральныя каштоўнасці жыцця, якія ў сучасным свеце лічацца нямоднымі: “Не дабрывня, а злосны дух // запаланіў людскія сэрцы” [2, с.33]. Філасофскімі матывамі прасякнуты зборнік “На шлях лёсу” (2017), у вершах якога выразна адчуваецца спавядальнасць радка, заглыбленасць ва ўнутраны свет чалавека, аналіз уласнай існасці На няўтульным, урбаністычным скразняку памежжа стагоддзяў, лірычны герой, былы вясковец, сёння гараджанін-інтэлегент падводзіць рахункі пражытага, разважае пра свой драматычны “завейны” лёс (вершы “Залічыце мяне да вар’ятаў”, “Ніхто не вечны на зямлі”, “Мой шлях няпэўны быў”, “Жыццё будзённае меню”, “Здавалася, душа перахварэла”, “Мой лёс – галера і прастол”). У кнізе нярэдка гучыць матыў адзіноты, адчужанасці, душэўнага дыскамфорту. Вельмі адчувальныя ў сённяшняй паэзіі віцебскага творцы рэлігійна-медытатывыя роздумы. Паэт імкнецца да боскага ў сабе, шукае выратаванне ў малітве, у несупынным унутраным руху да Бога:

Малю Цябе ад ранку і да ночы,
Пазбаў, Гасподзь, мой край ад духаў злых.
О, Бог, адкрыў сляпым на праўду вочы,
Вярні глухім да слоў сакральных слых [2, с. 79].

У сувязі з вастрынёй нацыянальнай праблемы, занябанасцю роднай мовы ўзрастае эстэтычная вартасць такіх вершаў, як “О, наша мова...”, “Народнае роднае слова”, “Пішу, як дома гаварылі”. У адносінах да мовы, ў пастаяннай прыхільнасці да сакральнага слова – прынцыповая грамадзянская пазіцыя паэта.

У. Папковіч – чалавек добразычлівы ў адносінах да сяброў, пісьменнікаў, і гэта, напэўна, адна з прычын, што ён часта звяртаецца да жанру прысвячэння. Шчырыя радкі адрасуюцца В. Быкаву, Р. Барадзіліну, Я. Сіпакову, Д. Сімановічу, А. Канпельку, С. Рублеўскаму, Ф. Гумену і інш. Туга па страчаным і няздзейсненым, разважанні пра творчасць – гэта той пачуццёвы вопыт, якім магчыма падзяліцца з сябрамі.

Заклучэнне. Такім чынам, даследуючы тэматычна-вобразны свет паэзіі У. Папковіча, можна зрабіць наступныя вывады. Тэматычная прастора творчай спадчыны паэта з архетыповым вобразамі роднага дома, маці, каханай, душы, мовы з грамадзянска-публіцыстычнымі, філасофска-медытатывымі матывамі і жыццяцвярджальным пафасам захапляе перш за ўсё жыццёвай мудрасцю і шчырай спавядальнасцю, дакладнасцю ўласна-біяграфічнага і эмацыянальнага вопыту, пільнай увагай да нюансаў чалавечага быцця.

1. Папковіч, У. На тым стаю / У. Папковіч. – Віцебск: Віцебская абласная друкарня. – 2004. – 223 с.
2. Папковіч, У. На шлях лёсу / У. Папковіч. – Віцебск: Копі-цэнтр “Колер”. – 2017. – 107с.
3. Папковіч, У. Як ёсць... / У. Папковіч. – Мінск: Медысон. – 2015. – 103 с.

ЛАГІЧНАСЦЬ ЯК КАМУНІКАТЫЎНАЯ ЯКАСЦЬ ТЭКСТАЎ РОЗНЫХ СТЫЛЯЎ

*Г.К. Семьянкова
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

Да камунікатывыя якасцяў маўлення адносяцца яго правільнасць, дакладнасць, лагічнасць, чысціня, дарэчнасць, багацце, сцісласць, выразнасць і вобразнасць. Лагічнасць праду-гледжвае паслядоўнасць, несупярэчлівасць і аргументаванасць выкладання думак. Гэтая ка-

мунікатыўная якасць характарызуе структуру маўлення, яе арганізацыю і ацэньвае сэнсавыя аб'яднанні маўленчых адзінак з пункту погляду законаў логікі і правільнага мыслення.

Мэта артыкула – выяўленне прычын алагічнасці ў тэкстах розных стыляў.

Матэрыял і метады. Матэрыялам паслужылі прыклады (агульная колькасць – 50 адзінак), выбраныя аўтарам з тэкстаў афіцыйна-справавога, навуковага, мастацкага, публіцыстычнага, размоўнага стыляў. Для ілюстрацыі парушэнняў лагічнасці маўлення выкарыстаны апісальны метады даследавання

Вынікі і іх абмеркаванне. Для дасягнення лагічнасці мыслення і выказвання трэба, каб яны адпавядалі асноўным лагічным законам – закону тоеснасці, супярэчлівасці, выключэння трэцяга, дастатковага абгрунтавання.

Паводле *закона тоеснасці* кожная думка ў працэсе аднаго абмеркавання павінна заставацца нязменнай, захоўваючы адзін і той жа сэнс. Гэта значыць, што прадмет думкі на працягу ўсяго выказвання павінен заставацца нязменным. Тыповая памылка – падмена паняцця або тэзіса, калі прамойца змяняе тэму і пачынае гаварыць пра іншае. Лагічнай памылкай будзе, напрыклад, пры характарыстыцы спартыўных здольнасцяў студэнта, якога збіраюцца ўключыць у зборную ўніверсітэта (факультэта) па валеболе, ацэньваць яго поспехі ў вучобе, самадзейнасці або грамадскай дзейнасці.

Прыкладам парушэння закона тоеснасці з'яўляецца змешванне амонімаў, а таксама розных значэнняў мнагазначнага слова, што вядзе да двухсэнсоўнасці: *Маці сказала сыну, што трэба паліць траву* (паліць¹ ад ліць 'намачыць'; паліць² 'спальваць'); *Студэнты праслухалі тлумачэнне прафесара* (праслухаць – 1) 'выслухаць ад пачатку да канца', 2) 'слухаючы, не ўспрыняць, не пачуць'.

Паводле *закона супярэчлівасці* два супрацьлеглыя выказванні пра адзін і той жа прадмет, узятыя ў адзін і той жа час і ў адных і тых жа адносінах, не могуць быць адначасова праўдзівымі. Напрыклад, калі з дзвюх думак *Залік прызначылі на заўтра* і *Залік прызначылі не на заўтра* адна сапраўдная, то другая – несапраўдная.

Тыповая памылка – размяшчэнне ў адным тэксце сказаў, у якіх сцвярджаецца супрацьлеглае: 1) *Эдуард зразумеў, што жаніцьба з Антанінай была, мусіць, несур'ёзным крокам.* 2) *Астрамірава Евангелле аздоблена вялікімі мініяцюрамі.*

З законам супярэчлівасці звязаны *закон выключэння трэцяга*: з двух супрацьлеглых выказванняў адно праўдзівае, другое – не, а трэцяга не дадзена. У прадметаў аб'ектыўнага свету якая-небудзь прыкмета прысутнічае або адсутнічае. Так, напрыклад, з двух меркаванняў *У птушкі ёсць крылы* і *У птушкі няма крылаў* першае праўдзівае, другое непраўдзівае, а трэцяга, прамежкавага паміж гэтымі двума, быць не можа.

Не могуць быць адначасова праўдзівымі два тэзісы, вылучаныя ў межах сказа *Месяц – гэта маленькая планета і спадарожнік Зямлі*, бо планетай з'яўляецца нябеснае цела, якое круціцца вакол зоркі, спадарожнікам – нябеснае цела, якое круціцца вакол планеты. Таму Месяц не можа быць адначасова планетай і спадарожнікам.

Тыповыя памылкі – гэта ўдакладняльныя выказванні, якія супярэчаць аднаму з выказванняў. Разгледзім прыклад: *У іх зусім не было зброі. На пярэтых толькі два пісталеты і адна граната.* Выпраўлены варыянт можа выглядаць наступным чынам: *У іх было мала зброі. На пярэтых толькі два пісталеты і адна граната.*

Паводле *закона дастатковага абгрунтавання* ўсякая праўдзівая думка павінна быць абгрунтавана іншымі думкамі, праўдзівасць якіх ужо даказана. На гэтым законе грунтуецца важны юрыдычны прынцып – прэзумпцыя невінаватасці. Тыповая памылка – сцверджанне, якое не даказана ні прыкладамі, ні разважаннямі.

Дасягненню лагічнасці спрыяе правільная пабудова доказу, які складаецца з трох элементаў: *тэзіс* (думка, якую трэба даказаць), *аргументы* (палажэнні, з дапамогай якіх абгрунтоўваецца, даказваецца тэзіс), *дэманстрацыя*, або *форма доказу* (спосаб лагічнай сувязі паміж тэзісам і аргументамі, выяўленне сапраўднасці тэзіса).

Размяжоўваюць некалькі відаў аргументаў: 1) правяраныя адзінкавыя факты (фактычны матэрыял: статыстычныя дадзеныя аб насельніцтве, тэрыторыі дзяржавы, выкананні плана, колькасці ўзбраення, паказанні сведкаў, подпісы на дакументах, навуковыя дадзеныя, навуковыя факты). Роля фактаў у абгрунтаванні палажэнняў, у тым ліку навуковых, вялікая. Цаной дзясяткаў тысяч праведзеных вопытаў, збору навуковых фактаў І.У. Мічурын стварыў стройную сістэму выяўлення новых гатункаў раслін. Спачатку ён захапіўся працамі па акліматыза-

цыі паўднёвых і заходнеўрапейскіх пладовых культур ва ўмовах сярэдняй паласы Расіі. Шляхам гібрыдызацыі ён здолеў стварыць звыш за 300 гатункаў пладовых і ягадных культур. Гэта яскравы прыклад таго, як сапраўдны навуковец збірае і апрацоўвае велізарны фактычны матэрыял; 2) азначэнні; 3) аксіёмы – меркаванні, якія прымаюцца ў якасці аргументаў без доказу; шырока прымяняюцца ў матэматыцы, механіцы, тэарэтычнай фізіцы, матэматычнай логіцы і іншых навук; 4) раней даказаныя законы навукі і тэарэмы.

Тэзіс: кошкі былі прыручаны чалавекам пазней за сабак. Аргументы: 1) раскопкі культурных слаёў паказалі, што рэшткі шкілета сабак сустракаюцца ў паселішчах чалавека-паляўнічага; рэшткі шкілета котак з'яўляюцца толькі тады, калі чалавек стаў займацца земляробствам (кошкі выкарыстоўваліся для барацьбы з грызунамі); 2) паляванне з'яўляецца больш старажытным, чым земляробства, заняткам чалавека.

Для абвяржэння тэзіса факты іграюць таксама вялікую ролю. Напрыклад, каб абвергнуць тэзіс *На Венеры можа існаваць арганічнае жыццё*, дастаткова прывесці наступныя дадзеныя: тэмпература на паверхні Венеры 470–480 °С, ціск – 95–97 атмасфер. Гэтыя факты сведчаць пра тое, што жыццё на Венеры немагчымае.

З пункту погляду моўнай культуры небяспечнымі з'яўляюцца прыхаваныя алагізмы: *Быў арганізаваны наказ слайдаў аб развіцці гарадоў і культуры Францыі*. Няправільна арганізаваны рад аднародных членаў: паняцці *горад і культура* аб'яднаны злучнікам «і».

Прычынай nelaгічнасці выказвання можа стаць падмена паняцця, якая часта ўзнікае ў выніку няправільнага словаўжывання: *Дрэнна, калі ва ўсіх кінаатрахах горада дэманструецца адна і тая ж назва фільма*. Вядома, дэманструецца фільм, а не яго назва. Можна было напісаць *Дрэнна, калі ва ўсіх кінаатрахах горада дэманструецца адзін і той жа фільм*.

Важнай умовай стварэння лагічнага выказвання з'яўляецца правільны парадак слоў. Вось прыклад няўдалага словаразмяшчэння ў сказе: *Нагадваю бацькам, што без пуцёвак дзеці на ўсе базы адпачынку не прымаюцца*. Гэты сказ можна выправіць наступным чынам: у пачатак вынесці акалічнасць месца і зняць слова *ўсе*: *На базы адпачынку дзеці без пуцёвак не прымаюцца*.

Асабліва часта выкарыстоўваюць родавае найменне замест відавочна, што пазбаўляе маўленне лагічнасці: *У пакоі стаялі сталы, крэслы, мэбля з чырвонага дрэва* (відавочна, аўтар меў на ўвазе, што першыя прадметы не былі зроблены з чырвонага дрэва, але ўсё роўна такое спалучэнне недапушчальнае). *Трэба падумаць аб кармах на зіму для жывёлагадоўлі* (трэба корм для жывёл, жывёлы).

Заклучэнне. Такім чынам, логіка падчас выступлення з'яўляецца ўмовай паспяховасці зносін. Яна забяспечвае ўменне зразумела выказаць думкі, даказваць і аргументаваць сфармуляваныя тэзісы, спрачацца з існуючым або неіснуючым апанентам, аспрэчваць антытэзісы, антыаргументы, памылковыя думкі і ідэі. Выступоўца сам павінен верыць у праўдзівасць тых думак, якія ён даводзіць да слухачоў.

ОТАНТРОПОНИМНЫЕ НАЗВАНИЯ ОЗЕР НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБЩИНЫ

Т.И. Синкевич

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Гидронимическое пространство любой территории представляет собой фрагмент целостной языковой национальной картины мира, которая отражает особенности мышления носителей данной языковой культуры и формирует специфику восприятия окружающего мира. Проблема исследования представляется актуальной, так как названия – факты языка, они переносят нас через века и тысячелетия, позволяют изучать явления прошлого.

Цель статьи – проанализировать названия озер, в основе номинации которых нашли отображение имена собственные.

Материал и методы. Материалом нашего исследования послужили названия озер Витебщины. Ведущим методом исследования был описательный метод как триединство приемов наблюдения, анализа и систематизации результатов исследования. При сопоставлении изучаемых фактов с уже известными использовался структурно-сопоставительный метод. Лимнонимы Витебщины сопоставлялись с гидронимическим материалом соседних территорий, что позволило посмотреть на каждое отдельное название как на элемент системы наименований той или иной территории. Кроме того, для аргументации результатов наблюдения применялись элементы статистического метода посредством использования методики количественных подсчетов.

Результаты и их обсуждение. Имя собственное (во всей полноте своих характеристик) представляет собой точку соприкосновения лингвистического и экстралингвистического планов, значение его оказывается сложным комплексом, в котором сведения о слове переплетаются со сведениями об именуемом объекте. Для того чтобы ономастическая гипотеза имела право на существование, необходимо найти не только звучный апеллатив или другой оним, но и показать, как и почему они могли стать основами искомого онима. Как известно, процессе номинации отражается познавательная деятельность номинатора, уровень развития его опыта в момент создания имени, т.е. экстралингвистический фактор служит еще одним из критериев объективной и корректной интерпретации наименования. Специфика же ономастической деривации такова: без подтверждения реконструкций реально засвидетельствованным материалом, нельзя утверждать, что каждая из подобных форм непременно существовала в действительности, ибо значительное место отводится образованиям по аналогии, которые могут формироваться по известным моделям, минуя словообразовательные ступени. Отдельные этапы истории оказываются трудными для непосредственного наблюдения, так как внутрисистемные отношения, а также взаимные влияния онимического и апеллативного, исконного и заимствованного лексических фондов не всегда очевидны для исследователя.

Группа онимотропонимных названий невелика, всего 18 лимнонимов. Чаще всего такие названия образуются при помощи суффиксов -ов-, -ев-, -ин-, от имен, фамилий, прозвищ рыболовов, владельцев земель: Акимово озеро, Алешево, Папово озеро, Гиньково, Грунькино озеро и др.

«Озер у нас многа. Есть большие озера. Кто, какой рыбак рыбачил, так и называли. Грунькина озеро – вона там промышляла (записано в Бешенковичском районе Витебской области). Если предположить, что существует тесная связь между личным именем конкретного человека и названием озера, то существование подобного наименования недолговечно: меняется рыбак – меняется название. Иногда так происходит. Но, как известно, топонимия консервативна. Часто происходит так: забывается человек, по отношению к которому названо озеро, а само название сохраняется. Если нет информации о причине номинации, то появляется следующее название, например, Гиньково – был такой рыбак Гинька, да и утонул в озере (название озера с притяжательным суффиксом указывает на принадлежность какому-либо лицу, а не на связь с утопленником); позже озеро получило другое название; а название озера Алешево (неподалеку Алешин стан), возможно, образовано от разговорной формы имени Алеша, Макарово озеро – Макаровское озеро; Шубино – Шубинское озеро и др. (сначала это название с притяжательным суффиксом, позднее с осложненным суффиксом – ск- в связи с потерей притяжательного смысла). Часто, несмотря даже на утрату семантической мотивированности, название продолжает функционировать как член определенного топонимического и словообразовательного ряда.

Большинство из таких названий озер относятся к маленьким по объему воды лимнонимам, но они самым тесным образом связаны с человеком. Например, название озера Алоизберг (в течение двух столетий Алоизберги владели поместьем, землями, пастбищами, лесами и озером), а также лимноним Пеликаны (еще в XVI веке, согласно историческим документам, здесь располагалось имение Пеликаны, владельцы которого были состоятельными людьми, так как им принадлежали пахотные земли, лесные угодья, озеро), а потому, видимо, эти озера и получили свои названия по фамилии или прозвищу владельца (последнее название могло быть получено и от названия имения).

Закключение. Следует помнить о том, что в процессе номинации взаимодействуют три разнородные сущности: экстралингвистическая деятельность, гносеологический образ обозначаемой ситуации, представляющий собой ее понятийное отображение, некий «слепок с действительности», и наименование, которое уже имеет структурно-языковое членение. Семантический и структурный анализ названий озер Витебщины подтверждает закономерности, выявленные исследователями на других территориях, и позволяет уточнить и дополнить их новыми фактами. Лимнонимы, являя собой фрагмент языковой картины мира, дают огромный материал для исследования быта, традиций, взглядов наших предков.

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4т. / В.И. Даль. – Москва, 1976-1980.
2. Иванов, В.В., Топоров, В.Н. Исследования в области славянских древностей / В.В. Иванов., В.Н. Топоров. – Москва, 1974.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4т. / М. Фасмер. – Москва, 1986-1987.
4. Назвы азераў Беларусі: слоўнік / С.У. Шахоўская; навук. рэд. П.А. Міхайлаў. – Мінск, 2014.
5. Беларуская Энцыклапедыя: у 18т. – Мінск, БелЭн, 1996 – 2004.
6. БКБ – Блакітная кніга Беларусі: энцыклапедыя – Мінск: БелЭн, 1994. – 415с.

АНТРОПОНИМЫ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ВЛАДИМИРА ОРЛОВА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т.П. Слесарева
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Современная лингвистика характеризуется проявлением интереса к проблемам ономастики [6, с. 9]. Особенно интенсивно развивается литературная ономастика, изучающая особенности функционирования поэтонимов, которые используются в художественных текстах для решения самых разнообразных художественно-образительных и стилистических задач.

Поскольку в настоящее время изучение ономастического пространства ведется на материале разных национальных литератур [2; 5; 6], то, на наш взгляд, выявление основных закономерностей употребления антропонимов в автобиографической прозе историка, поэта и прозаика Владимира Орлова является актуальным.

Цель нашей работы – лингвопрагматическое описание антропонимов, употребленных Владимиром Орловым в автобиографическом произведении «Мой радавод да пятага калена, або Спроба пазбегнуць выгнання».

Материал и методы. Материалом исследования послужило произведение Владимира Орлова. Для исследования мы использовали статистический и описательный методы исследования.

Результаты и их обсуждение. В создаваемом писателем микромире моделируемая система поэтонимов обязательно соответствует содержанию произведения, авторской концепции, замыслу, жанру, художественному методу, времени написания, в пределах которого наблюдается специфика ономастикона, отмечаются особенности в именовании лиц и номинации объектов и предметов [2, с. 75].

Путем сплошной выборки из анализируемого текста нами было выписано 269 поэтонимов, среди которых встретились *антропонимы* (147 употреблений, или 54,6%), *топонимы* (68 употреблений, или 25%), *фитонимы* / имена любых растений (9 употреблений, или 3,3%), *гемеронимы* / наименования органов периодической печати (9 употреблений, или 3,3%), *гидронимы* (6 употреблений, или 2,2%), *теонимы* (6 употреблений, или 2,2%), *фалеронимы* / названия медалей и орденов (5 употреблений, или 1,8%), *библионимы* / названия художественного произведения или книги (5 употреблений, или 1,8%), *урбанонимы* (4 употребления, или 1,4%), *экклезионимы* / имя места совершения обряда, места поклонения любой религии, в том числе название собора, церкви, костела (3 употребления, или 1,1%), *инсулонимы* / название островов (2 употребления, или 0,7%), *космонимы* (2 употребления, или 0,7%) и по 1 употреблению (0,3%) таких разрядов онимов, как *некроним* / название кладбищ, мест погребения, *хрононим* / название исторического события и название полка.

Как свидетельствуют цифры, самыми употребляемыми из поэтонимов явились антропонимы.

Владимир Орлов писал: «Як вы заўважылі, аднаўляючы радавод, я не збіраюся маляваць грунтоўных партрэтаў. Я свядома не лезу ў прыцемныя спіжарні памяці, а занатоўваю тое, што не трэба ўзгадваць, бо яно памяталася заўсёды, увесь час было як бы ў зялёным коле святла ад лямпы, што гарыць увечары на маім сталі. Мне здаецца, менавіта ў россыпе такіх незабыўных драбніц ды фактаў і можна разгледзець чалавечую сутнасць дзейных асобаў майго невялікага даследавання» [1, с. 303].

«Даруйце мне, усе мае родзічы, якіх згадаю адно мімаходзь або не згадаю зусім. Каб канчаткова не забытацца ў галінах і адгалінаваннях радаводнага дрэва - пагатоў, спадзявацца ўнікнуць лірычных і нелірычных адхіленняў ад такога тэмы ўсё адно найўна, - буду весці гаворку аб непасрэдных сваіх продках па бацьку і маці» [1, с. 301].

Много внимания писатель уделяет описанию своих родных и близких. 16 словоупотреблений приходится на долю антропонима *Аўгіння* (бабуля). «У любы момант я магу лёгка выклікаць у памяці не толькі яе твар, але і голас, хаду, адчуванне ейнае сухой рукі...» [1, с. 310], 9 – антропонима *Максім* (дед), 5 – антропонима *Прося*: «Намагаюся і не магу ўзгадаць аблічча сваёй бабулі па мячы – Просі. У «фамільным архіве» не ацалела, а мо ніколі і не было ніводнае яе фатаграфіі... Яна памерла, калі я хадзіў у трэці клас. Ужо ў студэнцкія гады разоў

колькі я меўся з'ездзіць да бабы Просі на магілу, але ўрэшце так і не сабраўся. Часам я думаю, што спраўджу свой намер, калі здолею ўспомніць бабулін твар» [1, с. 309–310].

С большой любовью и уважением вспоминает Орлов своих родителей – отца *Алексея Артемовича* и мать *Марию Максимовну*.

«Мая маці Марыя паходзіць з сялянаў вёскі Капысіца...Па вайне яна, закрэсліваючы ў падручніках імёны «ворагаў народа», галадуючы і мерзнучы ў інтэрнацкай стадоліне, дзе па двое на вузкіх салдацкіх ложках «вальтом» спалі два дзесяткі дзяўчат, скончыла гістарычны факультэт педінстытута. Яна ўсё жыццё выкладала ў школе гісторыю...» [1, с. 302-303].

«Мой бацька Аляксей - сялянскі сын з вёсачкі Стэцава...Бацька паспеў адбыць перад вайною тэрміновую службу ў Адэсе, да якой назаўсёды захаваў у сваёй суровай душы прытоеную пшчоту і куды паспеў звязіць мяне, васьмікласніка, за колькі гадоў да свае ранняе смерці. У дом свой вечны ён узяў ордэн Чырвонае Зоркі, медалі «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта» і з паўтузіна тых, якія давалі ўсім, хто быў на фронце, а таксама, напэўна, і ўсім, хто бясстрашна ваяваў з «ворагамі народа» ў тыле. Атрымаўшы пасля вайны дыплом юрыста, бацька да апошніх дзён працаваў у пракуратуры...Праца, несумненна, адбілася на бацькавым характары. Ён быў маўклівы, замкнёны ў сабе чалавек, здаецца, без пачуцця гумару і з патаемным жаданнем калі-небудзь пераехаць у Адэсу» [1, с. 303–304].

Вспоминает Владимир Орлов также свою двоюродную бабушку *Грыпінку* и двоюродного деда *Рыгора*, дядю *Ахрэма* и *Язэпа*, теток *Вольгу* и *Насту* и более далеких родственников: «Мяркуючы па імёнах, якія захаваліся ў матчынай праваслаўнай Капысіцы да сёння - *Баўтрамей*, *Домна*, *Якуб*, *Базыль*, *Цыпрыян*, - мае продкі па кудзелі былі, бясспрэчна, вуніятамі, або, дакладней, грэка-католікамі ці католікамі ўсходняга абраду» [1, с. 320].

«Я набліжаюся да пачатку мінулага стагоддзя, і свечка сямейнага падання, што асвятляе мне шлях, пакрысе ператвараецца ў маленькі агарак. Але перш чым патухнуць, зліўшыся з няпамяццю, яна яшчэ раз успыхвае, вырываючы з цемры апошняе імя - Баўтрамеевага бацькі Цыпрыяна...»

За прапрапрадзедам Цыпрыянам пачынаецца сцяна непасвяцімае цемры, у якой бясследна губляюцца карані майго радаводу; пра крону ж, спадзяюся, паклапоцяцца мае сыны і ўнукі, калі, вядома, не ўмяшаецца кашчавая рука Чарнобыля...» [1, с. 321-322].

В.В. Шур утверждает, что фамилии, имена, псевдонимы политических деятелей, писателей используются в текстах как средство социальной типизации, поскольку «яны дазваляюць надаць падзеям і фактам, што адлюстроўваюцца ў творы, рысы праўдападобнасці, мастацкай пераканальнасці» [9, с. 25].

Поэтому Орлов, наряду с именами близких ему людей, стремился использовать естественные имена, существующие реально в изображаемом временном отрезке в том или ином социуме.

Так средствами создания атмосферы прошлого в тексте являются имена политиков и военачальников (*Напалеон* (2 словоупотребления), *Ленін* (2 словоупотребления), *Павел I*, *Кацярына II*, *Мікалай I*, *Іван Грозны*, *Кутузаў*, *Сталін* (5 словоупотреблений): «Я пішу пра гэта, бо І.В.Сталін - таксама частка майго радаводу, як, зрэшты - хацелі б мы таго ці не, - і кожнага з нас» [1, с. 309], *Кіраў*, *Хрушчоў*); писателей (*Янка Купала*, *А.Вазнясенскі*, *А. Герцын*, *А. Салжаницын*, *Уладзімір Караткевіч*, *Анры Барбюс*, *Толстой*, *Горький*); реальных действующих лиц (ректор БГУ *Сікорскі*, профессор *Круцько*).

Вспоминает автор и о своих друзьях. Это *сябар Колька*, *Генадзь Кулажанак*, *Винцэс Мудроў* і *Валерый Шлыкаў*.

Заклучение. Употребление антропонимов в автобиографической прозе Владимира Орлова стилистически мотивировано. Они связаны с замыслами писателя, с его мировоззрением, с идейно-тематическим содержанием произведения.

1. Арлоў, У. Пяць мужчын у леснічоўцы: Аповесці, апавяданні, эсэ. – Мінск: Маст. літ., 1994. – 366 с.
2. Горбаневский, М.В. Ономастика в художественной литературе / М.В. Горбаневский. – Москва: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. – 88 с.
3. Калинин, В.М. Поэтика онима / В.М. Калинин. – Донецк: Издательство донецкого государственного университета, 1999. – 408 с.
4. Рогалев, А.Ф. Имя и образ: Художественная функция имен собственных в литературных произведениях и сказках / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Барк, 2007. – 224 с.
5. Суперанская, А.В. Структура имени собственного / А.В.Суперанская. – М.: Наука, 1969. – 220 с.
6. Ташицкий, В. Место ономастики среди других гуманитарных наук // Вопросы языкознания. – М., 1961. – № 2. – С. 3–11.
7. Фoniaкова, О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фoniaкова. – Л.: Издательство ЛГУ, 1990. – 103 с.
8. Шур, В.В. Онім у мастацкім тэксце: манаграфія / В.В. Шур. – Мн.: Беларускі кнігазбор, 2006. – 216 с.
9. Шур, В. В. Онім у творах Якуба Коласа: паказчыкі і актуалізатары дадатковых адценняў значэння / В.В. Шур // Родн. слова. – 2006. – № 6. – С. 23-26.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕСОГЛАСИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОУ

Т.М. Хуцкая
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Ток-шоу как особый жанровый вид телевизионного дискурса имеет особую популярность в англоязычных странах. Такие телепередачи отличаются своими особенностями, в том числе и на уровне организации речевой деятельности их участников. Исследователи считают, что основная сюжетная линия ток-шоу строится на постоянном противопоставлении интересов коммуникантов, которое находит свое отражение в доминировании речевых актов несогласия. Это предопределило цель настоящей работы – выявить основные языковые средства выражения несогласия и определить частотности их употребления.

Материал и методы. В качестве практического материала исследования нами были использованы видеозаписи аналитических ток-шоу Insight, BBC World Debate и BBC Question Time общим объемом 3 часов. Методологическую базу исследования составили метод прагматики и лингвостилистического анализа, качественный контент-анализ.

Результаты и их обсуждение. Речевой акт несогласия – один из видов речевых актов негативной реакции, объединяющий все виды отрицательных реакций: возражение, суждение, выражение недовольства, неодобрение [2, с. 38]. Исследовательский материал показывает, что наряду с использованием эмоционально-оценочной лексики участники ток-шоу довольно часто прибегают к употреблению стандартных фраз, речевых клише, что также отличает стилистику текстов ток-шоу» [1, с. 75].

Среди морфологических средств можно выделить приставку *dis-*, которая использовалась в 46% случаев (6 из 13):

Jonathan: ... now we should fix these questions with another vote, by referendum.

Host: It was you who said that the second vote would be disrespectful, why should we vote again?

Jonathan: I said that before the Brexit referendum and I meant it. (BBC Question Time)

Вторым наиболее часто встречающимся морфологическим средством является приставка *in-*, которая встречается в 31% случаев (4 из 13):

Audience: Well, don't you see, that it makes the person impersonate?

Doctor: ... it's not unnatural at all as you may think. (Insight)

Priti Patele: No, it is not that Conservatives are on the side of rich, it's the common sense only.

Vince Cable: ...the present situation is roughly unfair. (BBC Question Time)

Остальные случаи употребления морфологических средств приходятся на приставку *mis-* (1 из 13 или 7%), суффикс *-less* (1 из 13 или 7%) и суффикс *il-* (1 из 13 или 7%):

Audience: Can Theresa May be considered as a credible person while Brexit?

Jonathan: ... she is taking country in a very damaging and dangerous direction, misleads it. (BBC Question Time)

Наиболее частотное появление лексических средств при несогласии обусловлено тем, что в состав лексических средств выражения несогласия входит отрицательная частица *not/no*. На эту частицу приходится 51% употребления лексических средств выражения несогласия (14 из 27):

Petty Patelle: ... they can keep their properties.

Angela: But their children have to sell them.

Petty Patelle: well... they have a choice whether they are going to sell it or not. (BBC Question Time)

Вторым по частоте употребления лексическим средством выступили прилагательные и антонимы – 22% (6 из 27):

Priti Patel: ... it's sustainable, you are on the way right now.

Lorena Eindt: ... they are saying they are trying to help, It's officious, it's nasty... (BBC Question Time)

В 15% (4 из 27) случаев использовались наречия:

Jonathan Barkly: Now the Conservatives are breaking this social contract.

Priti Pattel: Absolutely not! We're not doing that. (BBC Question Time)

Host: But are you saying that the actual quality of care he gets which he is paying for is not adequate?

Audience: Absolutely not! (BBC Question Time)

В трех случаях (11%) в качестве лексических средств выражения использовались существительные:

Audience: ... you instead would take away an inheritance tax, surely this is a complete hypocrisy and you just want to soak the rich.

Angela Rayner: No, it's not hypocrisy, it's about choices. (BBC Question Time)

Наиболее часто используемым синтаксическим средством являются риторические и встречные вопросы – 57% (8 из 14):

Host: But how to create more opportunities for the people to create the prosperity? (BBC World Debate)

Angela: This is not a decision of a ruling party, is it?

Priti Patel: Then what is your solution? (BBC Question Time)

Host: ... the fuel taxes were in your bill, wasn't it?

Lorena Eindh: ... but I'm talking about our manifesto we are standing on today.

На эмфатические конструкции пришлось 43% от общего числа синтаксических конструкций:

Host: Is it true that the main driver of poverty is greed and inequality?

Expert: ...It's not that the situation has no improvement at all... (BBC World Debate)

Устойчивые конструкции употреблялись в ходе проведения ток-шоу не так часто, как лексические и синтаксические средства. Тем не менее, эти выражения играют не малую роль в дискурсе ток-шоу.

Lorena Eindh: ... they are saying they are trying to help, I't officious, it's nasty...

Priti Patel: It's not the point. (BBC Question Time)

Проанализировав частоту употребления средств несогласия в ходе коммуникации в трех выбранных аналитических ток-шоу, было отмечено, что чаще всего данными средствами пользуются эксперты в ответ на реплики экспертов, находящихся в студии. Эксперты использовали приёмы выражения несогласия чаще всех. Из 67 случаев использования всех типов приёмов на экспертов приходится 32 (47%). Они так же использовали преимущественно сильное несогласие, т.к. использование лексических приёмов выражено у них больше всего.

Эксперты так же использовали более острые стратегии при выражении несогласия с оппонентом. Так, у них преобладала стратегия обвинения. Стратегия контробвинения также имела место в политическом дискурсе передачи BBC Question Time. Прежде всего, это было обусловлено тем, что участники дискурса являлись экспертами с твердой позицией и очень хорошей практикой ведения телевизионного дискурса.

Заключение. Таким образом, речевой акт несогласия, как и любое негативное явление, представляется по своей психологической природе более экспрессивным, эмоциональным и запоминающимся в отличие от положительного речевого акта. Результаты количественно-качественного анализа исследовательского материала показывают, что наиболее частотными средством реализации речевого акта несогласия в английском телевизионном дискурсе на морфологическом уровне является приставка *dis*, на лексическом – частица *no/not*, на синтаксическом – риторические вопросы и эмфатические конструкции (*инверсия, фронтальные конструкции и повтор*).

1. Дёмушкина, Т.Н. Согласие и несогласие как типы речевых актов в английской диалогической речи / Т.Н. Дёмушкина // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2015. – № 3. – С. 218–225.
2. Ермакова, Л.М. Научные исследования в лингвистике / Л.М. Ермакова. – М., 2001. – 118 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНРОПОНИМИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА КОМПОНЕНТАМИ ОНОМАСТИЧЕСКОГО РЯДА

О.В. Шевернинова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Благодаря актуализации в семантике литературных имен собственных определенных смысловых блоков данные онимы выступают прагматически маркированными социокультурными единицами, которые способны концентрировать обширный спектр социопрагматической информации. В настоящее время наблюдается интерес белорусских и зарубежных лингвистов к изучению социальной специфики литературных онимов, их социопрагматической информативности в силу того, что модель процесса номинации, основанная на социопрагматическом содержании, в значительной мере расширяет эвристические возможности исследования материала и повышает эффективность не только литературоведческого, но и лингвистического анализа художественного текста. При этом ономастический ряд, представляющий собой системное структурное единство, сформированное разнообразными формами и вариантами имени собственного и структурными антропонимными моделями, с помощью которых обозначается действующее лицо в художественном произведении, выступает эффективным инструментарием установления антропонимической идентичности персонажа и его репрезентации во всем многообразии социальных ролей и взаимоотношений с другими персонажами. Однако работы, посвященные изучению ономастических единиц с социопрагматической точки зрения, в том числе в рамках ономастического ряда, до настоящего времени характеризуются дисперсностью эмпирического материала и отсутствием комплексных исследований, что определяет актуальность проводимого нами исследования.

Цель статьи – раскрыть возможности ономастического ряда в репрезентации антропонимической идентичности персонажа.

Материал и методы. Материалом исследования является художественный антропонимикон в романе «Прокляты и убиты» В.П. Астафьева. Для реализации поставленной цели использовались качественно-количественный, статистический анализы и дескриптивный метод для обобщения и интерпретации полученных данных, контекстуальный анализ для выявления социопрагматической информативности онимов, выступающих компонентами ономастического ряда.

Результаты и их обсуждение. Анализ антропонимных именованных действующих лиц в художественном ономастиконе произведения «Прокляты и убиты» В.П. Астафьева позволил сконструировать ономастические ряды, посредством которых осуществляется референция мужских персонажей с учетом различных социальных и ситуативных факторов (роль в социальной среде, степень родства / близости, знакомства и др.), а также идейно-авторского замысла и сюжетной линии.

Особое внимание обращает на себя ономастический ряд, принадлежащий одному из главных героев романа и включающий в свой состав максимальное количество компонентов (10 единиц): *Никита – Никитка Жердяков – Никитушка – Жердяков – Зеленцов – Зеленцов К.Д. – Черемных – Емеля Шорохов – Шорохов – Зеленцов-Шорохов.*

Качественное наполнение данного ономастического ряда характеризуется обширной социопрагматической информативностью. Оно репрезентирует антропонимическую идентичность героя и наиболее полно отражает его жизненный путь. Наличие в составе анализируемого ономастического ряда большого количества именованных фиксирует информацию о полной смене антропонимной модели именованного действующего лица. Мотивом такой смены выступают судьбоносные переломные моменты в жизни героя, сопровождающиеся, как правило, необходимостью сокрытия реального имени при вхождении его носителя в новый социум с последующим изменением его социальной роли. Так, *Никитка Жердяков*, оставшись без родителей в четырнадцать лет, «соединил в себе все лютое зло <...> и пока он не наступит на горло, не оторвет тому злу, как болотной змее, седенькую головку – не будет середь людей на земле спокойствия и порядка» [1, с. 610]. Пытаясь добиться справедливости всеми возможными спо-

собами, он оказывается в тюрьме, потом в лагере, бежит, занимается грабежами, совершает убийство, и снова тюрьма, где он усваивает негласный закон: «Умри ты сегодня, а я завтра...» [1, с. 614]. Таким образом, начиная каждый новый этап своей жизни, *Никитка Жердяков* становится сначала *Черемных*, потом *Зеленцовым К.Д.*, потом *Емелей Шороховым*. О невозможности изменить такого человека автор отмечает: *И фамилия Зеленцов – была у него не первая, да и Шорохов – не последняя* [1, с. 610]. Особую социопрагматическую информацию реализует компонент ономастического *Зеленцов-Шорохов*, состоящей из двух номинативных единиц, которые соотносятся с одним референтом. Данный компонент репрезентирует социальный и психологический аспект адаптации носителя в социокультурном пространстве, а также утрату социально-психологической ценности антропонимической идентичности с последующей потерей самоидентификации и индивидуальности его обладателя.

Заключение. Таким образом, рассмотренный ономастический ряд персонажа позволяет установить антропонимическую идентичность действующего лица и проследить жизненный путь на всем его протяжении и в связях с окружающей художественной действительностью. При этом смена антропонимической идентичности героя, репрезентируемая компонентами ряда, указывает на потребность носителя в изменении его восприятия другими представителями социума и/или сокрытии нежелательных, неприятных моментов на его жизненном пути.

1. Астафьев, В.П. Прокляты и убиты / В.П. Астафьев. – М.: Эксмо, 2009. – 800 с.